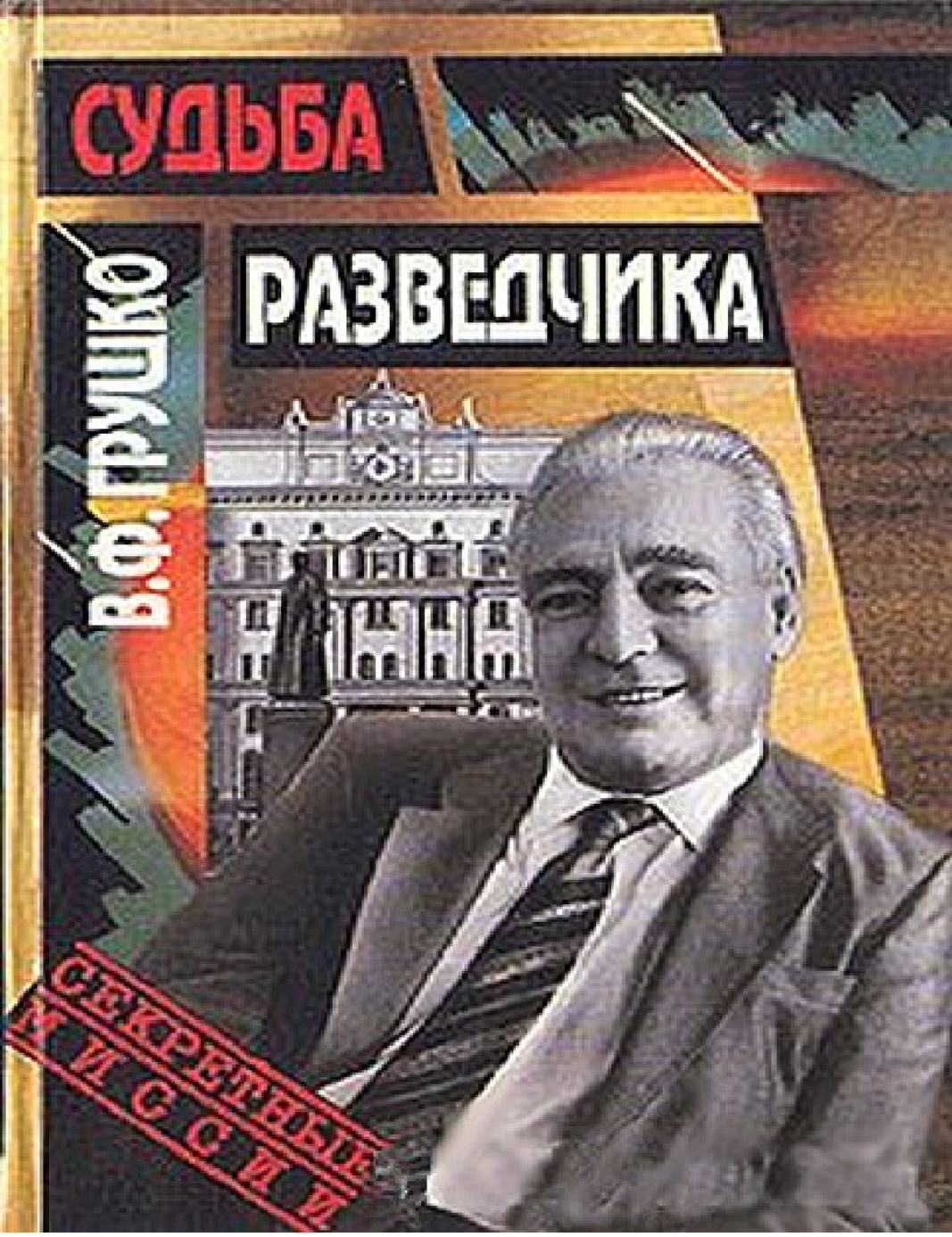
СУДЬБА РАЗВЕДЧИКА

В.Ф. ГРУШКО



СЕКРЕТНЫЕ МИССИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автора этих мемуаров знают немало людей в России и за рубежом — политики, дипломаты, журналисты, сотрудники спецслужб.

Свою судьбу этот человек сделал сам, пройдя путь от атташе посольства и младшего офицера разведки до первого заместителя председателя КГБ.

Он использовал возможности, которые его страна давала всем, кто хотел и умел увлеченно и не жалея сил учиться, работать, служить, чтобы затем, в годы холодной войны, кропотливо, шаг за шагом, содействовать улучшению ее отношений с европейскими соседями.

- В.Ф. Грушко
  - Предисловие
  - НЕБОЛЬШОЕ ВСТУПЛЕНИЕ
  - Глава1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
- notes
  - 1
  - 2

В.Ф. Грушко
Судьба разведчика: Книга воспоминаний

«Никто из сотен советских дипломатов и разведчиков, которые работали в Осло в послевоенное время, не причинял норвежским службам безопасности столько головной боли, сколько Виктор Грушко».

Из книги А. Якобсена «Цена подозритвпьности»

Предисловие

Виктор Федорович Грушко… До 1989 года это имя было известно довольно узкому кругу советских специалистов-международников, занимающихся проблемами Восток—Запад. Это не удивительно, так как с 1954 по 1960 год Грушко находился на дипломатической работе, а с 1960 года выбрал нелегкий путь разведчика, пройдя за 30 лет от младшего оперативного уполномоченного, лейтенанта до генерал-лейтенанта, первого заместителя начальника советской внешней разведки. До наступления периода гласности в нашей стране даже разведчики не имели возможности знакомиться с воспоминаниями видных представителей органов государственной безопасности. Художественная литература давала некоторое представление о деятельности советской разведки и контрразведки, но описывала преимущественно подвиги, героизм служения Родине. Непревзойденным мастером этого жанра был мой добрый знакомый Юлиан Семенов (ныне, к сожалению, покойный), написавший на документальной основе ряд романов и повестей.

В 1989 году имя В.Ф.Грушко впервые стало появляться на страницах советских газет. Дело в том, что в это время он был назначен заместителем председателя — начальником Второго главного (контрразведывательного) управления КГБ СССР — на более открытую и даже предусматривавшую периодические появления на публике должность. Ряд выступлений В.Ф. Грушко перед депутатами Верховного Совета, интервью иностранным журналистам запомнились конкретностью и новизной приводимых фактов о шпионаже и вмешательстве спецслужб стран Запада во внутренние дела Советского Союза. Годом позже Виктор Федорович становится делегатом последнего съезда КПСС и затем — членом ЦК КПСС.

В августе 1991 года его имя вновь на слуху, на этот раз в совершенно неожиданной и трагической связи. Грушко, ставший к этому времени первым заместителем председателя КГБ СССР и генерал-полковником, арестован после небезызвестной попытки ГКЧП ввести в стране чрезвычайное положение. Несколько месяцев в тюрьме в качестве подследственного, равно как и обвинение в измене Родине, довели его здоровье до такого состояния, что следствие было прекращено. Коллегам и друзьям генерала, знавшим его несколько десятков лет, было крайне тяжело сознавать, что патриота Родины, имевшего перед ней огромные заслуги, кощунственно подозревают в «заговоре», наносят непоправимый вред здоровью. Встреча с Виктором

Федоровичем в военном госпитале после освобождения навсегда останется у меня в памяти. Он с трудом передвигался, похудел килограммов на 20 и находился в тяжелой депрессии.

Остальные узники «Матросской тишины» в это время продолжали ждать обвинения и приговора. Спустя продолжительное время генерал армии В.И.Варенников, тоже обвиняемый по сфабрикованному «делу о ГКЧП», выиграл его в суде и доказал, что никакого «преступления» не было.

Воспоминания В.Ф.Грушко, думается, привлекут внимание самых разных читателей. Его книга встанет в один ряд с мемуарами видных руководителей советской разведки 70-90-х годов — В.А. Крючкова, Л.В. Шебаршина, В.А. Кирпиченко, Н.С. Леонова, Ю.В. Дроздова, интереснейшими архивными публикациями Центра общественных связей Службы внешней разведки России последних лет.

Особое значение мемуары имеют для международников со стажем и без оного с точки зрения ознакомления с малоизвестными страницами и эпизодами отношений Советского Союза со странами Европы, которым автор посвятил почти четыре десятилетия своей жизни. Целый ряд имен деятелей, игравших важную роль во внешней политике Советского Союза в 60-70-х годах, приводится в воспоминаниях впервые.

Виктор Федорович Грушко, разведчик и дипломат, не нуждается в рекомендациях как профессионал. Его образованность, видение перспективы, стиль работы, конкретные результаты помнят все, кому довелось работать с ним, независимо от ранга. Особенно много он сделал для того, чтобы привить молодому поколению разведчиков те навыки, которыми может гордиться российская внешняя разведка сегодня.

Осенью 1995 года в Норвегии вышла книга известного историка и писателя Альфа Якобсена «Цена подозрительности. Война вокруг специальных служб». В ней есть строки, понятные читателям, представляющим сложность установления и поддержания контактов с влиятельными представителями Запада в тяжелейшие периоды холодной войны.

«Первое, что установила норвежская тайная полиция, — пишет Якобсен, — это то, что только что прибывший дипломат советского посольства 24-летний Виктор Грушко постучался в дверь супружеской четы премьер-министра Эйнара Герхардсена с цветами в руках. Грушко только что окончил Московский институт международных отношений и в ноябре 1954 года получил назначение на работу в посольство в Осло в качестве стажера. Он относился к новому поколению советских людей, которое жаждало потепления международного климата и

выступало за смягчение отношений с Западом после смены власти в Кремле. Он был сыном бедного токаря, родился в Таганроге, что на Азовском море, и обладал большой интеллигентностью, умением привлекать к себе людей и работоспособностью. Никто из сотен советских дипломатов и разведчиков, которые работали в Осло в послевоенное время, не причинял норвежским службам безопасности столько головной боли, сколько Виктор Грушко. Случилось так, что приветы, которые он передавал в 1954 году супруге премьера Берне Герхардсен, стали началом редкой карьеры. Через 35 лет после первого скромного приезда в Осло он выдвинулся на выдающиеся роли в советской иерархии. Виктор Грушко стал генерал-полковником и первым заместителем председателя всего КГБ».

Книга В.Ф.Грушко охватывает целую жизнь — время свершений, неудач, ожиданий и перемен. Это время достойно осмысления и воспоминаний.

В.И. Жижин генерал-майор, бывший заместитель начальника советской внешней разведки

НЕБОЛЬШОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Все. Мне некуда больше спешить. Я дома. Привыкаю постоянно быть дома. В жизнь постепенно входят новые, непривычные организационные начала. Встаю рано, как всегда, потом душ, завтрак. Затем — ежедневно — два укола, делать которые научился во время долгих месяцев пребывания в госпитале. И прогулка в Филевский лесопарк. Какое это чудо — природа! Зелень, солнце, голубое небо, вековые деревья вдоль излучины Москвы-реки — все вокруг заставляет признать: жизнь прекрасна. Иду со своим другом-палкой по знакомой тропе. Иду медленно, размеренно. Вот первая скамейка. Здесь отдых. Скамейки тоже становятся моими друзьями. Их у меня пять. Я им верен. На каждой отдыхаю десять минут. Боль за это время проходит. Можно идти дальше. Каждый день один и тот же маршрут, и каждая прогулка приносит радость. В движении пробуждается память — удивительная способность человека видеть свою собственную жизнь с раннего детства до последних дней. Но это не кино, где события взаимосвязаны и развиваются по восходящей. Здесь твоя жизнь. Она тоже развивается, только память сохранила ее в ярких, но разрозненных эпизодах. До того ярких, как будто они были вчера, хотя в действительности происходили десятилетия назад. У памяти свои законы.

В дни первых прогулок по моему чудо-парку в памяти чаще других воскрешались события последних двух-трех лет. Назначение на должность заместителя председателя КГБ, бурное лето 1991 года — предавгустовские и роковые пять августовских дней и ночей. Танки на улицах Москвы, заседания в Кремле, отъезд председателя в Форос. Разговор с Президентом. Арест, тюрьма, допросы следователя. Разговор с Генеральным прокурором. Долгие и темные дни в тюремной камере вместе с уголовниками. Чувство величайшей несправедливости. Желание как можно скорее покончить со всем этим и уйти из жизни. Затем болезнь, отделение реанимации и тянущиеся до бесконечности дни и месяцы в больнице. Уколы, сотни уколов, переливания крови, капельницы. И вот освобождение: встреча с женой, сыновьями и друзьями. Прекрасные и одновременно тяжкие минуты. Наконец, отставка. Круг замкнулся. Теперь мне некуда спешить. Ни сегодня, ни завтра, никогда вообще.

Но память, память моя спешит. Она возвращает меня в далекие годы. Отчетливо воскрешается детство. Материнские

руки, улыбающийся отец. Любовь, юношеские мечты. Удивительно, я помню эти мечты, как будто не было пяти десятков лет. Учеба — школа, институт — в памяти проносится как миг. Но память рациональна. За каждым мигом как бы скрываются большие книги, которые можно листать страница за страницей. Но еще интереснее то, что можно открыть ту страницу, какую хочешь. Например, институт. Лекции академика Е.В.Тарле о внешней политике России XIX века. Они настолько потрясли меня в студенческие годы, что идеи, факты и события помнятся и поныне. Мое понимание национальных интересов Отечества во многом складывалось в те далекие дни, когда мы, второкурсники МГИМО, слушали блестящие лекции выдающегося историка.

Институт — это не только лекции, семинары, изучение языков, ни и жизнь страны в начале 50-х годов. Открываю в памяти новую страницу: смерть и похороны Сталина. Вместе со своими товарищами-студентами прохожу мимо гроба в Колонном зале Дома союзов. Осознаем, что в стране начинается новый отсчет времени. Тревожно, но теплится и громадная надежда на лучшее.

1954 год. Окончание института и отъезд в Норвегию на работу в советское посольство. Началась совсем другая, чем до этого, жизнь. Сколько в ней было всего! Она продолжалась до 24 августа 1991 г. 37 лет на государственной службе: 6 — на дипломатической работе и 31 — в разведке. Иду по тропам Филевского парка и вижу милые моему сердцу норвежские фиорды и шхеры, зеленый Осло, дождливый Берген и какой-то очень тихий Трондхейм. Вижу пытливые взгляды моих норвежских друзей, которых с каждым годом почти 15-летнего пребывания в этой стране становилось все больше и больше.

1972 год — окончательное возвращение в Москву. Назначения на руководящие посты в разведке и долгий путь (это тогда так казалось!) от одной ступени к другой. 1980 год. Назначение на должность заместителя, а в 1983-м — первого заместителя руководителя разведки. Беседы с Ю.В.Андроповым. В 1989 году глава «Разведка» закрывается и начинается глава «Контрразведка и руководство КГБ».

Итак, вот здесь, в Филевском парке, раскинувшемся над Москвой-рекой, и родилось у меня желание написать книгу воспоминаний о необычной судьбе Виктора Грушко — простого паренька из южного приморского города Таганрога.

Москва, 1993 год.

Глава1
Уроки войны

«Dieser Knabe ist kein Jude!».[1] Немецкий солдат крепко хватает меня за ухо. Вырываясь, в панике бегу в дом. Я знаю, что немцы обыскивают дом за домом в поисках прячущихся евреев. Теперь очередь дошла до нас. Немецкий солдат, который наткнулся на меня, не спросил ни имени, ни происхождения. Без предисловия он крепко ухватил меня за ухо и изучил его конфигурацию. Мое ухо оказалось славянским. Если бы оно выглядело иначе, мне не миновать участи тысяч других местных жителей, которые были расстреляны в овраге в десяти километрах от города. Первое, что предприняли гитлеровцы после захвата Таганрога, — это массовое уничтожение евреев по образцу осуществленного ранее в Бабьем Яру на Украине. Каждый раз, когда я возвращаюсь к поэме Евгения Евтушенко «Бабий Яр», в ушах у меня звучит: «Этот мальчик — не еврей!»

Констатация, в общем-то, была правильной. Я был бедным русским мальчишкой. Прадед по материнской линии Яков Сидоренко, доживший до 105 лет, помнил еще крепостное право. Когда меня привели, чтобы показать прадеду, мне он вовсе не показался старым, потому что не носил бороды. Установив, к какой ветви его рода принадлежу я, один из пятидесяти его внуков и правнуков, он молча кивнул в знак признания, снял с меня потрепанные сандалии и без лишних слов тут же отремонтировал их. Его руки были умелыми и проворными. В то время ему было за девяносто.

Всю свою жизнь он прожил в Алексеевке, маленькой деревушке в Матвеев-Курганском уезде Ростовской губернии, что в 40 километрах от Таганрога. Южнороссийский город Таганрог, старинный город-крепость и город-купец на границе с Украиной, — это моя родина.

Мои дед и бабушка тоже родились в Алексеевке, в Таганрог же, где отец моей матери устроился работать на железную дорогу, переехали в начале века. Они купили маленький домик, так называемую саманку, или мазанку, как таганрожцы иногда называют эти дома, преобладавшие в местной архитектуре еще долгие десятилетия. Саманки, как правило, состояли из двух комнат — кухни и горницы. Каждая комната размером примерно четыре на четыре метра с земляным полом. Такие дома в Таганроге сооружаются и поныне, и старые постройки тоже

неплохо сохранились. Когда 5–6 лет назад я ездил проведать мать, меня поразило то, что домик на Базарной улице выглядел как и прежде. Внутри все то же отопление углем, водопровода как не было, так и нет. Только полы стали деревянными. Если бы не телевизионные антенны на крышах и линии электропередачи вдоль улицы, можно было бы предположить, что на дворе начало века.

Примитивные условия? Да. Но не нужно забывать, что на теплом юге России жизнь людей протекала в основном вне дома. В каждом дворе была летняя кухня с печкой. За исключением зимы, домами пользовались в основном для ночлега.

Вскоре после революции с дедом случилось несчастье. Он попал под поезд и потерял руку. С этого момента семейству пришлось жить на ничтожную пенсию. Семья была очень бедной, но, как и многие другие, неприхотливой и весьма набожной. Все пели в церковном хоре, а мама продолжает эту традицию и сегодня. Пение принесло ей даже некоторую известность: она многие годы выступала в различных народных хорах и ансамблях. Есть даже выпущенная с ее участием пластинка, запись которой проходила под руководством известных в 40-е годы советских композиторов — братьев Покрасс. Но это к слову. Пение, безусловно, помогало матери скрасить скромную, без особых ярких событий, жизнь.

Дед Михаил умер зимой 1941 года, то есть во время оккупации Таганрога немцами. Взрослых мужчин в доме не было, и мы — я, мать и бабушка — разломали забор и из гнилых досок сделали гроб, разбив руки в кровь, потом отвезли его на нанятой подводе на кладбище, где и похоронили. Для меня это были первые похороны близкого человека.

Отец, Федор Ильич Грушко, также был выходцем из бедной семьи. Его отец, работавший кузнецом, умер от тифа еще до революции, оставив жену и тринадцать детей-сирот. Федор, родившийся в 1903 году, был старшим из них, и на его плечи легли основные заботы. Надо было поставить братьев и сестер на ноги, поэтому мой будущий отец устроился учеником токаря на завод и вскоре освоил эту профессию. Постепенно материальное положение семьи улучшалось… Федор познакомился с Александрой Михайловной Сидоренко, и в 1928 году они поженились. Год спустя у них родился сын Юрий, который умер, не прожив и нескольких месяцев. 10 июля 1930 г. появился на свет я, единственный оставшийся в живых ребенок.

Корни и жизнь моих родителей типичны для России того времени. Вся их родня была неграмотной, вместо подписи на документах ставили крест. Отец и мать имели на двоих

образование, которое можно приравнять, пожалуй, к трем классам современной школы. Вместе с тем мои родственники обладали, независимо от возраста, богатым жизненным опытом и здравым смыслом. Особенно мне была близка бабушка по материнской линии, рассказами которой о жизни я заслушивался. Она хорошо знала устное народное творчество, и, видимо, благодаря ей я рано пристрастился к чтению.

В 1930 году, за несколько месяцев до моего рождения, отец получил работу на крупном оружейном заводе в Подлипках (впоследствии — Калининград, а сейчас — город Королев), неподалеку от Москвы. Год спустя ему предоставили квартиру, и мама со мной тоже перебралась туда. Здесь же через несколько лет я пошел в школу и к 1941 году окончил три класса. Детьми мы играли в красных и белых, так же как на Западе играют в ковбоев и индейцев. Единственным осложнением было то, что все хотели быть только красными, поэтому ожесточенные споры часто заканчивались решением играть в «казаки-разбойники». Желающие стать разбойниками, как ни странно, находились.

Помню, что нас ошарашивало и пугало, когда появлялись слухи об аресте «врагов народа». Я не мог поверить, что родители моих приятелей вообще могли быть чьими-либо врагами. Однажды на уроке наша учительница Елена Васильевна достала учебник и сказала: «Дети, откройте учебник на пятой странице. Возьмите ножницы, вырежьте портрет маршала Тухачевского и выбросьте его. Дело в том, что он оказался врагом народа».

На картинке был изображен красивый и бравый военный. К тому же маршал, герой гражданской войны, чьи подвиги описывались в учебнике. Как он мог быть врагом народа? Все это казалось очень странным.

Конец 20-х и 30-е годы проходили под знаком кампании против Троцкого, Бухарина и других противников Сталина. «Троцкизм» и «троцкист» превратились в ругательные слова. Нам внушали мысль о том, что Троцкий является олицетворением коварства и измены, а мы даже не могли понять толком, что же он натворил. Сегодня-то мы знаем больше, а тогда вынуждены были довольствоваться объяснениями, что «враги народа» встали на путь разрушения страны, расплодили повсюду шпионов, а Троцкий был главным из них. А в такой обстановке не казалось таким уж и невозможным, что и маршал Тухачевский оказался в их компании.

Но даже если у простых людей и появлялись некоторые сомнения в достоверности обвинений, события лета 1941 года затмили все остальное.

Окончив третий класс школы в Подлипках, я вместе с

матерью отправился на летние каникулы к бабушке в Таганрог. Буквально через несколько дней фашистская Германия напала на Советский Союз. Немцы стремительно продвигались к Москве. Оружейный завод, на котором работал отец, был эвакуирован в уральский город Пермь, который тогда носил имя В.М. Молотова. Там отец и проработал всю войну. Мать же и я остались в Таганроге, который в ноябре 1941 года оккупировали немцы. Наступление немцев было столь быстрым, что местные жители не успели даже толком подготовиться к эвакуации, да и податься большинству из них было некуда. Неожиданно в воздухе появились ревущие фашистские самолеты, и в мгновение ока наша семья, как и миллионы других советских семей, оказалась разъединенной на несколько лет.

Вскоре на улицы города пришли разрушения и смерть. Во время бомбежки взрывной волной ударило в дом, стоявший на соседней улице. Нашему взору предстала страшная картина: дом был сильно разрушен, а семью — мужа, жену и дочку — буквально разорвало в клочья. Девочку я знал очень хорошо. Мы были с ней ровесниками — по 11 лет, и на ее месте вполне мог оказаться я. Так чуть и не случилось во время другого воздушного налета. Бомба упала прямо в наш двор. Хорошо, что мы с матерью были в погребе. Так что своей жизнью я обязан не только конфигурации собственного уха, но и погребу.

Таганрог — очень колоритный город. Он был основан Петром Великим как крепость на Азовском море и имеет некоторое сходство с Санкт-Петербургом: прямые улицы, много зелени. Но у Таганрога есть свои неповторимые особенности. Мало где можно увидеть столько акаций и фруктовых деревьев. В свое время город бурно развивался и процветал в качестве торгового и промышленного центра, поддерживал тесные отношения с Турцией, следы чего можно увидеть и поныне. Важнейшим занятием горожан было рыболовство. Таганрожцы по-прежнему обожают рыбца, чебака и сулу — рыбу, названия которой вы не найдете в иностранных словарях. В Азовском море обитает множество видов сельди и раков, которые ценятся достаточно высоко.

Будучи торговым городом, Таганрог всегда имел многонациональное население. Но я не помню ни одного случая межэтнического конфликта.

Армяне отличались умением шить великолепные сапоги, тапочки — «чуваки», как называли их горожане. Греки преимущественно занимались торговлей и были зажиточными людьми. У татар, украинцев и евреев тоже были свои особые черты, но все жили бок о бок в мире и согласии. За праздничным

столом собирались люди разных национальностей и, не думая об этом, ели узбекский плов, грузинский шашлык, пили русскую водку. Не было избранных и низших народностей. Наоборот, люди гордились многонациональной страной. Командиры в армии считали большой честью для себя, если в их подразделениях служили солдаты, скажем, двадцати национальностей.

Все это было настолько для нас естественным, что злодеяния немецких оккупантов буквально вызвали всеобщий шок. Они вылавливали евреев по всему Таганрогу, нашивали на их одежду «звезды Давида», сгоняли толпами в деревню Петрушино, неподалеку от города, и систематически уничтожали — женщин и мужчин, детей и стариков. Такая же участь постигла членов партии и комсомола. Зверства, массовое истребление людей до сих пор не укладываются в сознание. То, что я мог разделить трагическую участь других, если бы немецкий солдат случайно не поставил мне правильный «этнический диагноз», вспоминается как кошмарный сон.

В ответ на действия немцев вскоре возникло и стало шириться движение сопротивления. Коммунисты и комсомольцы уходили в партизанские отряды или пробивались к своим за линию фронта. В самом городе работало подполье.

Для меня война прежде всего ассоциируется с этими двумя годами фашистской оккупации Таганрога. Больше всего помню постоянное чувство голода. Каждый житель получал на день 50-граммовую пайку хлеба. Весь рацион выдавался раз в месяц, и мы с бабушкой выстаивали целый день в длиннющей очереди. Пайка была фактически даже меньше, чем в блокадном Ленинграде, так что выживать людям удавалось за счет плодородной земли на своих грядках и возможности изредка выменивать какие-то продукты на вещи в окрестных деревнях. В целом же снабжение города полностью пришло в упадок. Немцам было совершенно безразлично, выживут или умрут местные жители.

У нас во дворе тоже был клочок земли, на котором росли картошка, свекла, редиска, и это было большим подспорьем в нашем рационе. Бабушка и мать за войну обменяли весь скромный домашний скарб на кукурузу и пшеницу. И, тем не менее, голод был всегда с нами.

Когда я говорю об этих годах с иностранцами, особенно с норвежцами, создается впечатление, что мы пережили не одну и ту же войну. Мне хорошо известно о мужестве норвежского движения сопротивления и о страданиях гражданского населения Норвегии в период германской оккупации. Но когда я слышу, что магазины и государственные учреждения работали в войну чуть

ли не «как всегда», что люди реже, чем обычно, но ходили в рестораны… Непостижимо! Я помню совсем другую войну, а ведь большинство моих соотечественников пережили и худшее.

Однако у меня осталось не только ощущение вечного голода. Как сейчас, вижу повсюду на деревянных щитах приказы немецких оккупантов, напоминавшие, что «…подлежат расстрелу те, кто…» Мною, одиннадцатилетним мальчишкой, приказы воспринимались как нечто кроваво-жуткое.

Конечно, дети не в состоянии все понять в войнах, которые ведут взрослые. К тому же воспоминания, которые я вынес из тех лет, носят больше эпизодический характер: что-то я видел сам, что-то слышал, кое-что понял позднее. Но именно впечатления военных лет наложили особый отпечаток на всю мою последующую жизнь, оказали определяющее влияние на мировоззрение. Для того чтобы понять мои жизненные цели и принципы, деятельность в качестве дипломата и разведчика, обязательно следует принять во внимание переживания подростка из оккупированного Таганрога.

Взять, например, военнопленных. Колонны измученных советских солдат немцы гонят через наш город. Истощенные мирные жители с состраданием смотрят на своих защитников, попавших в беду, стараются поддержать взглядом или незаметно сунуть последний кусок хлеба. Ненависть наполняет их сердца при виде холеных немецких офицеров, которые ведут себя как победители, издеваются над пленными. Тяжело видеть в неволе мужчин, молодых и постарше, которые еще недавно сражались на фронте. Раненые и контуженые, истощенные и униженные, хмуро бредут они под дулами немецких автоматов по улицам города.

Изменники были особенно омерзительны. Оккупанты создали в городе некую «думу» или что-то в этом роде, во главе которой поставили русского. Подручными немцев были дезертиры и местные жители, которые, держа нос по ветру, стали подлаживаться под новых хозяев. Главная задача полицаев состояла в выявлении партизан. Заходили они и к нам, хотя прекрасно знали, что партизанам в нашем домишке прятаться просто негде. На самом деле им хронически нужен был самогон. Бабушка самогоноварением не занималась, но получила строгий наказ по возможности приобретать его и держать в доме на тот случай, если полицаи окажутся поблизости и захотят за наш счет скрасить службу.

Партизаны в городе и его окрестностях действительно были, хотя я их своими глазами ни разу не видел. Присутствие народных мстителей сказывалось во взрывах и акциях саботажа, которые приводили к жертвам среди немцев. Впоследствии я

узнал, что костяк партизанского движения у нас составляли совсем еще юные комсомольцы, которые создали ряд подпольных групп, сами определили свои политические и военные цели и вступили в борьбу с фашистскими оккупантами.

Значение действий молодых партизан состояло не только в нанесении конкретного ущерба врагу, но и в самом факте объявления ему войны, беспощадной борьбы за свободу и идеалы. Это было жизненно важно как для них самих, и для всех, кто оказался в оккупации.

Большинство юных защитников Таганрога погибло в схватках с немцами или было расстреляно.

Для меня до сих пор нет произведения, сильнее передающего накал народной войны с гитлеровскими захватчиками, чем вышедший после войны роман Александра Фадеева «Молодая гвардия». Он основывался на подлинных фактах подпольного движения в шахтерском городке Краснодоне. Советская молодежь после войны сверяла свою жизнь с подвигами молодогвардейцев, задаваясь вопросом: «А я смог бы так?» Фадеев, как известно, получил Сталинскую премию, но в начале 50-х годов его роман резко критиковали за недооценку роли коммунистической партии в организации партизанского движения. И напрасно, ведь в книге прежде всего раскрывались чистота и сила юношеского порыва в тяжелую для Родины годину, когда подлинным патриотам не требовались приказы или подсказки. Параллели между борьбой молодогвардейцев против фашизма и действиями таганрогских комсомольцев были настолько ощутимыми, их самоотверженность столь искренней, что я всю жизнь испытываю чувство глубокой гордости и признательности моим соотечественникам, павшим во время Великой Отечественной войны.

В начале 1943 года, когда мне было 12 лет, я стал задаваться вопросом: а что я мог бы сделать полезного на оккупированной врагом территории? Решил начать с листовки, которую изготовил и повесил в нескольких сотнях метров от дома. Обращение было простым: «Смерть немецким оккупантам! Все — на борьбу с гитлеровским фашизмом!» В последующие дни я крутился у дома, где была наклеена листовка, чтобы посмотреть, сколько она провисит, кто ее читает. Мать «вычислила» меня и задала трепку, поскольку детский почерк легко мог меня выдать. Но я потихоньку продолжал заниматься тем же, вывешивая свои листовки подальше. Этот маленький вклад в антифашистскую борьбу был очень важен для меня, он стал моим первым осознанным политическим действием.

С информацией в Таганроге во время оккупации было очень плохо. Радиоприемники немцы конфисковали, советские газеты, естественно, не продавались. Единственный способ узнать новости в таких условиях — это «беспроволочный телефон», то есть разговоры и слухи. Впрочем, имелся еще один источник. В городе издавалась профашистская газета на русском языке. Она вывешивалась в центре, и я бегал туда, чтобы прочитать ее. Многие горожане принципиально даже не смотрели на нее, но я решил с ее помощью узнать о положении на фронте, применив свои аналитические способности. Разумеется, вся газета пестрела сообщениями о невероятных успехах «победоносного вермахта»: огромное количество немецких танков задействовано в битве под Курском; внешняя линия обороны русских прорвана; немецкие танки прошли на 3 километра в глубь расположения противника.

Так, думаю, если немецкие танки, которые способны преодолевать 50–60 километров в сутки, углубились на 3 километра, значит, ветер явно дул им не в спину. Наоборот, встречный ветер, видимо, был сродни урагану. Надо отбросить всю шелуху и сосредоточиться на информации об этих 3 километрах. Чуть позже, когда я прочитал в одном из номеров, что доблестные немецкие войска героически отражают советские атаки, стало ясно: фашисты увязли под Курском.

Текст был дешифрован!

Освобождение Таганрога произошло так же быстро, как и его захват. Немцы в панике бежали. 30 августа 1943 г. Красная Армия вступила в центр города. Мне недавно исполнилось 13 лет. Едва заслышав о вступлении наших в город, мчусь со всех ног босиком на Вокзальную площадь. Там уже собрался стихийный митинг: человек 500–600 окружили танк Т-34, на котором стоит генерал и говорит о том, что предстоит сделать в первую очередь для возвращения городу нормальной жизни: восстановить разрушенные объекты жизнеобеспечения, наладить снабжение продуктами питания, дать людям работу.

После освобождения продукты мы по-прежнему получали по карточкам, но заводским рабочим стали выдавать 800 грамм хлеба в день, госслужащим — 500, а иждивенцам — 300 грамм. Колоссальная разница по сравнению с тем, что люди получали в оккупации! Я вновь вспомнил вкус растительного масла. Открылись учебные заведения, и я пошел учиться в четвертый класс школы железнодорожников. Занятия проходили не в школьном здании, которое было приспособлено под военный госпиталь. Впрочем, там для школьников нашлось занятие. Во-первых, мы пытались как-то развлекать раненых. Они лежали

вповалку в помещениях, пропитанных запахами крови, гниющих бинтов и лекарств. Кто без руки или без ноги, кто парализован. Одни могли разговаривать, другие — нет. Преимущественно крестьянские дети из разных советских республик, представители различных народов. Одни умирали, другие продолжали в невыносимых муках бороться за жизнь. Казалось, человеческая боль пронизывает классные комнаты. Она передавалась и нам, двенадцати-тринадцатилетним, впервые познавшим, что такое человеческие страдания.

Мы читали больным стихи, чтобы отвлечь их хоть на минуту от горьких мыслей о своей судьбе, пели хорошие песни, которых много появилось в годы войны, девчонки танцевали. Но, пожалуй, самым главным были письма. Многие из солдат плохо говорили по-русски или просто-напросто были изувечены и не могли держать в руке перо. «Напиши, браток, что я потерял руку и сразу из госпиталя приеду домой», — просит восемнадцатилетний паренек, который до войны ничего, кроме своей деревни, не видел. И начнет перечислять имена тех, кому надо обязательно передать приветы — от теток, с которыми раньше отношения были довольно натянутыми, до соседских стариков, которых он и припомнить-то толком не может. Все, что осталось в родных местах, что было связано с довоенной жизнью, ассоциировалось с безграничным счастьем.

Невозможно было сомневаться в искренности ребят, когда они говорили: «Напиши, что, как только встану на ноги, сразу вернусь на фронт, чтобы бить фашистского гада». В выражениях солдаты обычно не стеснялись, и вряд ли я смогу здесь воспроизвести сочные фразы, относящиеся к врагу.

Моя будущая жена Валентина, с которой в годы войны я еще не был знаком, также навещала раненых в военных госпиталях Таганрога. Если я больше читал стихи и писал под диктовку раненых письма, то Валентина играла на аккордеоне. Он был приобретен на деньги, полученные в военкомате за погибшего отца. Позже мы не раз говорили о тех днях и о том, какой заряд любви к Родине мы, подростки, получили, общаясь с фронтовиками, какое значение эти встречи имели для нашей наступающей взрослой жизни. Никогда бы мы, прошедшие через встречи в госпиталях, не смогли возненавидеть свою страну за ошибки, допущенные, как впоследствии стало известно, вождями.

Конечно, в годы войны и сразу после нее мы ненавидели немцев. Так уж случилось, что по роду службы я в дальнейшем познакомился со многими немцами совсем иного склада, чем оккупанты Таганрога. Мои чувства изменились. Но на жену война наложила такой отпечаток, что и сегодня она настороженно

относится ко всему, связанному с немцами, Ее отец пропал без вести под Курском. Его останки так и не удалось найти, хотя Валентина в течение многих лет обращалась во всевозможные инстанции с просьбой помочь выяснить его судьбу. Скорее всего он погиб на своей артиллерийской батарее, так и не узнав, что после ухода на фронт у него родился сын, которого спасли от голодной смерти старшие сестры.

После освобождения дела в городе заметно пошли к лучшему. Хотя война не закончилась, страна по-прежнему лежала в руинах и угроза голода не миновала, было ясно — час Победы над немецкими фашистами близится.

Я вместе со своими школьными товарищами с энтузиазмом начал работать на заводе, не получая никакой заработной платы, но внося небольшой вклад в довольствие семьи за счет пайка. Не забуду, как однажды принес домой заработанные честным трудом пряники с глазурью. «Посмотрите, — воскликнула довольная бабушка, — вот и кормилец пришел. Что бы мы без тебя делали!» Хоть я и понимал, что бабушка шутит, гордость переполнила мою грудь.

Упоение победой имело свои и не столь привлекательные стороны. Не все приспешники фашистов и полицаи смогли убежать вместе с оккупантами из города. Их ждало заслуженное наказание. Но то, что случилось, потрясло меня. Около десятка немецких пособников было приговорено полевым судом к казни через повешение. В городе было объявлено, что казнь состоится на Банковской площади. Я тоже пошел туда. Собралось очень много народу. Толпа ликовала, царило чуть ли не праздничное настроение. Скажу откровенно: такой восторг разделить я не мог. Вывод, к которому я пришел, был прост: насилие рождает насилие, жажду мести, жестокость. Для меня это тоже часть картины войны, любой войны.

Глава 2
Из Перми в Москву

В то время как мать и я оказались в оккупации в Таганроге, отец вместе с заводом по производству артиллерийских вооружений был эвакуирован из подмосковных Подлипок в уральский город Пермь. Он работал там не щадя себя и, добившись заметных успехов, получил ряд наград за участие в создании новых видов оружия. В 1945 году ему было поручено изготовить три миниатюрные пушки, сконструированные в войну при его участии. Их собирались преподнести в подарок Тито, Эйзенхауэру, Монтгомери, что впоследствии и сделали от имени И.В. Сталина. Макеты должны были быть действующими, только стрелять вместо снарядов винтовочными пулями.

Мини-пушки были сделаны в цехе, который к тому времени возглавлял отец, и после капитуляции Германии он поехал в Москву, чтобы показать их народному комиссару вооружений — одному из самых молодых членов правительства, впоследствии маршалу Дмитрию Федоровичу Устинову. Устинов пришел в восторг от увиденного и, в свою очередь, показал мини-пушки Сталину. Тот одобрил идею. Устинов поинтересовался у моего отца, какое вознаграждение он хотел бы получить за проделанную работу. «У меня в Таганроге остались жена и сын, — сказал отец. — Прошу предоставить десятидневный отпуск, чтобы я смог проведать их». «Хорошо, — ответил Устинов. — Поезжайте туда на десять суток, а прямо оттуда можете вернуться к месту работы в Пермь».

Отец и мать были в разводе еще с довоенного времени. В Перми у отца появилась новая семья. Мать впоследствии тоже вышла замуж, но ее новый муж спустя восемь лет умер. Мама, к счастью, здравствует и сегодня.

Наша встреча с отцом в 1945 году в Таганроге была первой после начала войны. Он предложил мне поехать с ним в Пермь. Матери трудно было растить меня одной в условиях послевоенной разрухи. У отца же была хорошая работа в городе, который не был оккупирован и экономическое положение в котором в целом было лучше. Мать считала, что решение должен принять я сам. В конце концов я был уже не маленький — мне исполнилось 15 лет. Решено было ехать.

По прибытии в Пермь, а точнее в его индустриальный район Мотовилиху, у меня началась совершенно новая жизнь. Сначала

все мы — отец, его новая жена, мой сводный младший брат Ростислав и я — жили в одной комнате. Условия проживания в городе, ставшем в годы войны местом массовой эвакуации, были нелегкими. Однако уже через полгода мы получили двухкомнатную квартиру.

Во всех отношениях жизнь в Перми была скромной. Хотя достаток был повыше, чем в Таганроге, недоедание тоже ощущалось постоянно. Все лимитировалось, и карточки удавалось отоварить далеко не всегда. Помню, какой трагедией было, когда Ростислав вернулся домой без хлеба, потому что либо потерял карточки, либо их у него украли. Когда он поделился со мной горем, мы не знали, что и делать: есть в семье было абсолютно нечего.

Я сильно скучал по дому, особенно поначалу. Переезд из южного Таганрога с его близким к сельскому бытом в промышленный северный город был весьма резким жизненным поворотом, но главное было не в этом. Мы с матерью раньше никогда не расставались, и теперь мне ее очень не хватало. Нормальные отношения с мачехой установились далеко не сразу. Часто я чувствовал себя одиноким и потерянным.

С другой стороны, познакомиться с таким крупным городом было интересно. Как я уже говорил, в Таганроге жизнь в основном проходила на улице, в дом приходили только переночевать. На северном Урале большая часть года была суровой и холодной. Лето хотя и жаркое, но короткое. Много времени приходилось проводить дома. Было, правда, одно утешение. Большой промышленный город имел четко очерченные границы, за которыми начинались лесные массивы с чистейшим воздухом и прозрачной водой реки Чусовой. От красот уральской природы захватывало дух.

Жизнь в Перми бурлила, события следовали одно за другим, чего не скажешь о более спокойном Таганроге. Пермь, которая в первые послевоенные годы по-прежнему называлась именем Молотова (хотя тот никогда не жил и не работал здесь), была центром оружейной промышленности еще со времен Петра Великого. Мотовилиха, поначалу небольшой рабочий поселок в 7–8 километрах от города, к середине нынешнего столетия превратилась в мощный промышленный центр. В городе рано сформировался большой и боевитый отряд рабочего класса, который при царском режиме организовал ряд крупных забастовок. Во время революции 1905 года он проявил себя тем, что установил в Мотовилихе советскую власть, которая, правда, продержалась всего несколько дней. Высокую идейность пермский пролетариат сохранил и позже.

Заводской район Перми имел огромные размеры. В нем разместилось предприятие, эвакуированное из Подлипок. На артиллерийском заводе, где работал отец, во время войны насчитывалось 50 тысяч человек. Пермская промышленность сыграла ключевую роль в производстве артиллерии и авиационных двигателей во время войны.

Главный конструктор пушек Цирюльников был необычайно талантливой и почти легендарной личностью. Тем не менее, когда кто-то из военных высказал претензии к качеству пушек, он был арестован. Под арестом конструктора держали до тех пор, пока с фронтов не стали поступать блестящие отзывы об артиллерийском оружии, разработанном под его руководством. Каждую ночь с 1941 года до окончания войны Сталин лично звонил директору завода генерал-майору Быховскому, справлялся, что сделано, что сделать не удалось и почему. Это побуждало постоянно наращивать уровень и качество производства, быть постоянно начеку.

Иными словами, и в войну, и после войны в Перми выпускалось самое современное оружие, в том числе и ракетное. Однако уже в те годы, когда я жил там, начался частичный перевод военной промышленности на мирные рельсы. Я вспоминаю об этом, когда слышу в наши дни ожесточенные споры по поводу конверсии оборонного комплекса. В Перми такой остроты проблемы заметно не было. Помню, как все мы гордились, встречая первые экскаваторы, выходящие из ворот оборонных предприятий. Переориентация производства после установления мира была хорошо продуманным и организованным процессом. Он не ложился тяжким бременем на плечи простых людей. Все сохранили работу, и все получали вовремя зарплату, несмотря ни на что.

В те времена крупные заводы были чем-то гораздо большим, чем просто производственные мощности. Городские власти выполняли в основном только административные функции, а сфера обслуживания, по сути, находилась в ведении предприятий, имевших колоссальные обороты. Завод строил жилье, снабжая рабочих всем необходимым, организовывал детские сады и медицинские пункты для обслуживания рабочих и членов их семей.

Для меня оказалось очень важным то, что предприятия заботились и о культурной жизни в городе. Заводской Дворец культуры был интереснейшим местом, где каждый желающий мог найти себе занятие по душе. Пермь с полным правом могла гордиться своей интеллигенцией. В годы войны на восток

эвакуировались не только заводы, но и театры. Из Ленинграда прибыл всемирно известный Кировский театр, который оставался у нас еще некоторое время и после войны. Это привело к появлению в самой Перми сильной балетной школы, откуда даже Большой театр до сих пор пополняет свой состав талантливыми балеринами и танцовщиками.

До войны отец часто возил меня из Подлипок в Москву в театры. Водились у нас дома и книги. В Таганроге же в годы оккупации было не до искусства, да и возможности приобщения к нему в тех условиях не было. В Перми все было для меня новым и интересным. Я часто бывал на спектаклях и в кино, занимался в школьном драматическим кружке. Помню даже, что мы выступали во Дворце культуры и я, как мне казалось, удачно сыграл роль молодого фронтовика, потерявшего боевых друзей и поклявшегося продолжить их дело в борьбе за интересы Отечества.

Начиная с 1947 года все больше моей энергии и свободного времени поглощала комсомольская работа. До этого, мало кого зная в Перми, я искал отдушину в школьных занятиях. Теперь очень серьезно стал участвовать в комсомольских делах. Известно, что на Западе комсомол пытались опорочить как некую «школу по промывке мозгов» да и у нас после распада СССР ему немало досталось, но нам в послевоенные годы такое и в голову не могло прийти. Для молодых людей, стремящихся к общению, вполне естественно вступать в молодежную организацию. Никакого нажима мы не ощущали — ни идеологического, ни какого-либо иного. Мы сами управляли своими организациями, добровольно выходили на поля, чтобы помочь вовремя собрать урожай, устраивали интересные вечера. Никто не заставлял нас любить поэтов-патриотов Константина Симонова и Александра Твардовского. Мы с восторгом набрасывались на их стихи. Еще в годы войны стихи этих и других поэтов давали советским людям духовную пищу, отвечали их нравственным ориентирам. И в период трудного послевоенного восстановления страны они помогали молодежи поддерживать веру в будущее и энтузиазм. Такие стихи, как, например, «Я погиб подо Ржевом» А. Твардовского, не могли не запасть в душу. Они позволяли чувствовать связь поколений и ответственность тех, кто остался в живых, перед светлой памятью погибших. Кстати, впоследствии я слышал, что Симонов в своем завещании просил развеять его прах над полем брани под Могилевом, где погибли тысячи русских солдат.

Социалистические идеи органично вписывались в наши

представления. Мы были убеждены в том, что социализму свойственны принципы общественного устройства, которые могут обеспечить справедливость. Это мы впитали с молоком матери, и у каждого имелись свои простые и касающиеся его лично подтверждения. Для меня это выражалось, во-первых, в том, что я мог учиться, в то время как мои родители такой возможности не имели. То, что паренек из провинциальной рабочей семьи мог добиться того же, что и Профессорский сын в столице, разве это не символ действительно справедливого общества? Во-вторых, нельзя недооценивать значение победы рабоче-крестьянского государства над величайшим злом XX века — фашизмом.

Никто не смог бы убедить нас, что вторую мировую войну, как это иногда утверждалось на Западе, выиграли американцы. То, что союзники воевали против фашизма вместе с нашей страной, да! То, что в конце концов американцы открыли второй фронт и помогали нам поставками, да! Но основное бремя войны пало именно на Советский Союз, мы понесли наибольшие потери и ответили смертельным ударом противнику. Советскую землю, землю наших предков, немцы хотели превратить в выжженную пустыню. И наконец, советский солдат водрузил Знамя Победы над рейхстагом в Берлине. Мы чувствовали себя наследниками этого солдата. В комсомоле работать было чрезвычайно увлекательно. Меня избрали секретарем школьного комитета, а в 1948 году — членом районного комитета ВЛКСМ. Это было довольно неожиданно для школьника, ведь в районе проживало около 100 тысяч человек. Позже я стал членом горкома, избирался делегатом областной комсомольской конференции.

При всем этом я не должен был забывать об учебе в школе, которая близилась к завершению. К удивлению, времени хватало на все. Учеба шла легко, я даже стал кандидатом на получение золотой медали. К сожалению, бюрократическая практика, согласно которой на каждую школу выделялось не более одной медали, помешала мне ее получить. Как я потом узнал, меня подвело одно слово в сочинении. Вместо «Советский Союз — страж мира» я написал «стражник мира». Кому-то в экзаменационной комиссии это показалось неслучайным, содержащим подозрительный намек.

Досадно, но что ж. Отметки в аттестате были хорошими, и пора было подумать о будущем. Секретарь райкома комсомола сделал мне предложение: пойти на работу инструктором райкома комсомола сроком на один год, а после этого поехать на учебу в Высшую комсомольскую школу в Москву для продолжения образования.

Сияя от радости, я побежал домой и рассказал о полученном предложении отцу.

«Предложение почетное и лестное, спору нет, — сказал отец. — И все же не спеши, подумай еще, чего тебе самому действительно больше хочется». Какой-либо определенности относительно будущей профессии у меня не было. Я пошел в киоск, купил справочник для поступающих в вузы и стал его перелистывать. Там было все об условиях Приема в университеты и институты, программах обучения, сроках экзаменов и учебы, приобретаемых специальностях и т. д. В справочнике я впервые наткнулся на название МГИМО — Московский государственный институт международных отношений, — которое меня заинтриговало.

Я начал колебаться между работой в комсомоле и поступлением в МГИМО, который все больше меня интересовал, но о котором я практически ничего не знал и не мог оценить свои шансы на успех.

Еще раз обращаюсь за советом к отцу. «Комсомол от тебя никуда не уйдет, — задумчиво говорит он. — А сколько времени учиться в Институте международных отношений?» «Пять лет», — отвечаю я. «А в Высшей комсомольской школе?» — «Два года». «Послушай, — говорит отец, — попробуй поступить туда, где дольше учат. Там ты получишь более глубокие знания. Иди туда, где учеба длится пять лет».

Так я и не стал инструктором райкома комсомола. Напротив, приобрел билет на поезд до Москвы, взял с собой аттестат зрелости и Другие документы и ранним июльским утром 1949 года оказался на вокзале в столице. Оттуда прямиком поехал в институт. Я волновался. Ходили слухи, что те, кто оказался в немецкой оккупации, могут при сдаче документов быть отсеяны. Но секретарь приемной комиссии Белецкая, просмотрев мои документы, сказала, что они в порядке, и с этого момента я стал абитуриентом. На следующий день начались экзамены, которые продолжались две-три недели. Подготовлен я был неплохо. К тому же абитуриенты могли перед экзаменами пользоваться институтской библиотекой и аудиторией. Последнее было особенно важно, потому что жил я на железнодорожном вокзале. Отец сказал, что я могу обратиться за помощью в семью его старого друга, когда-то тоже работавшего в Подлипках. Но я не решился. Этих людей я не видел с детства. Как мог я вторгнуться в чужой дом и стеснить их, особенно если попытка поступить в институт окончится неудачно и придется бесславно возвращаться домой.

Первые две ночи я провел в зале ожидания вокзала.

Непростое дело — попробовать немного поспать, когда сидишь на скамейке и делаешь вид, что ждешь поезда. Периодически появляются наряды милиции и проверяют документы, чтобы отличить людей, ожидающих поезда, от бездомных бродяг.

На следующий день состоялся первый экзамен, а вечером из читального зала я опять пришел на вокзал, на ту же скамеечку в зале ожидания. На третий день я понял, что могу заснуть когда и где угодно в самый неподходящий момент. Это заставило меня преодолеть робость и все же обратиться с просьбой о ночлеге к семье друга моего отца — Константина Шулятьева. Меня встретили его жена Полина и дочь, проживавшие в коммунальной квартире на Ленинском проспекте, неподалеку от Донского монастыря. Они без лишних слов постелили мне на полу в углу, а утром мы вместе позавтракали. Так и решился мой «жилищный вопрос» на время приемных экзаменов.

А где же был друг отца — глава семейства Шулятьевых Константин? Оказывается, в это время он сидел в тюрьме.

Константин Шулятьев воевал в Красной Армии в годы гражданской войны, лишился в боях ноги. Тем не менее в годы Великой Отечественной войны ополченцем принимал активное участие в обороне Москвы и был награжден несколькими медалями. Однажды вечером он немного выпил и на кухне коммунальной квартиры бросил несколько нелестных реплик в адрес Сталина и его окружения. Как выяснилось впоследствии, один из соседей донес на него, и он угодил за решетку на 10 лет. При Н.С.Хрущеве, после разоблачения культа личности Сталина, Шулятьева реабилитировали и выпустили на свободу.

Через три недели закончились приемные экзамены, и, переполненный радостью, я направил в Пермь и Таганрог телеграммы: «Экзамены сдал успешно. Зачислен в Институт международных отношений. Целую и обнимаю. Виктор». А вечером вместе с хозяевами мы скромно отметили это событие.

Так в мою жизнь вошел Институт международных отношений. МГИМО был создан по инициативе В.М.Молотова в 1943 году как факультет МГУ. В 1944-м он был преобразован в институт при Министерстве иностранных дел и расширен, поскольку Молотов предвидел, что после войны Советскому Союзу потребуется целая армия квалифицированных дипломатов. В отличие от последующих времен, в институт тогда поступали без блата. Рекомендаций партийных органов не требовалось. Взятки исключались. При наборе студентов не существовало каких-либо квот. Единственными, кто имел преимущество при зачислении в институт, были фронтовики. Несмотря на трудности первых лет учебы; многие из них стали впоследствии видными дипломатами.

Однако совместное проживание в одной комнате с приютившими меня женщинами не могло продолжаться вечно. В общежитии же место получить было невозможно, потому что первоочередное право вполне справедливо было предоставлено опять-таки фронтовикам. Поиск ночлега привел меня сначала в крошечное жилье очень добрых родственников в Подлипках, откуда каждый день приходилось добираться на занятия поездом. Потом я переместился в район Чистых прудов, где остановился у матери-одиночки, проживавшей вместе с дочерью. Вскоре первый учебный год подошел к концу, и я поехал на каникулы к матери в Таганрог.

Во время приездов в Таганрог всегда происходили какие-то поворотные в моей жизни события. К счастью, не только драматические, как в 1941 году. Так, во время первых после отъезда в Пермь школьных каникул я познакомился в городском парке Таганрога с девушкой. Ее звали Валентиной, и я влюбился в нее с первого взгляда. Мы начали переписываться. Когда же летом 1950 года я вновь оказался в родном городе, имея за плечами год учебы в вузе, мы решили пожениться, что и произошло там же в августе.

Я выехал в Москву чуть пораньше Валентины, чтобы до начала учебного года попытаться найти для нас угол. Это оказалось безнадежным делом, поэтому, когда она приехала в столицу для учебы в медицинском институте, мы вынуждены были остановиться у моих прежних хозяев. Позднее мы нашли постоянное жилье у станции метро «Бауманская», где и оставались до окончания института.

Голодать в прямом смысле слова нам не приходилось, хотя зачастую на столе не было ничего, кроме картошки и хлеба. Хлеб стоил дешево, к тому же можно было прихватить кусок-другой из столовой. В институте мы обедали скромно, но достаточно сытно. Вся моя стипендия уходила на оплату жилья. Текущие же расходы покрывались из стипендии Валентины и тех денег, которые иногда присылали наши родители. Они помогали нам как могли, но шиковать не приходилось.

Несмотря ни на что, мы собирались компаниями, например у друзей, когда их родители находились в отъезде. Совсем пусто на столе не было. Во всяком случае, винегрета всегда хватало с избытком. В то время витрины магазинов были заставлены несметным количеством необычайно дешевых банок с крабами. То, что они когда-нибудь перейдут в разряд деликатесов, мы не могли и представить. «Опять крабы», — с огорчением вздыхали мы за праздничным да и не только праздничным столом.

Проживание вместе с хозяевами вчетвером в одной комнате,

сон на детской кроватке, когда ноги висят в воздухе, конечно же, нельзя назвать нормальными условиями для занятий, отдыха и личной жизни молодой супружеской пары. И Валентина, и я мало бывали дома. Моим вторым домом в Москве стала Историческая библиотека в Армянском переулке. Там я засиживался до позднего вечера. Со временем я настолько подружился с библиотекарями, что у меня появилось свое рабочее место, где книги могли оставаться до следующего дня.

Я поглощал книги одну за другой, причем не только те, которые входили в списки вузовской программы. Особое удовольствие я испытывал от чтения мемуаров, газет 20-30-х годов, исторических трудов и художественной литературы. Наиболее сильное впечатление произвели на меня воспоминания бывшего российского премьер-министра СЮ. Витте о заключении мирного договора с Японией в 1905 году в Портсмуте и двухтомник академика Е.В.Тарле о Крымской войне 1854–1856 годов. Это были выдающиеся образцы исторического анализа, они расширили мои познания и кругозор. Один из тезисов Тарле оказал особенно большое влияние на мои взгляды. Николай I неизменно получал от своих дипломатических представителей за рубежом оптимистические донесения, не содержавшие ничего, кроме лести и заведомо ожидаемых оценок, чем оказывали царю медвежью услугу, а страну привели на грань катастрофы.

Из этого я сделал вывод, что специалист-международник, будь то дипломат или разведчик, всегда должен подходить к сведениям, которые становятся ему известными, исхода из интересов дела. Ни в коем случае не следует обходить и приукрашивать негативные и болезненные моменты в угоду вышестоящим. Если государство хочет избежать крупных неприятностей, оно не должно расправляться с гонцами, приносящими плохие вести.

В разгар моих занятий новой русской историей в жизни страны произошло событие, которое потрясло страну. В мартовский день 1953 года скончался И.В.Сталин. В сознании большинства советских людей с именем Сталина были тесно связаны триумфы Советского Союза — сохранение завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, победа над фашизмом, индустриализация страны, превращение нашего государства в мировую державу, обладающую атомным оружием. В те дни казалось, что без Сталина страну ждет мрачное будущее. Я был среди тех тысяч и тысяч людей, которые пришли попрощаться со Сталиным, и чувствовал тревогу, охватившую всех, страх за будущее. До XX съезда партии оставалось еще три года…

Но жизнь продолжалась. Для меня главным была учеба в МГИМО, особенно занятия немецким языком и историей.

В 1954 году я успешно сдал выпускные экзамены и с нетерпением ожидал распределения. Впереди была полная неизвестность. Как сложится моя судьба? Ответ на этот вопрос я получил ровно 40 лет спустя. В 1994 году в институте встретились бывшие однокашники, среди которых было немало известных людей, например профессор истории Абдул Ахтамзян. На большом банкете старые друзья помянули тех, кого уже нет в живых. Потом одного за другим стали представлять присутствующих. Дошла очередь и до меня: «Сегодня среди нас генерал-полковник Виктор Грушко, бывший первый заместитель председателя КГБ СССР и узник «Матросской тишины»». Раздались аплодисменты.

Глава 3
Новый дипломат в Норвегии

На видном месте в гостиной моей квартиры в Москве висит прекрасная репродукция картины норвежских художников Тидемана и Гуде «Свадебное путешествие в Хардангере». Каждый раз, когда я смотрю на эту картину, вспоминается неповторимая норвежская природа — чередование обрывистых скал, узких фиордов и спокойных долин. Этими ландшафтами я любовался во время командировок до 1972 года, а затем — после многолетнего перерыва — уже в октябре 1995 года.

Собственно, в изумительном по красоте районе Хардангер, изображенном на полотне, я бывал нечасто. Зато множество воспоминаний у меня связано с другим чудо-уголком Норвегии — шхерами Вестфолд, откуда открывается вид на фиорд Осло. Эта естественная обзорная площадка получила очень подходящее название — «Конец Света». Знакомство с «Концом Света» когда-то сослужило мне добрую службу. Во время официального визита в Норвегию заместитель Председателя Совета Министров Анастас Иванович Микоян захотел вставить в свою приветственную речь что-нибудь цветистое и приятное о норвежской природе. Я набросал несколько слов о «Конце Света». Всем понравилось, и этот абзац оставили даже в последующем изложении речи Микояна в газете «Правда».

Но вернемся в 1954 год. После окончания института все выпускники должны были пройти комиссию по распределению. Предложения на этот счет были подготовлены заранее, но мнение комиссии, которую возглавлял заведующий отделом печати МИД ССО Л.Ф.Ильичев (в будущем он станет главным редактором «Правды» и секретарем ЦК КПСС по вопросам идеологии), было определяющим. Хотя МГИМО являлся по сути ведомственным институтом МИД, это еще ничего не означало: распределить могли куда угодно — в ТАСС, Министерство внешней торговли, Союз обществ дружбы с зарубежными странами и т. д. Дипломатическая служба считалась самой престижной, но на 50 мест в МИД претендовало около 200 выпускников.

Л.Ф.Ильичев быстро перешел в наступление. Как раз в это время при его непосредственном участии создавался новый журнал «Международная жизнь», и он явно желал пополнить редакцию молодыми кадрами. Он поинтересовался у меня, как я посмотрю на то, чтобы стать журналистом?

Непросто было не растеряться перед лицом авторитетной комиссии из семи человек. Был риск вызвать немилость со стороны ее председателя, который считал свою профессию и новый журнал самым важным в данный момент. Но я решился и прямо сказал, что журналистика меня не интересует.

Лодка не перевернулась. Л.Ф.Ильичев молча смотрит в подготовленные институтом предложения. «МИД СССР, — произносит он, уступая строптивому выпускнику. — С направлением на работу в посольство в Норвегии».

Норвегия? В институте я выучил немецкий язык, а направляют в Норвегию, о которой я почти ничего не знаю. А впрочем, почему бы и не Норвегия?

Мы с Валентиной прекрасно провели отпуск в таганрогских «субтропиках». Во всяком случае, на ближайшее будущее имелась какая-то определенность. По возвращении в Москву я сразу же позвонил из телефонного автомата в отдел Скандинавских стран МИД и сообщил о готовности приступить к работе. И тут мне сообщают, что из-за опечатки в приказе о моем назначении вместо фамилии Грушко написано Глушко. Смех сквозь слезы! А ведь ситуация очень серьезна: приказ подписан самим Молотовым. Неужели будет перераспределение?

Слава Богу, кадровики нашли поистине «дипломатическое» решение. Издается новый приказ по министерству: «Вместо ранее упомянутого Глушко назначить на должность стажера посольства СССР в Норвегии Грушко Виктора Федоровича. В. Молотов». Наконец-то я в МИД. Единственная имеющаяся в наличии сотрудница норвежской референтуры Жданова (кстати, мать ставшего впоследствии известным переводчика норвежской литературы Льва Жданова) сидит в одиночестве, буквально заваленная различными материалами. «Почитайте все это и через месяц отправляйтесь в Осло», — напутствует она.

Как начинающему дипломату, мне выдали деньги на экипировку, которых в обрез хватило на покупку плаща и шляпы. Я заказал билеты, и мы с Валентиной отправились в путь на поезде и пароходе через Финляндию и Швецию. Оба впервые оказались за пределами Советского Союза. Весь багаж состоял из тощего чемоданчика, сиротливо лежавшего на багажной полке. Уже в Хельсинки у нас возникло ощущение, что мы попали в другой мир. Атмосфера была совершенно иной, люди по-другому одеты, все звуки и запахи чужие, не говоря уже о языке. Но Финляндия поддерживала особые отношения с Советским Союзом и, во всяком случае, не была враждебной страной. Что-то будет впереди? Когда в августе 1954 года мы прибыли в Осло, то ступили на территорию страны — союзницы по НАТО нашего

главного противника — США. С этого момента я становился одним из официальных представителей Советского Союза. На душе было тревожно. Ведь я находился на передних рубежах фронта холодной войны, где должен был твердо отстаивать национальные интересы своей страны.

Реальность, разумеется, оказалась намного сложнее. Во взаимной официальной пропаганде Норвегия и Советский Союз обвиняли друг друга во враждебности, но норвежцы вовсе не были настроены по отношению к нам неприязненно. Несмотря на пропагандистские усилия правых сил Норвегии и американцев, большинство из них хорошо помнили, что русский, советский солдат ступал на норвежскую землю только как освободитель. Здесь ценили и то, что, освободив Северную Норвегию от немецких оккупантов, Красная Армия немедленно вернулась на свою территорию. С советской стороны также проявлялось желание сохранить более дружеские отношения с Западом в целом и с Норвегией в частности. Первые пробные шары были фактически запущены Сталиным еще в 1951 году, но попытка оказалась чрезмерно осторожной. К моменту моей командировки в Норвегию И.В.Сталина уже год не было в живых и новое руководство СССР во главе с Хрущевым начало проявлять признаки более открытой дипломатии, хотя догматические подходы старой гвардии по-прежнему давали о себе знать.

Колебания в температуре отношения советской дипломатии к Западу чувствовались и в нашем посольстве все годы моего пребывания в Осло. На один момент я сразу же по приезде обратил внимание. В задачу любого дипломата входит изучение настроений и подходов к его государству в стране пребывания. Чем больше открытых каналов такого изучения, тем наблюдения и выводы ценнее для МИД. У меня сложилось впечатление, что многие советские дипломаты довольно легковесно подходили к этой работе, лишь бы что-нибудь отписать в Центр без глубокого и объективного анализа.

Частично это объяснялось языковыми проблемами, поэтому я немедленно бросился изучать норвежский. К тому же из первой беседы с послом Георгием Петровичем Аркадьевым стало ясно, что передо мной такая задача ставится как первоочередная. Начались долгие часы занятий с норвежским преподавателем Иверсеном.

Параллельно нам с Валентиной предстояло освоиться в советской колонии, как принято было тогда говорить. Впервые у нас появилась комната, пусть одна, но своя. Скоро наше семейство пополнилось: уже в первый год пребывания в Норвегии родился первенец — Александр. Комната находилась в

достаточно престижном районе, на улице Драмменсвейен, 97, неподалеку от советского посольства.

Раньше в этом здании размещалась гостиница «Роза». Говорят, что во время войны нацистские офицеры устроили в ней бордель. Теперь же, естественно, ничто не напоминало о прежних временах. На первом этаже живущие в доме сотрудники нашего посольства устроили маленький кинозал, в котором демонстрировались отечественные и зарубежные фильмы. Всего в Норвегии, включая жен и детей, находилось около ста советских граждан — сотрудники посольства, торгпредства, ТАСС и вспомогательный персонал. Постепенно я пристрастился к кино. Кинозал использовался и как место собраний и других встреч наших людей, что давало им возможность общаться друг с другом и не так остро ощущать оторванность от дома.

Для правильного понимания страны пребывания очень важно знать ее традиции и обычаи, национальные особенности. Приятной неожиданностью оказалось то, что Осло оказался уютным городом, жившим, в отличие от многолюдной и суетливой Москвы, размеренной и спокойной жизнью. Нам с Валентиной понравились сдержанность норвежцев, их непринужденность и дружелюбие. Если в трамвае оказывались пустыми два-три места, никто не бросался сломя голову занять их. Норвежцы продолжали спокойно стоять в проходе, проявляя непоказную вежливость.

К некоторым мелким особенностям нам пришлось привыкать. К тому, что в ресторане не подается хлеб к обеду, как это принято в Москве. К тому, что даже в большой компании никогда не заказывается бутылка крепкого спиртного, а заказывают и разносят только маленькими порциями, которых, впрочем, может быть очень много. Позже, когда мы переехали в квартиру, в которой можно было принимать норвежских гостей, мы убедились в преимуществе такого обычая. Дело в том, что, если выставить на стол бутылку, никто не уйдет, пока она не будет опустошена. Вскоре и мы стали придерживаться обычая, принятого в норвежских ресторанах.

А где же извечные очереди, в которых все мы так привыкли стоять? В Осло таковых не оказалось. Напротив, поначалу Валентину смущало то, что продавцы в магазинах сразу же с улыбкой обращаются: «Что вам будет угодно?» Отношение к клиенту в Норвегии самое доброжелательное.

Нам очень понравилось, как норвежцы относятся к рыбе, начиная с изысканного блюда «треска по-норвежски» и кончая поддержанием чистоты водоемов, в которых со временем и я

полюбил рыбачить.

Еще одна отличительная особенность норвежцев — это любовь к туризму. Одним из самых первых выражений, появившихся в моих записях на уроках норвежского языка, стало «воскресная прогулка». Норвежцы, стар и млад, обязательно выходят по воскресеньям гулять в горы. Из привычек, обретенных нами в этой северной стране, пожалуй, наиболее прочной стало неодолимое желание пройтись пешком в местечке Нордмарка, неподалеку от Осло. То, что норвежцы, как говорится, родились с лыжами на ногах, стало для нас бесспорным фактом. Я сам много ходил на лыжах, особенно когда жил в Перми. Но никогда не видел такой массовости, как в Осло, когда буквально все горожане, включая короля, в выходные дни высыпают за город. Там они становятся на заранее проложенную лыжню, которая неминуемо приведет тебя в то или иное уютное кафе, где можно посидеть у камина и согреться чашкой какао или стаканчиком смородинового пунша.

Именно в таком загородном кафе в Нордмарке я впервые, запинаясь, робко применил свои скромные познания в норвежском языке.

В дальнейшем таких бесед было очень много. Моей задачей как атташе посольства по вопросам культуры было «оказывать всемерное содействие развитию двусторонних связей в условиях намечавшегося потепления международного климата». В Норвегию начали приезжать различные советские делегации, начиная со школьников и кончая оперными певцами и председателями горсоветов. Запомнился первый за 26 последних лет дружественный визит советских военных кораблей, который состоялся в 1956 году. Этот проект, с нашей точки зрения, не был лишен определенного риска. Когда тысячи советских моряков сошли на берег, мы в посольстве сидели как на иголках. Ведь все могло случиться: пьянка, ссора, драка. В этом случае результат визита был бы прямо противоположным тому, на что делался расчет в Москве, а именно развеять навязываемый западной пропагандой миф о нецивилизованности советских людей. К счастью, все прошло хорошо. Наши моряки вели себя безукоризненно, но посольству и командирам кораблей пришлось поработать как следует.

Чаще стали прибывать в Норвегию и наши туристы, в основном на борту круизных теплоходов. Холодная война была еще в самом разгаре, поэтому туристический обмен, по сути, только начинался. Советские граждане имели в то время определенные ограничения свободы действий на иностранной территории. Им рекомендовалось ходить группами или, в

крайнем случае, вдвоем во избежание провокаций. Однако лучше так, чем никак. Возможность посмотреть страну, о которой они раньше только слышали, все же была.

Во время первой командировки в Норвегию особую радость мне доставили два визита из Советского Союза. Речь идет о моих самых любимых писателях. Оба выступали в Норвежском студенческом обществе в Осло. Одним был будущий лауреат Нобелевской премии Михаил Шолохов, другим — Константин Симонов.

Простой в обращении, Константин Симонов приехал в 1957 году в Осло прямо со своей дачи и появился в аэропорту Форнебю в слегка помятой повседневной одежде и солдатских ботинках. Другой одежды у него не оказалось. Первое, что нужно было сделать, это приобрести для него в магазине костюм, галстук и ботинки. Выяснилось также, что впопыхах он забыл в Москве текст лекции, с которой намеревался выступить перед норвежской аудиторией. Так что следующим шагом стала диктовка Симоновым нашей секретарше Нине Андреевой нового текста. Вечером все мы во главе с М.Г.Грибановым, послом в Норвегии в 1956–1962 годах, дружно отправились в Норвежское студенческое общество, где Симонов блестяще прочитал лекцию о современной советской литературе.

После встречи уставший писатель попросил заказать столик в гостинице «Викинг», где он остановился. Но ресторан к этому времени уже закрылся.

Так мы оказались в номере у Симонова. Он открыл свой чемодан и достал две большие банки икры и бутылку «Зубровки». Их-то он, как выяснилось, не забыл с собой прихватить. В номере нашелся всего один стакан, и тот для зубной щетки. Никаких столовых приборов не было. Хлеба или чего-нибудь еще съестного тоже не оказалось. Единственный стакан с водкой пустили по кругу, а икру всем, кроме Симонова, пришлось зачерпывать из банок пальцами. Маститый писатель нашел выход из положения, приспособив вместо ложки свою зубную щетку. После нескольких «рюмок» он встал и прочитал три своих стихотворения, которые особенно много значили для него: «Если Бог своим могуществом…», «Дом в Вязьме» и «Жди меня». Для меня это был незабываемый момент.

Внимание к Шолохову и Симонову в Норвежском студенческом обществе было неслучайным. В конце 50-х годов, как я заметил, интерес норвежцев к жизни в Советском Союзе возрос. Посольство получало массу обращений от гимназий, различных организаций с просьбами поближе познакомиться с восточным соседом. Мне приходилось часто выезжать в

провинции с беседами о нашей жизни. Как правило, во время встреч мне приходилось отвечать на многочисленные вопросы. Но одно дело, когда норвежцы искренне хотели узнать, требуется ли разрешение милиции на поездку жителя Ленинграда в Москву или могут ли советские люди иметь дачу. Такие вопросы были естественными, и ответить на них было не сложно. Однако порой задавались намеренно каверзные вопросы, а элементарные для нас вещи воспринимались с недоверием, а то и в штыки, как советская пропаганда.

Например, мне не верили, что квартирная плата в Советском Союзе имела символические размеры и не превышала 4 процентов от заработной платы жильца. Скептические улыбки вызывали рассказы о бесплатном медицинском обслуживании и отдыхе детей в пионерских лагерях. Но постепенно я привык к таким встречам и научился находить убедительные аргументы и примеры.

Часто задавали мне и вопросы личного характера. Многие считали, что в Советском Союзе дипломатом может стать только сын члена политбюро или высокопоставленного советского работника.

Когда я сообщал, что происхожу из бедной семьи рабочих, что мои дед и бабушка не умели читать и что я первый в своем роду окончил среднюю школу, в зале наступало гробовое молчание.

Работа атташе по вопросам культуры нравилась мне именно потому, что она давала возможность знакомиться с более широким кругом людей, выйти за пределы дипломатических и политических кругов. Интересный эпизод произошел в 1955 году, когда я еще только начинал знакомиться с Норвегией. В посольство пришло письмо от некой Виктории Бакке, содержавшей собственный музей музыкальных инструментов в Трондхейме. Она писала, что располагает оригиналами двух писем Петра Ильича Чайковского и хотела бы преподнести в дар советскому правительству их копии. Она сожалела, что не может расстаться с оригиналами, но полагала, что копии тоже представляют большую музейную ценность. В ответ она хотела бы получить в свою коллекцию украинскую бандуру.

Звоню ей по телефону, твердя про себя заготовленные вежливые фразы по-норвежски: «Добрый день, госпожа Бакке, мы получили ваше письмо, касающееся…» Но что это? Собеседница на другом конце провода на чистом русском языке отвечает: «Давайте говорить по-русски. Так будет проще и для меня, и для вас». Мы быстро договорились. Я обещал ей бандуру, а она мне копии писем Чайковского. Вопрос с советским Министерством

культуры был решен быстро.

Через некоторое время на гастроли в Норвегию приехала группа советских артистов, среди которых были известный певец Алексей Большаков и популярная тогда певица Тамара Сорокина. Я сопровождал их в поездке по стране. Когда мы прибыли в Трондхейм и разместились в гостинице, мне сказали, что советского атташе по вопросам культуры спрашивает в холле пожилая дама. Я спустился вниз и представился ей. Это была Виктория Бакке. «Подумать только, — говорит она. — Я-то думала, что вы похожи на старого профессора, а вы, оказывается, совсем молодой человек».

Виктория пригласила всех советских артистов в свой музей и на воскресный обед. Оказалось, что Виктория Михайловна Бакке, происходившая из богатой и знатной русской семьи, вышла в свое время замуж за состоятельного норвежского предпринимателя, уже умершего.

Контакты с В.М. Бакке я поддерживал многие годы. Наезжая в Осло, она непременно звонила мне, и мы обедали в ресторане. Я предложил Виктории Михайловне подумать о поездке в Россию, но она сомневалась, что получит визу, поскольку жила в Норвегии со времен революции. Тем не менее вопрос оказался более простым, чем она полагала. В начале 1960 года госпожа Бакке выехала в Советский Союз по линии культурных обменов и встретилась с министром культуры Екатериной Алексеевной Фурцевой. В дальнейшем В.М.Бакке не раз бывала в Советском Союзе, и ее коллекция в Трондхейме пополнилась многими новыми инструментами.

Работать над организацией культурных обменов было интересно, но главными для немногочисленного советского посольства в Осло, разумеется, были внешнеполитические проблемы. И в этой области, а может быть, особенно в ней, личные контакты с норвежцами были для меня чрезвычайно полезными, несмотря на то, что общепринятым считалось поддержание отношений в строго официальных рамках. Не буду отрицать, что средства массовой информации и официальные документы давали солидную основу для понимания событий, происходивших в норвежском обществе. Степень открытости, гласности в демократической Норвегии была настолько высока, что подчас можно было задаться вопросом: а есть ли вообще в этой стране какие-нибудь секреты?

Внимательное чтение норвежских газет стало для меня с самого начала насущной потребностью. В огромных количествах поступали в посольство материалы стортинга (парламента). Время, затраченное на штудирование официальных документов,

проходило не зря. Представление о соотношении политических сил в Норвегии, разногласиях и тенденциях постепенно становилось более глубоким. Я посещал также дебаты в парламенте до тех пор, пока норвежские власти не закрыли доступ туда нашему корреспонденту ТАСС Вавилову на том основании, что он стал бывать там слишком часто. Я удивился, что официально аккредитованному журналисту запретили посещать открытые заседания стортинга. Разумного объяснения таким ограничениям в демократической стране я не нашел тогда и не нахожу сегодня. Напротив, я полагаю, что принимающая страна должна быть заинтересована в том, чтобы продемонстрировать иностранным журналистам открытость процесса принятия политических решений.

Думаю, что именно глубокое знание норвежской политики, которое появилось со временем, сделало меня интересным собеседником для местных политических деятелей. Любая беседа может стать увлекательной только в том случае, если ты стремишься не только получить какие-то сведения, но и сам способен что-то дать. Прямые человеческие контакты позволяют лучше разобраться в причинах действий и подходах. Важно не только то, что говорится, но и как говорится. Подчас жесты и реакция собеседника значат больше для выявления нюансов, чем слова. Причем речь идет именно о дипломатии, а не о разведке. Разумеется, я готовил для посольства и Министерства иностранных дел сообщения с изложением точек зрения, взглядов и позиций людей, с которыми встречался. Хуже всего, когда разногласия и недоразумения в отношениях стран возникают не на реальной основе, а из-за неосведомленности или просчетов политиков. Для периода холодной войны характерным было нежелание даже слушать друг друга, и это меня не устраивало.

Со временем круг моих связей и знакомств в Норвегии стал весьма широким и полезным. Он включал политиков, журналистов, деятелей культуры, руководителей молодежных организаций. Где-то в 1955 году в него вошли премьер-министр страны Эйнар Герхардсен и его супруга Верна.

Этот самый важный из моих контактов был установлен фактически по инициативе жены норвежского премьера. На одном из приемов в советском посольстве Верна Герхардсен сказала мне и моему коллеге Белякову: «Если вам будет что-то непонятно в сфере норвежской внешней политики, имейте в виду, что я говорила с мужем и он рекомендует в любое время связываться с Андреасом Андерсеном. Сам Эйнар тоже готов дать необходимые пояснения, когда это потребуется, но, как вы знаете,

он очень занят». Чуть позже сам Эйнар Герхардсен подтвердил это предложение.

Имя Андерсена мне было уже известно из газет. Он в то время только-только заступил в должность начальника управления канцелярии премьер-министра, которое отвечало за вопросы внешней политики и национальной безопасности. Я знал также, что на него возложена определенная роль в координации деятельности специальных служб, а именно тайной полиции и военной разведки.

Поначалу мы встречались редко — раз в несколько месяцев, в среднем раз в полгода. Однако в дальнейшем, примерно с 1962 года, ситуация изменилась. Думаю, что мы лучше узнали друг друга и стали друг другу симпатизировать. Мои суждения о происходящем в Советском Союзе интересовали его в такой же степени, как меня события и жизнь Норвегии. Наши интересы пересекались много раз и в последующие годы. В ходе визита Хрущева в Норвегию в 1964 году я понял, что контакт Андерсена со мною также воспринимался высшим руководством Норвегии как весьма полезный.

Должен пояснить, что отношения с Андерсеном поддерживать было непросто. Они не удались ни секретарю посольства Евгению Белякову, ни даже советским послам — Г.П.Аркадьеву и М.Г.Грибанову, который сменил Аркадьева в 1956 году. Главная причина состоит в том, что международный климат и советско-норвежские отношения в 50-60-х годах были весьма своеобразными.

В глазах советского руководства Норвегия прежде всего являлась страной, ставшей в 1949 году членом враждебного военно-политического блока НАТО. Такой выбор северного соседа был особенно досадным, поскольку, как уже писалось, именно советские вооруженные силы освободили Северную Норвегию от фашистских захватчиков в конце второй мировой войны. Я тоже ощущал горечь оттого, что освобождение Норвегии Советским Союзом не помешало ее членству в НАТО. Вопрос состоял в том, как поведет она себя внутри НАТО и какие последствия это будет иметь для Советского Союза.

Я потратил много времени, чтобы понять мотивы вступления Норвегии в НАТО, и узнал о сомнениях, которые высказывались норвежцами при принятии этого решения. Мы знали, что премьер-министр Герхардсен изначально был настроен весьма скептически к вступлению страны в Североатлантический альянс, но затем был вынужден принять иное решение и активно проводил его в жизнь. Напротив, министр иностранных дел

Халвард Ланге и секретарь Норвежской рабочей партии Хокон Ли считались ярыми сторонниками США и приверженцами глубокой интеграции Норвегии в военную структуру НАТО. Не говорю уже о правых партиях Норвегии, которые безоговорочно выступали за тесное сотрудничество в рамках НАТО.

С моей — и не только моей — точки зрения, цель наших политиков и дипломатов состояла в том, чтобы добиться добрососедских отношений с Норвегией, ее относительной независимости по отношению к НАТО. Мы, разумеется, не опасались нападения со стороны непосредственно Норвегии, но должны были считаться с реальной возможностью использования ее территории против нас, скажем, Соединенными Штатами и другими странами—членами Североатлантического блока. Стало очевидным, что для установления дружеских отношений с Норвегией необходимо проявлять уважение к ее политическому выбору и объективным интересам с точки зрения национальной безопасности страны. Когда Хрущев и Герхардсен в результате переговоров в Москве в ноябре 1955 года пришли к выводу, что именно такое положение отвечает интересам обеих стран, для нас стало особенно важно не провоцировать в дальнейшем Норвегию к более жесткой позиции. Определенных пропагандистских столкновений, конечно, избежать было невозможно. Но мы должны были показать соседям наше искреннее стремление выполнять решения, согласованные в Москве.

Для Советского Союза как великой державы задача заключалась в извлечении максимальной пользы из отношений с маленькой Норвегией. Следовательно, мы должны были полностью воздерживаться от грубого нажима на норвежцев. Упоминавшийся мною выше Е.Беляков, который в то время был офицером советской внешней разведки под дипломатическим прикрытием, пренебрегал этим пониманием и действовал подчас довольно неуклюже.

Он казался мне симпатичным парнем, очень общительным и способным, но не умел во время бесед расположить к себе норвежских дипломатов и правительственных чиновников. Причина была, видимо, в том, что Евгений, к сожалению, так и не приобрел глубоких знаний в области норвежской истории и политики безопасности. Как я впоследствии понял, он сделал слишком большую ставку на тех людей, которые выступали против членства Норвегии в НАТО, и был подчас недостаточно осторожным. Когда мы вместе встречались с иностранцами, он вел себя деликатнее, чувствуя, возможно, что мой стиль имеет определенные преимущества. Во всяком случае, я вынужден констатировать, что он переходил допустимые для дипломата

границы, для дипломата, обязанного защищать официальные внешнеполитические позиции своей страны.

Белякову не удалось сделать в Норвегии карьеру ни в дипломатии, ни в разведке. Но отозвали его оттуда не из-за ошибок в работе, а из-за обострившихся отношений в семье. После возвращения в Москву он продолжал работать в подразделении разведки, не имевшем отношения к Скандинавии.

Еще более типичным примером в этом отношении является посол Г.П.Аркадьев. Посол должен, разумеется, быть еще более корректным в высказывании своих точек зрения, чем рядовые сотрудники посольства. Он же по меньшей мере в двух беседах с Э.Герхардсеном пытался склонить его к мысли о целесообразности пересмотра вопроса о членстве Норвегии в НАТО, что было воспринято норвежцами как недопустимое вмешательство в их внутренние дела. Реакция премьера была однозначно негативной. В Москву был передан сигнал, что норвежское правительство испытывает нажим со стороны советского посла и находится в затруднительном положении. Эта информация была получена заместителем министра иностранных дел В.С.Семеновым, и руководство нашей страны приняло решение об отзыве Аркадьева за превышение полномочий.

Проблема была непростой, поскольку Аркадьев пробыл послом в Норвегии всего около двух лет, но это лишь подтверждает, какое уважение Москва испытывала к позиции Э.Герхардсена.

О том, как Аркадьева приняли по возвращении в Москву, рассказывал он сам. Позвонив В.М.Молотову, бывший посол сказал: «Ваш покорный слуга прибыл и ждет наказания». Министр немедленно пригласил его к себе, но усугублять наказание не стал. Аркадьева он знал со времен войны, когда тот работал в отделе США МИД СССР. Молотов сказал ему: «Мы, конечно, могли ограничиться выговором, но вынуждены были пойти на более решительные меры, чтобы разрядить обстановку. Предлагаю Вам стать послом в другой стране или поехать на работу в качестве заместителя Генерального секретаря ООН». Аркадьев выбрал последнее.

В посольстве в Осло Г.П.Аркадьева сменил Михаил Григорьевич Грибанов, который, боясь повторить ошибку предшественника, вел себя очень осторожно и деликатно.

Глава 4
Воспоминания о Шолохове

Мое увлечение литературой никогда не ограничивалось прочтением «правильных» произведений советских писателей. Меня интересовала разная литература: от Лиона Фейхтвангера, оправдывавшего в политическом ослеплении сталинские чистки 1937 года, до Ильи Эренбурга — первого, по сути, диссидента. Я высоко ценил таких антиподов в поэзии, как бунтарь (в то время) Евгений Евтушенко и патриот Евгений Долматовский, с которым меня связывала многолетняя дружба.

Но выше всех я ставлю человека и писателя Михаила Александровича Шолохова, с которым мне посчастливилось познакомиться и узнать его довольно близко. «Тихий Дон» и «Судьба человека» навсегда останутся самыми близкими моему сердцу произведениями, оказавшими сильнейшее влияние на мировосприятие и даже понимание истории.

Никому не удалось описать гражданскую войну в России так ярко, как это сделал Шолохов. Я читал его книги еще юношей, задолго до нашей встречи, а в Норвегии вновь и вновь перечитывал их. И в тюрьме, где я оказался после событий 1991 года, когда над нашей многострадальной страной опять нависла угроза гражданской войны, шолоховские книги были со мной. Кризис, в котором оказалось советское общество в преддверии чрезвычайного положения в августе 1991 года и после него, напомнил мне многое в шолоховских произведениях. Когда снежный ком раздора устремляется с горы, его трудно остановить.

Летом 1957 года по приглашению издательства «Тиден» Михаил Шолохов вместе с женой Марией Петровной приехали в Осло. Он буквально вдохнул новую жизнь в молодого 27-летнего атташе по вопросам культуры Виктора Грушко. Всемирно известный писатель, которому было тогда 52 года, сразу после представления меня в качестве сопровождающего и переводчика перешел на непринужденный отеческий тон.

«Коль уж тебя приставили работать со мной, Витя, — сказал он, — первым делом нам нужно добыть денег, елико без оных мы со скуки помрем».

Поэтому я без лишних слов направился к директору издательства «Тиден» Колбьерну Фьельду и попросил «как можно

больше» из положенных Шолохову гонораров за выпуск его книг в Норвегии. Я вежливо пояснил, что писателю нужно купить много подарков родственникам и друзьям.

В резиденцию посольства я вернулся с чеком на 40 тысяч крон, что по меркам 1957 года было астрономической суммой. Шолохов извлек из конверта чек, покачал головой и изрек: «Витя, ты не понял суть задачи. Я тебя послал за грошами, а ты приходишь с какой-то бумажкой. Ступай и принеси что-нибудь посущественнее».

После некоторых препирательств в банке, преодолений всевозможных «но» и «если» возвращаюсь с огромной пачкой мелких банкнот и вываливаю их на стол перед Шолоховым.

«Маша, — зовет Михаил Александрович жену, которая находится в соседней комнате. — Поди сюда, Витя принес мешок денег». Входит Мария Петровна.

«Забери все это, Маша, — улыбается Шолохов, протягивая ей деньги, — а то мы в первый же день все потратим». В русских селах, как известно, было принято препоручать ведение денежных дел семьи женам. Мария Петровна спокойно берет деньги и уходит.

«Ну что, Витя, опять мы с тобой остались без денег? — притворно вздыхает писатель и тут же, лукаво улыбаясь: — За кого ты меня принимаешь? Думаешь, я ей все отдал? Нет. Кое-что я заначил». Шолохов достает пачку в пару тысяч крон, которые он умудрился незаметно сунуть в карман.

«Понимаешь, небольшая ловкость рук — это не преступление, зато теперь мы можем посмотреть на Норвегию другими глазами».

Думаю, что эту западную страну Шолохов вспоминал с теплотой. В Норвегии он нашел самых восторженных почитателей. Читающая публика хорошо знала «Тихий Дон», роман пользовался неизменным спросом. Уже в первый вечер Шолохов убедился в чувстве уважения, которое испытывали к нему норвежцы.

То, что в его честь был устроен банкет в одном из лучших столичных ресторанов с видом на фиорд Осло, само по себе удивительным не было. Поразил состав участников.

Верна Герхардсен, принявшая активное участие в организации поездки, попросила меня не рассказывать заранее Шолохову о том, кто прибудет в «Конген» чествовать писателя. Пусть он считает, что устроителем банкета и хозяином стола является издательство «Тиден». Каково же было удивление Михаила Александровича, когда его ввели в роскошный зал и усадили на самое почетное место за подковообразным столом

рядом с премьер-министром! «Ну вот, теперь вы можете рассказать гостю, кто здесь присутствует», — с гордостью говорит мне Верна.

Смущение Шолохова нарастало по мере того, как я представлял ему присутствующих — норвежское правительство почти в полном составе. Первым слово для тоста взял Эйнар Герхардсен. Он сказал, что норвежский народ хорошо знает и высоко ценит творчество Шолохова. Более того, многие норвежцы узнают себя в героях произведений русского писателя, ведь и они воевали за независимость своей страны.

«Именно для того, чтобы выразить вам свое глубочайшее уважение, — продолжал премьер-министр, — мы собрались здесь сегодня всем правительством впервые на моей памяти. Хочу подчеркнуть, что подавляющее большинство присутствующих, как и вы, были активными борцами с фашизмом».

Всегда ровный, раскованный и даже озорной, Шолохов был искренне растроган. Казалось бы, его трудно удивить торжественными речами и знаками уважения, но меня буквально потрясло ответное слово прозаика, пронизанное неподдельно теплыми чувствами.

Банкет произвел на Шолохова сильное впечатление, а вот пресс-конференциями, которых было много в последующие дни и на которых, как правило, преобладали банальные вопросы, писатель явно тяготился. В то же время он не хотел показаться гостем, уклоняющимся от каких-либо встреч. Отдушиной для Михаила Александровича во время пребывания в Норвегии стало знакомство с молодым норвежским писателем Гуннаром Сетером. К этому времени Сетер написал несколько книг, приобрел на родине популярность. Естественно, это имя Шолохову ни о чем не говорило, в Советском Союзе его произведений не издавали. Главное было не в этом. Сетер родился и вырос в селе. Для жителя станицы Вешенской беседовать с выходцем из норвежских крестьян было чрезвычайно интересно. Он расспрашивал о жизни крестьян на хуторах и горных пастбищах, интересовался условиями работы молодых писателей Норвегии: можно ли прожить на смехотворно низкие гонорары при крошечных тиражах в небольшой стране?

Когда Сетер посетовал, что не так просто найти темы, которые могли бы увлечь норвежского читателя, Шолохов взорвался: «Что ты имеешь в виду? В такой стране, как Норвегия, трудно найти интересные темы? Я о ней практически ничего не знаю, но ты мне только что рассказал о муже и жене, которые живут на маленьком хуторе и все делают своими руками. Они пашут землю и выращивают овец. У них три сына. Старший уехал

в город. Средний собирается сделать то же самое. Родители стареют, но и младший сын не проявляет особого интереса к повседневной крестьянской работе. Ты можешь себе представить, какие чувства переполняют стариков, что им приходится переживать?! На таком материале можно написать роман, от которого у читателя ком к горлу подкатит».

Эта реакция была типичной для Шолохова. Он сразу вникал в ту или иную проблему, остро чувствовал ситуацию, когда человеку приходится делать сложный выбор, считал, что и в литературе нельзя допускать упрощений.

Не мог обойти стороной писатель и Норвежское студенческое общество. Поворчав немного по поводу непривычной обстановки: студенты сидели за кофейными столиками и курили, он, тем не менее, признал, что ему нравится непринужденная атмосфера встречи. Лекция о советской литературе и раскрываемых в ней темах прошла успешно, настал черед вопросов и ответов.

Молодой человек на приличном русском языке спросил, в чем разница между социалистическим реализмом, который является основой литературного творчества в Советском Союзе, и критическим реализмом, которого придерживаются радикально настроенные западные писатели. В вопросе содержалась основа для возможной политической полемики. Но Шолохов ответил моментально, не раздумывая: «Не надо путать п… с м….». Экскурс писателя в неисчерпаемые глубины русского языка поставил переводчика-студента в тупик. Он минут пять путано объяснял, что Шолохов имел, очевидно, в виду нетождественность обоих понятий.

Норвежцам импонировал грубоватый стиль Шолохова, его крестьянская прямота. Узнав, что он страстный рыбак, хозяева организовали для него посещение фабрики по производству рыболовных снастей. После тщательного осмотра богатой продукции Михаил Александрович сказал мне: «Попроси их отложить вон те коробочки. В них рыболовные крючки. Таких у нас дома нет. Пусть завернут их, мы расплатимся и пора ехать». Я замялся: приобретать что-либо на фабрике было не очень-то принято. Для этого есть магазины. Но директор фабрики, к моему удивлению, не моргнув глазом, предложил преподнести крючки в подарок советскому гостю. Шолохов заупирался, настаивая на оплате.

«Знаете, — ответил директор, — для нас большая честь, что всемирно известный писатель собирается пользоваться нашими снастями. Просто не может быть лучшей рекламы. Не только Хемингуэй, но и Шолохов предпочитает ловить рыбу на норвежские крючки». Следует заметить, что в норвежских газетах

Шолохова частенько называли «русским Хемингуэем». «Большое спасибо, — вежливо ответил Шолохов директору. — Но в рекламе не ставьте меня на одну доску с Хемингуэем. Он — великий писатель и, как и я, страстный рыбак, но мы очень разные».

В свободное время чаще всего Шолохова сопровождал я. Конечно, я свозил писателя в известный Фрогнер-парк, украшенный скульптурными композициями Густава Вигеланна. Стоял солнечный летний день. Парк утопал в цветах. Множество клумб и кустарники великолепно сочетались со скульптурами.

Шолохову в парке понравилось. «Но подумай, насколько красивее одинокий полевой цветок. Он человеку милее и дороже, чем вся эта масса цветов, собранных вместе искусственно».

А что же скульптуры? Реакция Шолохова была довольно своеобразной. «Я ничего не смыслю в скульптуре, — сказал он, — но почему все фигуры в парке похожи на Муссолини?»

После прогулки по Фрогнер-парку Шолохов настоял, чтобы мы отправились в ресторан «выпить по-русски». Я привел его в приличный ресторан и, предупредив, что, возможно, в нем не подают спиртное, посвятил в норвежские традиции безалкогольных ресторанов.

Внимательно осмотревшись по сторонам, Михаил Александрович произнес: «Слушай, я не знаю, что пьют в компании, которая сидит напротив, но вот тот мужик слева, судя по его виду, явно пьет не водичку».

От моих благих намерений не осталось и следа. На столе появился коньяк. Пообедав, мы как смогли добрались домой.

Однажды вечером писатель был у нас в гостях. Он стоял у окна, высматривая что-то на улице, и неожиданно произнес: «Витя, глянь-ка, что написано на этом здании. «Банк»? Там, наверное, горы денег. Давай вечерком ограбим его. Нас, конечно, заметут, ясное дело. Там и охрана, и сигнализация. Но это не беда. Ты только подумай, какие будут завтра заголовки в газетах: «Известный писатель Шолохов и молодой дипломат Грушко арестованы за попытку ограбления!» Мне-то известности не занимать, но подумай о себе: ты сразу станешь знаменитым!»

Настало время смутиться мне: Шолохов умел подшутить над человеком, подметив какую-то черту характера и, не обижая, по-доброму подковырнуть.

Теплые, дружеские, окрашенные юмором отношения сохранялись между нами до конца поездки. На книге, подаренной перед расставанием, Шолохов сделал дарственную надпись, назвав меня «сынком», а себя — «убеленным сединой отцом». Но и здесь он не мог удержаться от улыбки: «Покорителю девичьих (по преимуществу норвежских) сердец, но, несмотря на это,

верному мужу своей верной жены».

12 лет спустя, в декабре 1969 года, я вновь встретился с ним и Марией Петровной в Осло. Наше знакомство переросло в дружбу, и передо мной раскрылись более серьезные стороны жизни и творчества М.А.Шолохова.

Однажды мы не спеша возвращались домой. Поравнялись с кинотеатром, где шел американский фильм «Доктор Живаго». Я знал, что по своим политическим взглядам Шолохов весьма далек от Пастернака, но мне удалось ненадолго затащить его в кинотеатр. Сцены насилия в фильме произвели на меня сильное впечатление.

Когда мы пришли домой, я поставил пластинку с музыкой из этого фильма, которая понравилась нам обоим.

«Витя, — сказал Шолохов, — увиденное на экране ужасно. Но то, что на самом деле происходило во время гражданской войны, было такой трагедией, которую невозможно передать ни в романе, ни в кино».

И писатель начал рассказывать мне о том, что пережил он сам, о том, как политика разделяла села и семьи на враждебные, непримиримые лагеря, как брат шел на брата. О простых людях, которые оказались заложниками и жертвами столкновений между белыми и красными. Короче, о тех реальных событиях, которые легли в основу «Тихого Дона». Разговор длился часов пять, перешел на Великую Отечественную войну, в которой Шолохов принимал участие в качестве корреспондента фронтовой газеты «Красная звезда», на личность Сталина.

Михаил Александрович встречался со Сталиным не раз. В середине 30-х годов он был наездом в Москве. Александр Фадеев, один из руководителей Союза писателей, заказал ему номер в гостинице «Националь». Приезд совпал с днем рождения Шолохова, и он решил отметить его с московскими друзьями.

В то время писатель только обретал популярность. Он работал над «Тихим Доном», задуманным как большой роман в четырех книгах. Первая из них уже была издана. Во влиятельных литературных кругах она вызвала серьезную критику: советскому народу не нужны такие литературные «герои», как Мелехов, мечущиеся между красными и белыми.

«Ты не можешь представить себе мои переживания, — вспоминал Шолохов. — Надо мной нависла реальная угроза. Я думал, что никакого продолжения романа вообще не последует, во всяком случае, ни одна книга не увидит свет».

С такими невеселыми мыслями Шолохов сидел в гостинице и ждал гостей. Вдруг раздался телефонный звонок: «Товарищ Шолохов? С вами говорит Сталин. Не могли бы вы приехать в

Кремль? Надо поговорить».

Шолохов не ждал от приглашения ничего хорошего, он почувствовал себя в опасности. Паника усилилась, когда Сталин произнес: «К вам придет машина и вас заберут». Может быть, он просто неудачно выразился, но ощущение было тяжелым.

Через десять минут действительно приехала машина. Это был правительственный лимузин, на котором писателя доставили в Кремль. Сталин принял Шолохова не в рабочем кабинете, а у себя на квартире и сразу перешел к делу.

«Товарищ Шолохов, я внимательно слежу за вашей работой и прочитал первую часть «Тихого Дона». Должен сказать, что в целом эта вещь мне нравится. Но как коммунист коммунисту я обязан сказать вам правду. А правда состоит в том, что для советского народа нельзя писать так, как пишете вы».

Далее Сталин пояснил, что один из белых генералов описан Шолоховым с излишней симпатией. Михаил Александрович почувствовал, что тучи сгущаются, и предложил внести в роман коррективы. «Нет, — сказал Сталин, — написанное править не нужно. Но примите критику во внимание при работе над следующими книгами». Шолохов понял, что на этот раз пронесло и издание «Тихого Дона» не будет приостановлено. Напряжение несколько спало, и он рассказал о предстоящей встрече с московскими друзьями-писателями по поводу дня рождения. Сталин поздравил именинника и даже снабдил компанию несколькими бутылками вина из личных запасов. Рассказывая это, Михаил Александрович заметил, что в тот день он впервые проехался в московском метро и его удивило, что на станции «Кировская» стоит бюст Сталина. Беседуя с вождем, он осмелился в вежливой форме сказать тому, что по русским традициям не принято ставить памятники живым.

«Я понимаю, что вы имеете в виду, — произнес Сталин. — Но русскому народу нужна башка».

С этим Шолохову трудно было согласиться. Он понимал, что Сталин ведет дело к установлению режима безраздельной власти, а это не соответствовало его представлениям о социализме. В целом отношение писателя к Сталину было неоднозначным. С одной стороны, Шолохов был убежденным коммунистом, воевавшим за дело революции и продолжавшим борьбу за социализм в своем литературном творчестве, и победы социализма были для него, как и для всех, связаны с именем Сталина; с другой — он не мог не видеть и не опасаться диктаторских замашек вождя. В течение 30-х годов писатель постоянно писал Сталину письма с критикой преследований простых людей и жестких методов коллективизации, подвергая

себя смертельной опасности.

Разговор с Шолоховым еще раз убедил меня в его уникальной способности глубоко понимать действительность, не деля ее на «белое» и «черное». Его искренние коммунистические убеждения приходили в противоречие с лояльностью к Сталину. Особенно большие сомнения он испытывал по поводу коллективизации. Шолохов сам был станичником и многое в своей жизни повидал и пережил. Касаясь этой темы, он чувствовал огромную ответственность и очень тонко балансировал, чтобы сохранить творческую свободу. С большой силой и убедительностью он, например, раскрыл в «Поднятой целине» характер энтузиаста коллективизации Давыдова и передал горькие чувства крестьян, вынужденных расставаться с тяжело нажитым добром.

Писатель рассказывал, что следующая встреча со Сталиным произошла у него во время войны. Красная Армия уже отразила наступление фашистов на Москву, развертывалась битва за Сталинград, и худшие для советских людей времена были позади. В один из приездов с фронта корреспондент Шолохов в числе высокопоставленных военных и политических деятелей был приглашен к Сталину на дачу. Хозяин оказал ему особую честь, усадив за столом рядом с собой. Много говорилось о положении на фронтах. Шолохов позволил себе вольность рассказать анекдот о введении в армии вегетарианского дня. «Замечательное нововведение, если бы в этот день давали еще и по кусочку мяса», — шутили солдаты.

Анекдот был хорошо воспринят в сталинской компании, где разговоры на политические и военные темы сопровождались крепкой выпивкой. Однако на следующей встрече Шолохова усадили подальше от Сталина, а в третий раз писатель оказался уже по соседству с шефом НКВД. Берия держался дружелюбно, осыпал соседа комплиментами, но тот чувствовал себя неуютно и в последующем стремился по мере возможности избегать участия в сталинских застольях.

Не изменил писатель своим убеждениям и тогда, когда ветры подули в другую сторону. На XX съезде КПСС, где Хрущев впервые выступил с разоблачением культа личности Сталина, Шолохов попросил слово для выступления.

«Когда я поднялся на трибуну, — вспоминал он, — все заулыбались, ожидая обычных для меня шуток и прибауток. Но я выступил совсем в другом духе».

Эта была известная речь, в которой Шолохов резко критиковал советских писателей за отрыв от реальной жизни, за существование в некоем треугольнике: московская квартира —

загородная дача — черноморский пляж. В зале стояла гробовая тишина.

И в последующие годы далеко не все и не всем публичные высказывания Шолохова приходились по душе. Известно, например, что он негативно относился к воззрениям Солженицына, хотя считал своим моральным долгом защищать социалистические идеалы, а вот их практическое воплощение — отнюдь не всегда. Он не мог простить Солженицыну, что его активно использует западная пропаганда. Думается также, что холодным отношениям между писателями способствовали распространившиеся слухи о том, что автором «Тихого Дона» является не Шолохов, а белогвардеец Крюков, и Солженицын не опроверг их. В наши дни истина была однозначно установлена шведскими исследователями с помощью компьютерной техники. Шолохов очень болезненно относился к этим слухам, жаловался мне, что бесконечно устал от нападок и не собирается даже высказываться на эту тему. «Ты-то знаешь, Витя, что никто кроме меня не мог бы написать мой «Тихий Дон»».

У меня в этом никогда не было ни малейшего сомнения. Никто иной не смог бы даже приблизиться к шолоховской глубине раскрытия жизни нашего общества времен гражданской войны. Потрясение от невероятной силы романов Шолохова, видимо, стоило мне второго инфаркта, когда я перечитывал их в госпитале.

Прощаясь и предчувствуя, что мы уже не встретимся, Шолохов подарил мне сборник «Донских рассказов» с надписью:

> «Дорогому Вите Грушко с жаждой потоптать еще не одну путь-дорожку вместе и рядом.
>
> *М. Шолохов. 30.12.69»*

Глава 5
Премьер-министр Норвегии Герхардсен и его супруга Верна

Из всех политических знакомств во время моей работы за рубежом одно выделяется как наиболее интересное, значимое и запоминающееся: супружеская чета Эйнар и Верна Герхардсен. Никто не повлиял в такой степени на расширение моих познаний о норвежском обществе, о возможностях социал-демократии, на мое мироощущение в тот период жизни, как они.

Как случилось, что именно мне, новичку в международных делах, по сути практиканту советского посольства в Осло, посчастливилось познакомиться с норвежским премьер-министром и его супругой и установить отношения, которые продолжались почти двадцать лет и переросли чуть ли не в товарищеские. Я стал вхож в их семью, и уже в 1958 году Эйнар Герхардсен сделал памятную надпись на подаренной мне фотографии: «С признательностью за приятную дружбу».

Он был опытнейшим государственным деятелем, «отцом нации», обладавшим необычайным политическим чутьем, неоспоримыми качествами лидера, мужеством и решительностью; она — пламенной социалисткой, активисткой молодежного движения, очаровательной и целеустремленной женщиной, отдававшей себя целиком политической работе. А я? Я был всего лишь 24-летним советским дипломатом, впервые оказавшимся за границей и лишь немного говорившим на норвежском языке.

Последнее обстоятельство, кстати, вполне могло иметь отношение к их симпатиям. Дело в том, что в середине 50-х годов в нашем посольстве было всего два человека, которые использовались в качестве переводчиков с норвежского языка. Одним из них был Юрий Дерябин, ставший впоследствии послом в Финляндии, другим — я, и мы оба старательно совершенствовали свои языковые, знания и навыки. И Эйнар, и Верна не знали ни слова по-русски, а их английский был далек от совершенства. Когда Герхардсен и его супруга посещали советское посольство, мне, как правило, приходилось переводить.

А у посетителя подчас складывается более тесный контакт с переводчиком, нежели с официальным собеседником. Герхардсен, скажем, ведет непринужденную беседу с советским послом и

произносит: «Помните, мы говорили о том…» Но посол просто не может помнить, потому что при сем присутствовал вовсе не он, а другой представитель Советского Союза, и нередко возникало странное чувство, будто бы он обращается в первую очередь ко мне. Переводчик-то один и тот же и действительно помнит, о чем речь…

Определенную роль сыграли и другие обстоятельства. Непосредственным поводом для моего более близкого знакомства с мужем и женой Герхардсенами, и в первую очередь с Верной, послужило установление личных контактов между советскими и норвежскими представителями на различных уровнях, которое привело к осуществлению первого официального визита премьер-министра Норвегии в Советский Союз.

Началом в расширении двусторонних контактов стало приглашение делегации руководителей норвежских молодежных организаций — и Верны в том числе — в Советский Союз в 1954 году. Нам, работникам посольства, предстояло создать благоприятную атмосферу до и во время указанной поездки. Делегация была принята на высоком уровне и получила возможность посмотреть страну, в частности побывать в Армении.

Когда норвежские делегаты вернулись домой, мы пригласили их в посольство для подведения итогов визита. Хочу подчеркнуть, что Верна Герхардсен выезжала в Советский Союз как активистка молодежного движения Норвегии. В это время премьер-министром был Оскар Торп, а Герхардсен занимал пост президента стортинга (парламента) и председателя правящей Норвежской рабочей партии (НРП).

Возможность подружиться с Верной и Эйнаром представилась, когда группа советских школьников побывала в молодежном летнем лагере неподалеку от Осло в июле 1956 года. Но это было уже после официального визита Герхардсена в Советский Союз в качестве премьер-министра в ноябре 1955 года. В Норвегию прибыли мальчики и девочки, которые привыкли отдыхать летом у себя на родине в пионерских лагерях, и такая встреча для советских пионеров и норвежских скаутов была в диковинку. В течение двух недель, пока дети отдыхали вместе, Эйнар Герхардсен неоднократно наведывался в лагерь. Однажды он вместе с Верной провел там целое воскресенье и остался на вечерний концерт, организованный норвежскими и советскими ребятишками.

Помогать работникам лагеря от советского посольства было поручено мне. Хлопот, признаюсь, было немало, зато довелось неоднократно встречаться с четой Герхардсенов. Все это закончилось тем, что трех пионервожатых, а также молодых

представителей посольства — Евгения Белякова и меня с женами — Герхардсен пригласил к себе на дачу, где мы и провели целый день. Была хорошая погода и отличное настроение.

Почему Герхардсен уделял так много своего расписанного по минутам времени общению с советскими людьми? В чем состоял политический смысл установления контакта, который явно выходил за рамки официальной дипломатии, подчиняющейся строгому протоколу? Для норвежских политиков того времени было крайне необычным поддерживать личные отношения с советскими дипломатами, которых средства массовой информации называли не иначе как «опасными шпионами». Убежден, что Эйнар Герхардсен и его супруга сознательно шли на развитие неформальных отношений, прекрасно зная, что они рискуют толкнуть на ответные действия правые силы в Норвегии, консерваторов в собственной партии и американцев.

Думается, что, решившись на установление таких контактов, Герхардсен преследовал далеко идущие цели. К чисто политическим аспектам такого подхода я вернусь чуть позже в этой главе. Здесь же не могу не рассказать о стиле поведения супругов Герхардсен. Он был полной неожиданностью, а в некоторых случаях вызывал изумление, близкое к шоку у людей, выросших в Советском Союзе.

Вот мы сидим у костра на его даче. Герхардсен варит для всех кофе на живом огне в старой закопченной кастрюльке. Он рассказывает о борьбе с алкоголем в норвежском рабочем движении во времена своей молодости, о необходимости собирать активистов именно у такого костра для бесед за кофе, чтобы не позволить дурным привычкам ослабить историческую борьбу трудящихся. Сам Герхардсен был абсолютным трезвенником.

Беседа переходит на другие темы. Обычный человеческий разговор в непринужденной обстановке. Герхардсен берет на колени моего годовалого сынишку Александра и нянчит его. Саша отвечает пылкой взаимностью и мочится на брюки норвежского премьера. Тот воспринимает происходящее с беспечной улыбкой как нечто вполне естественное. Беседа продолжается.

Мы сидим неподалеку от очень скромной дачи, которую Эйнар унаследовал от своего отца. Достойна ли эта загородная резиденция премьер-министра? Как живут руководители нашего государства, я в то время не знал, но мне с трудом верилось, что нахожусь на даче премьер-министра развитой страны Запада и он сам варит на костре кофе.

В дальнейшем я продолжал встречаться с Эйнаром и Верной,

иногда вместе с Беляковым, но чаще один. Пару раз в год помимо участия в обязательных протокольных приемах Герхардсен принимал приглашения на обед в советское посольство. Наши контакты продолжались и во время следующего моего приезда в Норвегию уже в качестве оперативного сотрудника разведки в 1962 году. Герхардсен никогда не давал понять в наших беседах, получал ли он сигналы о моей принадлежности к советской разведке. Думаю, что главное для него состояло не в том, какое ведомство я представлял. Существенней была потребность поддерживать контакты с советскими людьми.

Однажды позвонила Верна и попросила прийти помочь разобраться в инструкциях к радиоприемнику, полученному в подарок в Советском Союзе. В другой раз речь шла о баночке советской икры, которую Герхардсены не смогли открыть общими усилиями. Когда я извлек русский деликатес на свет Божий, супруг заметил: «Я не мог предположить, что для этого потребуются такие усилия!» Однажды они получили ящик армянского коньяка в подарок от Н.А.Булганина. Угощая меня кофе, хозяева предложили рюмочку и мне. «В этом доме, — говорил Эйнар, — откупоренной бутылки хватает надолго».

С Эйнаром и Верной я встречался также время от времени на международных соревнованиях по конькам на стадионе «Бишлет» в Осло. Мы либо сидели рядом, либо встречались за чашкой горячего бульона в перерывах и обменивались мнениями о происходящем.

Верна, так же как и я, очень верила в необходимость расширения культурных обменов между Норвегией и СССР для улучшения двусторонних отношений в целом. Нам доводилось довольно часто общаться, занимаясь этим. Однажды Верна загорелась идеей приглашения русского цирка в Осло, и мы поехали домой к госпоже Берни, директору норвежского цирка, на совет. К сожалению, в то время выступление артистов нашего цирка в Норвегии организовать не удалось, поскольку его представления не были рассчитаны на шапито.

Дочь Евгения Белякова была больна полиомиелитом, который поразил ее ноги. Верна посчитала своим долгом помочь его семье, и мы вместе с ней посетили целый ряд специалистов и клиник, чтобы выяснить, не поможет ли операция. Верна была очень отзывчивым человеком.

Подчас поведение семьи Герхардсен просто поражало. Моя жена Валентина однажды видела, как жена премьер-министра сама моет окна в своей квартире. Я искренне смеялся, когда пришел к ним домой до возвращения Эйнара с работы и услышал, как Верна звонит мужу в офис: «Слушай, Виктор уже пришел.

Забеги по дороге домой в булочную и купи яблочный пирог». Через некоторое время появляется премьер-министр с пирогом в руках. Хотел бы я быть свидетелем подобной сцены, скажем, в семействе Горбачева!

Посол М.Г. Грибанов, знавший о наших с Беляковым личных контактах с семейством Герхардсена, попросил организовать ему встречу с премьер-министром в неофициальной обстановке. Такая встреча состоялась где-то в 1956 или 1957 году в одном из ресторанов в пригороде Осло, и посол получил в буквальном смысле слова шок. «Как вы провели отпуск?» — вежливо спрашивает посол. «Мы отдыхали в палатках, путешествуя по Италии», — отвечает Эйнар. Посол ничего не понимает и не находит ничего лучшего, как спросить: «А где же размещалась охрана?» «Объясните послу, — обращается ко мне Герхардсен, — что у нас охрана никогда не выставляется во время отпусков. К тому же мы находились в Италии инкогнито. К концу пребывания нас все же узнали и я вынужден был встретиться с итальянским премьер-министром».

Беседы с Герхардсеном далеко не всегда касались политики. Часто затрагивались обычные житейские вопросы. Глава норвежского правительства был живым человеком, а не политическим роботом. С искренней гордостью Верна показывала мне длинную серию статей, написанных ее мужем для журнала «Актуэль» о своей жизни и деятельности. А Эйнар часто с большой теплотой вспоминал о своей встрече уже после войны с узбекским другом, с которым судьба свела его в гитлеровском концлагере Заксенхаузен. Герхардсен и еще один норвежский заключенный спасли узбека, которого звали Акабака, от голодной смерти, делясь с ним своим скудным лагерным пайком. Во время визита Герхардсена в Советский Союз по его просьбе Акаба-аку разыскали в Ташкенте и организовали их встречу. Герхардсен относился к советским людям с симпатией.

Однажды в советском посольстве Эйнар бросил такую реплику: «Посмотрите, как часто я прихожу к вам. У американцев я вообще не бываю».

Неформальный подход проявлялся подчас даже в сугубо дипломатических вопросах. Так, буквально накануне отъезда Герхардсена в Париж в декабре 1957 года на известное совещание НАТО, на котором он удивил всех полным отходом от проекта речи, заготовленной норвежским МИД, М.Г. Грибанов получил послание советского правительства с указанием срочно вручить его Эйнару Герхардсену лично. Насколько мне помнится, речь в нем шла о позиции Советского Союза по ряду ключевых проблем международной безопасности, которые должны были обсуждаться

в Париже, и прежде всего о ракетах средней дальности в Европе.

Мы провели полдня над переводом документа на норвежский язык. С учетом большой спешки наверняка это был не лучший перевод, но главное состояло теперь в том, как умудриться передать его по назначению. Я позвонил в офис Герхардсена, где мне было сказано, что на работе в этот день он уже не появится, потому что через несколько часов выезжает во Францию. Звоню ему по домашнему телефону. Трубку берет Верна: «Вы знаете, он сейчас в ванне, а через несколько минут уезжает». Объясняю ей, в чем дело. Через некоторое время она звонит мне, сообщая, что премьер уже в пути на вокзал, но она успела переговорить с ним. Герхардсен готов встретиться на перроне возле такого-то вагона. У Грибанова гора свалилась с плеч. «Так, значит, чтиво в дорогу вы мне обеспечили», — улыбается Герхардсен, стоя возле готового к отправлению поезда.

Прямые человеческие контакты между представителями различных общественных систем и блоков помогали понять политические мотивы тех или иных шагов, выявлять причины разногласий и нащупывать основу для консенсуса. Герхардсен понимал это лучше, чем любой другой норвежский государственный деятель. Я тоже всегда стремился разобраться в непростых вопросах поглубже, поэтому, смею надеяться, не случайно Герхардсен поддерживал контакты со мной в течение многих лет, в том числе и после того, как я стал офицером советской разведки.

Был ли Герхардсен настроен «просоветски»? Такие утверждения можно подчас слышать от поборников холодной войны и шпиономании. Ответ будет один: конечно же, нет! И у КГБ никогда не было намерений поставить его на службу Советскому Союзу. Герхардсен просто-напросто был одним из немногих дальновидных политиков, понимавших, что для Норвегии жизненно необходимо иметь добрые и сбалансированные отношения с могущественным восточным соседом. А для этого требуется взаимопонимание. Однако в 1955 году, когда над миром еще проносились леденящие ветры холодной войны, такой подход вовсе не был само собой разумеющимся. Сама идея официального визита премьер-министра Норвегии — первого после войны визита руководителя одной из стран западного мира в Советский Союз — была неординарной. Думаю, что принятие приглашения советского правительства было сопряжено для Герхардсена с серьезными проблемами.

Нам было известно, что правые силы Норвегии намеревались

использовать его, как они называли, «заигрывание с противником». Имелась достоверная информация о том, что в международном плане «братание» Герхардсена с коммунистами планировалось использовать для дискредитации его внешнеполитического курса. С другой стороны, приглашение главе норвежского правительства из Москвы явилось результатом общего потепления международного климата, которое в 1955 году лишь едва-едва ощущалось. Мы считали, что соседские отношения с Норвегией могут стать более стабильными и дружескими, чем в первые годы холодной войны, когда Норвегия стала членом НАТО. Нам было известно также, что Герхардсен в свое время весьма скептически отнесся к вступлению Норвегии в Североатлантический альянс. Он был сторонником создания скандинавского оборонительного союза. Только после провала планов создания такого союза Герхардсен нехотя согласился с членством Норвегии в НАТО как единственной реальной альтернативой.

Членство Норвегии в НАТО вызвало конфликт внутри Норвежской рабочей партии и привело к изданию рядом социал-демократов газеты «Ориентеринг», а в 1961 году — к созданию Социалистической народной партии (СНП). В стане норвежской социал-демократии образовалось два противостоящих лагеря. Мы рассматривали тогдашних министра иностранных дел Халварда Ланге и секретаря НРП Хокона Ли как наиболее видных представителей проамериканской и пронатовской линии в норвежской внешней политике.

Герхардсен же проявлял гораздо большее, чем другие члены НРП, понимание того, что Норвегия является соседом великой державы, обладавшей к тому же ядерным потенциалом. Он признавал определенные преимущества членства Норвегии в НАТО, но одновременно отдавал себе отчет в том, что вовлечение страны в любой конфликт между США и Советским Союзом окажется для нее катастрофическим. Эта мысль нашла отражение и в его выступлении на совете глав правительств стран НАТО в Париже, о котором говорилось выше.

Повторяю, принятие приглашения посетить Советский Союз в 1955 году, в самый разгар холодной войны, было для Герхардсена сопряжено с трудными внутриполитическими решениями. В первую очередь Герхардсен поставил вопрос о своей возможной поездке в Советский Союз на правлении Норвежской рабочей партии, в которое входили ключевые члены правительства, влиятельные фигуры партийного аппарата и руководители мощного Центрального объединения профсоюзов Норвегии (ЦОПН). Только после своей победы на этом форуме он смог

чувствовать себя относительно уверенно, чтобы ответить согласием на советское приглашение.

Герхардсен был прирожденным политиком и прекрасно знал правила игры. Без согласия центрального правления НРП в таком деликатном вопросе, как поездка в «медвежью берлогу» на Востоке — «логово» главного противника США и НАТО, все дальнейшие действия в этом направлении становились бессмысленными.

Подозрительность была характерной чертой обеих сторон. Герхардсен понимал, что приглашение норвежского премьер-министра в Советский Союз в ноябре 1955 года было и для Хрущева смелым шагом с точки зрения советской внутренней политики. Норвежский лидер был одним из немногих, кто в те годы усмотрел исторический шанс — как для Советского Союза, так и для Запада — в политике мирного сосуществования.

10 ноября 1955 г. Эйнар и Верна Герхардсены в сопровождении министра торговли Арне Скауга с супругой вылетели в Москву. Я оставался в Норвегии, проводив их в аэропорту Осло. Именно там Верна дружески похлопала меня по щеке, что было запечатлено норвежскими фотографами.

Мне известно, что в Москве к взглядам Герхардсена на вопросы международной безопасности относились с большим уважением. Документы, подписанные в ходе визита, по моему мнению, отражают результаты достигнутого сторонами взаимопонимания. Констатировалось, что Норвегия намерена отстаивать интересы своей безопасности в рамках НАТО и ООН, но все же уточнялось, что она не будет в мирное время размещать на своей территории иностранные войска и ядерное оружие. Последнее обязательство было для нас особенно важным, поскольку устраняло опасность внезапного удара по Советскому Союзу с норвежской территории.

Я не исключаю, что у части советского руководства на основании информации из различных источников существовало мнение о Норвегии как о наиболее слабом звене НАТО и о возможности добиться пересмотра членства в этом блоке. Но, думается, такие расчеты все же не были преобладающими.

Возможно, именно для того, чтобы прощупать настроения норвежцев, Хрущев пошел на переговорах на необычный по тем временам шаг. Он предложил установить сотрудничество между КПСС и Норвежской рабочей партией как отрядами международного рабочего движения. Этот вопрос Герхардсен аккуратно снял с повестки дня, отметив, что он находится в Советском Союзе с официальным визитом в качестве премьер-министра, а не председателя партии и не имеет полномочий для

обсуждения такого предложения.

Это не помешало тому, что в последующие годы контакты с норвежскими социал-демократами все же были установлены, но не на официальном уровне. Встречи проводились по линии СМИ, общества «Знание» и Рабочего просветительского союза, родственной норвежской организации. С руководителем последнего, Георгом Лиунгом, я близко познакомился, и мы часто вели конструктивные и интересные беседы вплоть до моего окончательного отъезда из Норвегии. Несмотря на то что контакты различных советских организаций с норвежскими социал-демократами были неофициальными, я убежден, что косвенно они стали возможными именно после визита Герхардсена в Советский Союз.

Мои отношения с семьей Герхардсен становились все более личными и доверительными. Я познакомился с сыном премьера — Руне. Однажды на Рождество я передал Руне подарок от советского посла — плюшевого медвежонка. Герхардсену-младшему подарок, видимо, понравился: всякий раз, когда я приходил к ним домой, медвежонка можно было видеть восседающим на диване. Премьер отнесся к подарку с юмором. Он рассказал мне, что медвежонка в честь советского посла окрестили «Аркадьев». Думаю, что это был намек на некую неуклюжесть посла, его замашки «русского медведя», из-за которых, как я уже писал выше, впоследствии его отозвали в Москву.

Наши политические беседы, хотя и были неофициальными, затрагивали серьезные темы. В качестве примера приведу события в Венгрии 1956 года. Мою реакцию на них можно было охарактеризовать как сомнение и разочарование. На своем невысоком посту я стремился содействовать расширению, улучшению человеческих контактов между Советским Союзом и Западом. Я был уверен, что Хрущев и руководство нашей страны в целом проводили именно такую политику. Поэтому события в Венгрии стали для меня подлинным шоком. Происшедшее было настоящей трагедией для всех сторон и крупным поражением советской внешней политики. Так думал я и, видимо, большинство моих соотечественников. Армия — освободительница Европы на этот раз была использована в чем-то, подобном карательной экспедиции. Это ощущение не покидало меня во время совещаний по венгерскому вопросу в посольстве.

Как-то Верна, которая тоже тяжело переживала венгерские события, пригласила меня от имени Эйнара к ним домой. Я поехал вечером. Премьер-министр сидел, как обычно, за столом,

обхватив руками чашку кофе. После десятиминутного разговора о том о сем Герхардсен напрямую задал мне вопрос: что думаю я о событиях в Венгрии?

Ну как мне следовало ответить? 26-летний советский дипломат сидит в гостях у главы правительства иностранного государства, и у него спрашивают личную точку зрения. Герхардсен оговорился, что официальная позиция его не интересует. Он может выяснить ее, если захочет, через советского посла. Но я же обязан был придерживаться политической линии своего государства. А как друг семьи — ведь дружба накладывает определенную ответственность — должен ответить откровенно: то, что думаю.

Говорю, что мы в посольстве не информированы детально о случившемся в Венгрии и следим за развитием ситуации по газетам. Считаю, что отношение тех экстремистов, которые собираются возле посольства и забрасывают его камнями, к моему правительству несправедливо. Оскорбления в адрес Хрущева и других советских руководителей, которых называют «жандармами» и «убийцами», нетерпимы. Ведь из всех стран Восточной Европы в годы войны именно в Венгрии — бывшей союзнице Германии — наиболее сильно проявлялись фашистские настроения. Возможно, и сейчас это сказывается на остроте внутреннего конфликта с коммунистическим правительством в Будапеште. Добавляю с максимальной, как мне кажется, дипломатичностью: «Не исключаю, что власти в Венгрии переусердствовали в усилиях по строительству социализма. Наверное, в Советском Союзе так думаю не я один».

Герхардсен не произносит ни слова, никак не комментирует услышанное. Он прекрасно понимает, что любые его высказывания по этому вопросу я обязан буду доложить своему руководству в посольстве. Это не входит в его расчеты. Он задал вопрос не для того, чтобы спорить со мной. Его цель — понять, что думает молодой советский человек по поводу происходящего.

Двенадцать лет спустя Герхардсен беседовал со мной о другой ситуации, также поставившей советскую внешнюю политику перед критическим выбором, — о вводе советских и союзнических войск в Чехословакию в августе 1968 года. Герхардсен, видимо, предполагал, что мои чувства похожи на те, о которых я. поведал ему в 1956 году, и даже попытался меня утешить. Он пояснил, что считает события великой трагедией для Чехословакии, Советского Союза и других социалистических стран. Но, сказал он, шторм уляжется. У Норвегии, несмотря ни на что, сохраняется объективный интерес к поддержанию добрососедских отношений с Советским Союзом, жизнь должна

идти вперед и работа по обеспечению мирного сосуществования и разоружению не может прекращаться.

Из всех моих многочисленных бесед с Эйнаром Герхардсеном за чашкой кофе крепче всего засели в памяти два его высказывания. Первое повторялось неоднократно и, думаю, было рассчитано на то, чтобы я запомнил его на всю жизнь. Оно сводилось к тому, что история второй мировой войны была бы иной и жертвы были бы гораздо меньшими, если бы в международном рабочем движении не существовало раскола. Разногласия между коммунистами и социал-демократами в Германии открыли нацистам путь к захвату власти. «Если бы мы, представители рабочего движения разных стран, были достаточно умны и сделали все для объединения, тогда бы мы были действительно сильными и могли влиять на политику и весь ход мирового развития», — подчеркивал он.

Второй момент, на который обращал внимание Герхардсен и в наших беседах наедине, и на встречах с послом, состоял в том, что социал-демократы до сих пор паразитируют на Октябрьской революции в России. Она не только дала мощный импульс всей борьбе рабочего класса за свои права, но и поныне помогает социал-демократии занимать сильные позиции в обществе. Одновременно он не раз возвращался к так называемым «московским тезисам» Коминтерна, которые, на его взгляд, были неприменимы к условиям Норвегии и ничего, кроме раскола с Москвой и среди самих норвежцев, не принесли. Он считал, что, избери коммунисты Советского Союза путь классической социал-демократии, сегодня и наша страна, и весь мир были бы иными. В настоящее время эти вопросы всерьез волнуют наше общество, которое еще не может выйти из шока после развала СССР. Но в 50-е годы в руководстве нашей партии исповедовался тезис о том, что социал-демократическая идеология — это злейший враг истинного социализма.

С Верной мы также часто и подчас довольно остро дискутировали по политическим вопросам, и я много вынес из таких споров. Она не выдавала себя за большого знатока международных дел, но в вопросах социальной политики и образования, некоторых других проблемах внутренней политики Норвежской рабочей партии разбиралась прекрасно. Она истово защищала справедливую и человечную, на ее взгляд, партийную линию НРП. Политика социального выравнивания позволяла сгладить классовые противоречия. Наличие частной собственности не нужно отождествлять с капитализмом, поскольку прогрессивная система налогообложения дает возможность делать новые инвестиции и технически

совершенствовать производство не за счет простых людей. «Мы перераспределяем национальный доход таким образом, что он идет на пользу слабым и беззащитным членам общества», — подчеркивала Верна.

В то же время супруга премьер-министра живо интересовалась всем происходящим в Советском Союзе. Ее радовали наши успехи в создании системы пионерских лагерей и воспитании подрастающего поколения. Она весьма высоко отзывалась о советской системе образования, уровне научно-технических достижений, особенно когда в Советском Союзе был выведен на орбиту первый искусственный спутник Земли. Верна просила поделиться советским опытом отбора в обычных школах талантливых детей, создания специализированных школ, скажем, с математическим и физическим уклоном, что позволяло готовить высококвалифицированные научные кадры.

Но она не стеснялась и резко критиковать некоторые стороны советской жизни. Прежде всего это касалось демократии. Она была абсолютно убеждена в ее отсутствии у нас. Верна доказывала мне, что даже в самой коммунистической партии у нас нет демократического процесса принятия решений. «Виктор, если бы руководитель НРП забыл о съездах и пленумах, он немедленно подвергся бы остракизму со всех сторон и моментально лишился бы поста. Сталин же не провел ни одного съезда во время войны и в первые послевоенные годы, и никто у вас даже пальцем не пошевелил. И это вы называете демократией?!»

Однопартийная система в нашей стране также была предметом резкой критики со стороны Эйнара и Верны. Я пытался ссылаться на особенности исторического развития, на то, что именно компартия руководила народной революцией и не могла уступить победу контрреволюционным партиям. Мои собеседники подчеркивали, что именно благодаря успешной конкуренции с другими партиями НРП стала мощнейшей политической силой в стране. Сознательный выбор народа, который отдает предпочтение именно твоей партии перед рядом других, вселяет и уверенность в правоте дела. Эйнар сухо заметил, что любые ссылки на исторические особенности не могут делаться вечно. Однопартийная система в Советском Союзе сложилась не навсегда, потому что партия рискует допустить серьезные просчеты при отсутствии оппонентов и критики. История подтвердила правоту моих оппонентов.

Верна постоянно затрагивала в беседах тему концлагерей. Это было еще до XX съезда. Не зная подлинной картины, я отвечал, что, несомненно, в лагерях находятся уголовники,

точное количество которых неизвестно. Но она не сдавалась: «Поверьте мне, Виктор, мы знаем правду, поскольку разбирались в этом вопросе основательно. У вас есть концентрационные лагеря для политзаключенных, а это недопустимо».

Все это производило на меня сильное впечатление. В глубине души я соглашался, что во многом критика Советского Союза оправданна, и мои собственные взгляды под влиянием этих бесед претерпевали эволюцию.

При обсуждении чисто норвежских проблем аргументы супруги премьера также были откровенны и остры. Так, вскоре после раскола в НРП и создания на базе левой фракции «Ориентеринг» новой Социалистической народной партии во главе с Финном Густавсеном Верна поинтересовалась, что я думаю об этом. Я ответил, что с удовлетворением отмечаю близость внешнеполитических взглядов Густавсена советским подходам. Верна ответила необычно резко, поскольку, видимо, она не могла примириться с расколом в рядах ее партии: «Запомни одну вещь, Виктор. Тот, кто стал ренегатом, останется им навсегда. Густавсен встал на путь перебежчика, и это не последнее его предательство».

Читая сегодня то, что пишется в норвежских газетах о моих контактах с Эйнаром и Верной, особенно с последней, я могу только недоумевать, когда авторы статей пытаются бросить тень на наши отношения, намекая на их конспиративный характер. Ссылаясь на то, что я был «опасным для Норвегии человеком», газетчики с издевкой замечают, что надо бы поглубже разобраться, к чему сводился наш контакт.

Правда же состоит в том, что мои контакты с семейством Герхардсен были совершенно открытыми. Скрывать было нечего, но и сообщать каждому встречному-поперечному о своей необычной и высоко ценимой дружбе я не собирался. У норвежской контрразведки была полная возможность следить за тем, что происходило. Все встречи с Верной и Эйнаром оговаривались по телефону из посольства или моей квартиры. Ни для кого не секрет, что телефоны советских дипломатов прослушивались. Мы и не пытались скрывать наши отношения.

Однажды я встретился с Верной в одном из центральных столичных ресторанов, чтобы поговорить о возможности организации гастролей советского цирка. Она обратила мое внимание на то, что там же обедает один из известных ей высокопоставленных сотрудников полиции. «Ну и пусть себе обедает», — ответил я. Верна поприветствовала полицейского кивком. В 1960 году, когда я прибыл в Норвегию на двухмесячную стажировку в связи с переходом с чисто дипломатической работы

на службу в разведку, я позвонил ей и сообщил, что нахожусь в Осло. Меня тут же пригласили на ужин домой к супругам Герхардсен. Эйнар послал за мной машину, и по пути я заметил, что за ней следует машина службы наблюдения норвежской контрразведки.

Самым грязным во всей нынешней газетной кампании является распространение слухов о том, что у Верны якобы были «интимные отношения» с моим коллегой по посольству Евгением Беляковым. Верна была общительной личностью, которая никогда не скрывала своих взглядов и чувств, в том числе и встречаясь с иностранными представителями. Она доброжелательно относилась к своему окружению, не разделяя людей по каким-либо категориям. Со всеми, включая и нас, советских людей, она была ровна, вежлива. Ей был чужд снобизм. Врожденное чувство собственного достоинства Верны неизменно вызывало глубокое уважение у всех, кто ее знал. Верна намного опережала свое время. Она была решительной сторонницей улучшения отношений между Норвегией и Советским Союзом. Именно она в самые мрачные, тяжелые периоды холодной войны способствовала пониманию и диалогу между нашими странами. Эта миссия заслуживает уважения, а не осуждения.

Распространяемые сегодня в Норвегии слухи отталкиваются от упомянутой раньше поездки норвежской молодежной делегации во главе с Верной в Советский Союз в 1954 году. Беляков сопровождал эту делегацию. Когда он позже прибыл на работу в Осло, было совершенно естественным поприветствовать своих знакомых, включая и Верну Герхардсен. Когда Беляков встречался с семьей Герхардсен, я всегда был вместе с ним: Беляков не говорил по-норвежски да и в английском был не очень-то силен. Герхардсены тоже, как я уже говорил, владели английским слабо. В результате каких-либо встреч Белякова наедине с ними не было. А если даже и предположить, что они могли быть, вездесущая норвежская контрразведка, поверьте мне, их бы не пропустила.

Задаюсь вопросом: кому в Норвегии сегодня выгодно распространять эти злонамеренные слухи? Ответа пока не нахожу. Но в 50-е годы в определенных норвежских политических кругах считалось признаком дурного тона вообще поддерживать какие-либо контакты с советскими людьми. Может, поэтому у меня не появилось друзей среди представителей буржуазных партий. Но и среди социал-демократов было предостаточно фигур, которые косо смотрели на «братание» семьи премьера с «русскими», подозревая его в нестойкости перед «заигрыванием

коммунистов». Все это ерунда. Сначала нас, советских представителей, упрекали за враждебность и закрытость, нежелание устанавливать человеческие контакты с Западом, а потом нас же, вступивших на путь мирного сосуществования и протянувших руку дружбы соседним странам, стали обвинять в «заигрывании» и делать недостойные намеки.

Не знаю, что в действительности имел в виду махровый проамериканский политик Хокон Ли, в то время генеральный секретарь НРП, на пленуме партии в 1967 году, когда заявил Эйнару Герхардсену, что «раздавит его, как вошь». Какие козыри были у него в руках: американские или норвежские? Во всяком случае, этот эпизод по своей наглости был неслыханным и должен был бы стоить Ли партийного поста.

Однажды я встретился с Ли лицом к лицу. Я был вместе с Верной в общественно-политическом центре Осло «Фолкетс Хюс» в связи с визитом одной из советских делегаций. Мы оказались в одном лифте с Ли, и Верна представила меня ему. Он многозначительно посмотрел на меня, но что это означало, остается только догадываться.

Последний раз я встретился с Верной в 1970 году. Я поговорил с нашим послом С.К. Романовским об организации неофициального обеда с теперь уже бывшим премьер-министром Норвегии и его супругой не в зале приемов, а в личной резиденции посла. Такой обед состоялся. На этот раз о политике практически не говорилось. Разговор шел о личных делах, об обыденном. Герхардсен был раскован и чувствовал себя как дома, поскольку он более не был облечен властью.

Я знал, что Берне в последнее время нездоровилось, но она пыталась как могла скрыть болезнь. Как говорили, у нее был рак. Мы с Валентиной обратили внимание на то, что Верна не могла сидеть спокойно. Очевидно, ее мучили сильные боли. Мы заметили также, что она практически ничего не ела.

Обладая огромным самообладанием, она попробовала преуменьшить серьезность своего положения, рассказав, что упала на трамвайных путях, сильно ушиблась и угодила в больницу. Там Верна все время думала о детях — Торгунн, Руне (сейчас он, кстати, является мэром Осло) и Трульсе. С невеселой улыбкой она сказала, что с годами материнский инстинкт усиливается.

Всего через несколько недель мы получили скорбное сообщение о кончине Верны. На похоронах были наш посол и я как советник посольства. С кладбища все поехали в «Фолкетс Хюс», где состоялась траурная церемония. После речей я подошел к Герхардсену и выразил ему мои личные соболезнования.

Поблагодарив, Герхардсен сказал: «Спасибо, что вы сочли своим долгом проводить ее. Вы играли очень важную, даже не можете представить, насколько значительную роль в ее и моей жизни».

То же самое я могу сказать и о них. Политическая дальновидность и ум государственного деятеля Эйнара, искреннее желание улучшить условия жизни народа, поставить человеческую личность в центр политики не могли не оказать на меня глубокого влияния. Большинство государственных деятелей, долго находящихся у власти, со временем, к сожалению, утрачивают способность слушать и слышать других. Эйнар Герхардсен был не из их числа. Его кредо состояло в том, чтобы попытаться понять других, вникнуть в ход их мыслей, даже если, как в случае со мной, это были доводы молодого, неопытного и даже, как писали тогда газеты, «опасного для Норвегии человека».

К вопросу об «опасности». В Норвегии и сейчас задаются вопросом не нанесли ли мои отношения с премьер-министром ущерба их стране но логично, на мой взгляд, задуматься и об «опасности», которой могла подвергаться другая сторона. Поясню на таком примере В первые послевоенные годы в нашей идеологии господствовала сталинская доктрина социал-демократии. Согласно ей, социал-демократы представляли собой наиболее реакционную силу, более опасную для рабочего класса, чем капитализм как система. Сталин объявил западноевропейских социал-демократов главными врагами социализма. Это идейное наследие оказывало влияние на советские партийные и властные структуры еще очень долго, много лет спустя после поворота к более примирительной политике. Моя же работа в Норвегии руководство политической разведкой во всей Европе, но главное — личное общение с Герхардсеном и его супругой заставили занять гораздо более лояльную позицию в отношении к европейской социал-демократии, чем было принято в Советском Союзе.

Как-то в 70-е годы председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов должен был выступать с большим докладом на одном из торжественных собраний. В соответствии с существовавшей тогда практикой различные подразделения заблаговременно получили проект доклада для замечаний и предложений.

Было известно, что Ю.В.Андропов проявлял огромный интерес к социал-демократическим партиям и их взглядам на решение общественных проблем. Проект доклада содержал довольно благожелательные характеристики западной социал-демократии, особенно в части внешней политики. Я предложил некоторые идеи и формулировки, которые шли еще дальше в этом направлении.

Мои предложения не прошли. Я оказался большим «социал-демократом», чем Андропов.

Политическое чутье и авторитет Герхардсена на Западе и Востоке сделали неоценимой его роль в «наведении мостов» и поиске компромиссов между великими державами в мире, который балансировал на грани третьей мировой войны. Это сегодня можно говорить, что такая угроза существенно уменьшилась. В прежние же времена это было не столь однозначно. Если мне своей политической работой удалось в какой-то степени способствовать улучшению информированности советского руководства о Западе и пониманию различных тенденций и подходов к решению важных международных проблем, то думаю, я выполнил свой долг не только перед Родиной, но и перед светлой памятью Эйнара и Верны Герхардсен.

Глава 6
Из дипломатии в разведку

После завершения первой командировки в Норвегию в 1958 году можно было ожидать продолжения работы в центральном аппарате МИД, естественно при условии положительной оценки результатов работы в посольстве. К счастью, именно так ее и оценили. Я приступил к работе в норвежской референтуре отдела Скандинавских стран МИД. Валентина, я и наш сын Александр, «задуманный» еще до отъезда в Норвегию, но родившийся в Осло, вернулись в Советский Союз с оптимистическим настроением. Чувствовалось, что климат в отношениях между Советским Союзом и Норвегией улучшается. Я горел желанием содействовать дальнейшему продвижению в этом направлении на порученном мне участке. Хрущевская оттепель, проявившаяся по отношению к Западу, пустила корни и в самом советском обществе. Сталинского министра иностранных дел Молотова, отличавшегося твердостью и непримиримостью, сменил на посту суховатый профессионал Андрей Андреевич Громыко. Правда, непродолжительное время министерство возглавлял А.Н.Шепилов. Для Молотова, кстати, запросили агреман для направления на должность посла в Норвегию. Норвежцы были удивлены, но назначение по каким-то причинам не состоялось. В норвежской референтуре работали всего два дипломата, но мы справлялись. Ничего сенсационного в двусторонних отношениях не происходило, а текущие дела были нам по плечу. Так называемая рутина иногда хороший признак. Значит, все идет нормально. Я ею не тяготился, напротив, находил интересной уже привычную работу по организации культурных обменов, личных контактов, которые постепенно расширялись. Возникавшие неприятности были связаны в основном не с Норвегией, а с ее союзниками. Тучей на относительно безоблачном небе всплыло дело о шпионском полете американского самолета-разведчика У-2, сбитого над Свердловском 1 мая 1960 г. Американцы не сразу узнали, что летчик Фрэнсис Гарри Пауэрс не только остался в живых, но и многое рассказал. Президент США Эйзенхауэр, не зная о судьбе летчика, решился на ложь. Он публично заявил, что сбитый самолет выполнял задачи метеорологической службы. С советской стороны, в свою очередь, были представлены фотографии, подтверждавшие разведывательный характер полета, а также доказательства того, что пунктом назначения У-2

являлся норвежский военный аэродром в Будё. Советский Союз потребовал от американцев безоговорочных извинений. США категорически отказались это сделать, и предстоящая встреча в верхах в Париже была торпедирована.

Мне поручили пригласить в МИД норвежского посла Оскара Гундерсена. Когда мы шли к кабинету министра иностранных дел, норвежец поинтересовался, не известна ли мне причина вызова. Я ответил, что речь пойдет о событиях последних дней. О том, что Пауэрс жив, я, естественно, умолчал.

А.А. Громыко был известен всем как чрезвычайно корректный и тактичный человек, однако на этот раз он выглядел очень мрачно. От имени советского правительства министр заявил протест норвежскому правительству в связи с тем, что оно вводит Советский Союз в заблуждение. Американский самолет-разведчик должен был приземлиться в Будё, а следовательно, норвежская территория используется в агрессивных целях.

Норвежский посол, имея какие-то инструкции или по собственной инициативе, ответил, что такое является совершенно немыслимым. Норвежское правительство никогда этого не допустило бы.

«Я не стану с вами больше говорить на эту тему, — сказал Громыко. — Сказанное мной является неопровержимым фактом. Доложите об этом своему правительству. Это все. Вас я слушать больше не желаю».

Для дипломатии вообще и для Громыко в особенности такой тон беседы был очень необычным. Как правило, даже при передаче резких нот протеста вежливость обязательна. Иногда посла даже сочувственно похлопывают по плечу. Но в данном случае этого не произошло. Слишком явным было нарушение со стороны Норвегии ее официального внешнеполитического курса.

Мы столкнулись с ситуацией, когда сами испытывали сомнения. Может быть, норвежцы не ведают, что происходит в их королевстве, то есть американцы обманывают их в основополагающих вопросах безопасности? Или же речь идет о сознательных действиях норвежского правительства, противоречащих официальной политике? Судя по всему, прерванный полет Пауэрса был не единичным эпизодом, а лишь звеном в серии разведывательных мероприятий американцев на протяжении длительного времени. Впоследствии я узнал, что Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР имел информацию о шпионской деятельности американцев в этом районе еще в 1958 году. На это было обращено внимание норвежского правительства. Как чуть позже рассказал мне норвежский посол, Герхардсен в беседе с Председателем

Верховного Совета СССР Лобановым признал, что определенные сведения о военно-разведывательной активности американцев Норвегия все же заблаговременно от них получала.

Некоторые из наших военных полагали, что Норвегия ведет нечестную игру и может пойти на размещение на своей территории ядерного оружия, несмотря на официальные заверения в противоположном. Я эту точку зрения не разделял и оспаривал, в частности, в беседах с советским военным атташе в Норвегии. Он считал, что я слишком доверчив. Со своей стороны, я подчеркивал, что норвежское общественное мнение отреагирует очень сильно, если норвежское правительство будет вводить его в заблуждение по столь важному вопросу национальной безопасности и внешней политики. Если тайный сговор или обман выявятся, то правительство незамедлительно будет отправлено в отставку. Для НРП это было бы колоссальным поражением, и она могла бы лишиться власти на много-много лет. Поэтому, по моему мнению, маловероятно, что Норвегия отойдет от своей особой политики, не допускающей размещение; атомного оружия и иностранных войск на своей территории в мирное время.

В конце 50-х годов у меня появилась возможность увидеть замечательные уголки своей собственной страны, в первую очередь Кавказ и Крым, куда несколько раз я ездил с норвежскими гостями. Весной 1958 года в Москву приехал мой старый знакомый Андреас Андерсен.

Андерсен, советник премьер-министра Герхардсена по делам национальной безопасности, прибыл вместе с супругой не по приглашению Хрущева, как утверждают сейчас некоторые норвежские средства массовой информации (это была фигура не того уровня), а по линии Советского комитета по культурным связям с зарубежными странами. И сопровождал его не «известный разведчик Виктор Грушко», а обычный дипломат, потому что в то время я еще не имел никакого отношения к советской разведке.

Любители скандалов в Норвегии настойчиво внушают мысль о том, что подобные поездки тщательно готовятся с целью оказания политического нажима на иностранцев или создания компрометирующих ситуаций. Это абсолютно неверно. Уже в то время иностранных политиков и деятелей культуры часто приглашали в гости, чтобы они смогли составить личное впечатление о стране, продолжавшей залечивать раны Великой Отечественной войны, поближе познакомиться с жизнью советских людей. Это было проявлением не каких-то зловещих планов, а, напротив, большей открытости и миролюбия. Чтобы

подтвердить это, расскажу подробнее о поездке Андерсена и его жены.

В программе поездки, разумеется, значилась Москва, но помимо нее наиболее запоминающимися были Сочи, где граждане из самых различных уголков Советского Союза могли провести отпуск на море, и Тбилиси, столица Грузии. Андерсены смогли убедиться, насколько дешево стоило курортное лечение для обыкновенных советских людей в знаменитой Мацесте. В Грузии норвежцев встретили Кавказские горы, необъятные виноградники и ни с чем не сравнимое грузинское гостеприимство.

Когда я стал объяснять хозяевам место советника премьер-министра по международным вопросам в норвежском административном аппарате, они не захотели вникать во все тонкости должностной иерархии, поставив Андерсена по каким-то своим критериям на второе место после премьер-министра.

Умный и любознательный Андерсен воспользовался пребыванием для выяснения массы вопросов, затрагивавших различные стороны жизни народа, и получил целый ряд документов, подтверждающих то, что ему рассказывалось и показывалось. Так, например, он получил подтверждение того, что часть общесоюзного национального дохода, направлявшаяся в республику, намного превышала вклад Грузии в экономику Советского Союза. Сегодня это не секрет для многих, но, к чести Андерсена, нужно сказать, что он еще тогда понял ложность тезиса об «ограблении» советских республик Центром. Напротив, именно в советские времена Грузия переживала свой наивысший расцвет.

Грузины не ограничились предоставлением сухих цифр и выкладок. Мы съездили в Цинандали, где делают знаменитое белое вино. Два норвежских гостя прибыли туда в сопровождении кортежа из десяти автомобилей. На меньшее хозяева не могли согласиться, когда речь шла о «человеке номер два» в Норвегии. Хозяйство в Цинандали было огромным, и после осмотра виноградников и винодельных мощностей Андерсен захотел убедиться, что не имеет дело с чем-то для показа иностранцам. Он выбрал наугад два дома и попросил разрешения заглянуть туда, чтобы увидеть, как живут простые люди. Велико было его удивление, когда он увидел добротную обстановку, дорогие ковры на стенах и полу, но особое удивление вызвали запасы хозяев в погребах. «Здесь примерно две тонны белого вина, — сказал грузин. — Надо всегда иметь запас для гостей, свадеб и долгих зимних вечеров».

Вечером того же дня за праздничным столом под открытым небом оживленно и весело грузинские виноделы принимали чету Андерсен. Длинные и цветистые грузинские тосты — кошмар для любого переводчика. Когда один из хозяев в разгар застолья встал и произнес тост в честь Сталина, норвежец был крайне удивлен. Со времени XX съезда КПСС прошло два года, и странно было слышать предложение выпить «за великого сына грузинского и русского народов, который построил лучшее в мире государство и навечно останется в памяти людской». Но Андерсен не показал своего удивления, лишь обратил на меня вопрошающий взор. «У нас свобода мнений», — подмигнув, сказал я ему.

В Тбилиси в те годы выступал замечательный танцовщик Вахтанг Чабукиани. Нам достали билеты на балет «Отелло» с его участием. Андерсен, в отличие от меня, балетом не «болел», но не пожалел об увиденном. Чабукиани был, на мой взгляд, великим артистом, калибром не ниже Рудольфа Нуриева, но менее известным за рубежом, поскольку и выезжали в то время редко, и кинозаписи делали не так часто, как во времена Нуриева. Встретившись после спектакля с Вахтангом в кабинете директора, Андерсен не смог сдержать своего восторга. Грузинский танцовщик держался очень скромно, говорил с достоинством и юмором. Он рассказал, что не всегда успех зависит от него, например ему трудно было танцевать со знаменитой английской балериной Маргот Фонтен. «Я люблю танцевать с миниатюрными, подвижными и легкими как пушинка партнершами, — сказал он. — И вынужден признаться, что, танцуя с ней, думаю только о том, как бы не уронить ее на пол».

Для меня поездка с Андерсеном была приятным напоминанием о Норвегии и близким знакомством с жизнью собственного народа. Обозначилось улучшение материального благосостояния людей. Нехватка товаров народного потребления, которая стала острой позже, в то время еще была не столь заметной. В некоторых отраслях, напротив, были даже проблемы с перепроизводством, например сливочного масла. Быстрыми темпами шло жилищное строительство. Пусть качество «хрущевок» было не очень высоким, но многие семьи впервые смогли получить отдельные квартиры с удобствами.

Иными словами, это было время, когда советские люди смотрели в будущее с оптимизмом и уверенностью. Не все, разумеется, было прекрасно и радовало, но сравнение с прошлым обнадеживало. Борьба с политическим инакомыслием, которая якобы имела в конце 50 — начале 60-х годов гигантские масштабы, на деле вылилась в несколько судебных процессов над диссидентами. Может быть, эта проблема была бы меньшей, если

бы размежевание со сталинизмом в 1956 году не повлекло за собой непредвиденные последствия. У многих горькая правда о том, во что они безоговорочно верили, развенчание обожествленного Сталина, с именем которого шли в бой в годы войны, вызвали шок и разочарование. Если все, что было до 1956 года, оказалось не таким безоговорочно правильным и законным, то где гарантия, что новые руководители страны будут действовать безошибочно? Такая утрата веры в руководство страны и скептицизм стали для некоторых наших соотечественников жизненным кредо и основанием для отвержения абсолютно всего в советском обществе, вплоть до эмиграции, и борьбы против него. Теперь, после разрушения Советского Союза, некоторые диссиденты, не ладившие с властями, выражают сожаление по поводу своих прежних действий. Если бы мы знали, к чему придем, от наших выступлений и деятельности нужно было бы отказаться, считают они. Другая часть общества и членов партии не поддерживала осуждение Сталина, по-прежнему видя в нем лидера, создавшего и защитившего великое социалистическое государство.

Для лучшего понимания того, насколько сложно найти историческую правду, стоит сослаться на Уинстона Черчилля, который уже после разоблачения культа личности заявил в палате лордов в 1959 году (в день 80-летия Сталина), что тот «был гениальным полководцем, обладавшим необыкновенной энергией, знаниями и несгибаемой волей. Он был жестким и беспощадным в словах и делах. Даже мне при всем опыте работы с английским парламентом трудно было возражать ему. Он был уникальным государственным деятелем… в силу своего глубокого, логичного и продуманного понимания истории, хозяином положения в критические моменты жизни своей страны, который никогда не предавался иллюзиям. Даже нас, которых он открыто называл империалистами, Сталин побудил к совместной борьбе с империалистами. Он принял Россию в разрухе, а оставил после себя страну, обладающую атомным оружием». Речь Черчилля широко освещалась средствами массовой информации на Западе. В Советском Союзе тогда она не была опубликована.

Думаю, что для цельного понимания настроений в обществе после XX съезда КПСС нужно учитывать всю сложность оценки роли Сталина в истории, которая до сих пор будоражит наше общество.

В конце лета 1959 года ко мне на работу в МИД позвонил человек, которого я раньше не знал. Он представился полковником КГБ и сказал, что хотел бы со мной поговорить. Стояла великолепная погода, и мы решили пройтись по парку.

Полковник был хорошо информирован обо мне и без всякого предисловия предложил подумать о переходе на службу в политическую разведку.

Для меня это было полной неожиданностью. До этого с КГБ как ведомством у меня не было никаких контактов, и о разведке я имел весьма смутное представление. С другой стороны, предложение вызвало у меня любопытство. Я попросил неделю на обдумывание. На этом мы и остановились. Сотрудник КГБ дал понять, что о состоявшемся разговоре и предложении не следует никому говорить. Но своего непосредственного начальника, заведующего отделом Скандинавских стран МИД СССР Константина Константиновича Родионова, который, очевидно, уже был проинформирован, я не мог обойти.

«Я советовал бы вам согласиться и с удовольствием рекомендую вас, — сказал он. — Полагаю, что на этой службе вас ждет большое будущее». Вместе с тем Родионов подчеркнул, что выбор целиком и полностью остается за мной.

Выбор был непростым. Мне, по должности третьему секретарю министерства, было 29 лет. Работа складывалась у меня неплохо, и просматривалась перспектива продвижения по дипломатической линии. Мне приходилось заниматься различными делами: готовить записки и ноты, переводить и вести переговоры, поддерживать контакты с культурными и политическими учреждениями у нас в стране и за рубежом, участвовать в аналитической работе государственного уровня. Я работал уже довольно уверенно и чувствовал в себе силы и способности сделать больше. Зачем все бросать и начинать заново?

Вместе с тем работа во внешней разведке манила романтикой и престижем. В годы Отечественной войны вклад разведчиков в победу над фашизмом был окружен ореолом славы. Многие из них стали национальными героями. Они написали захватывающие мемуары. Появился ряд прекрасных кинофильмов, в которых прототипами героев-разведчиков являлись реальные люди. В МИД мне как-то попал в руки закрытый документ КГБ, затрагивавший проблему, которой занимались и мы. Нельзя было не обратить внимания на высокий уровень анализа, точность формулировок и профессионализм исполнителей. Короче, материал произвел на меня сильное впечатление.

В дипломатии есть черты, которые существенно отличают ее от разведки. Дипломат всегда является официальным лицом и представителем своей страны как дома, так и за рубежом. В МИД

существует негласный кодекс, протокольные формы общения, предписывающие, с кем встречаться и как себя вести. Нельзя свободно высказывать личную точку зрения, не совпадающую с официальной политической линией страны. Мне подумалось, что в разведывательной службе можно проявить большую самостоятельность и инициативу. Ведь задача разведки и состоит в том, чтобы устанавливать контакты и добывать нужные государству сведения, которые невозможно получить иным путем.

В разведку не просятся, туда отбирают. Для кандидата на службу в это подразделение КГБ это большая ответственность и огромная честь.

Я ответил согласием. Последовало соответствующее решение ЦК КПСС. Такова была практика.

Примерно через неделю меня вызвал К.К. Родионов и попросил подготовить проект записки в ЦК о перспективах создания безъядерной зоны на Севере Европы. Я напомнил ему, что уже начал готовить дела к сдаче и времени для выполнения новых поручений по сути не осталось.

«Действительно, это я как-то упустил, — говорит Родионов и задумывается. — Послушайте, а что если вам задержаться здесь еще на годик?»

Ссылаюсь на то, что решение ЦК уже принято.

Но Родионов был не лыком шит и имел вес. Он, заведующий отделом, не являлся карьерным дипломатом, будучи по образованию морским офицером. Во время войны, неплохо разбираясь в вопросах морского права, выезжал в составе советской делегации на переговоры о создании ООН. Однажды, перед поездкой Родионова на очередной раунд переговоров в качестве руководителя делегации, Сталин узнал, что он всего лишь капитан первого ранга.

«Кто возглавляет американскую делегацию?» — поинтересовался Сталин. Ему ответили: контр-адмирал. Сталин посчитал, что уровень нашего представителя должен быть не ниже, и удивленный Родионов сразу по прибытии в посольство в Вашингтоне узнал, что ему присвоено адмиральское звание. Впоследствии он стал послом в Швеции. С 1956 года заведовал отделом МИД и сохранил влиятельные связи.

Не знаю, как Родионову это удалось, но мой переход в разведку был отсрочен на год. Поэтому вместо начала службы в разведке я вернулся к нотам и заявлениям. Много внимания было уделено с моей стороны и подготовке мероприятий в связи с 15-летием освобождения советскими войсками Северной Норвегии (Финнмарк). Это поручение было приятным.

Осенью 1944 года Красная Армия вступила в Норвегию в районе города Киркенес, прорвала оборону немцев и двинулась дальше, на юг. После тяжелых боев бегство фашистов было настолько стремительным, что наши едва успевали догонять их. Если бы Советский Союз захотел, наши солдаты могли бы пройти всю Норвегию. Но этого не случилось. По просьбе самих норвежцев наши войска некоторое время оставались в Финнмарке для оказания помощи местному населению в организации снабжения и восстановительных работ, а затем были полностью выведены.

Одной из причин быстрого вывода войск, очевидно, являлись договоренности, достигнутые «большой тройкой» — Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем — на Тегеранской конференции в конце ноября 1943 года и на последующих встречах. Можно предположить; что лидеры не только координировали свои действия в борьбе с фашизмом, но и думали о сферах своих интересов в послевоенное время. Я рылся во всевозможных документах, но не нашел ничего — ни в тегеранских протоколах, ни в других материалах, — что могло бы свидетельствовать о каких-либо договоренностях в отношении Норвегии. Тем не менее было понятно, что Норвегия останется вне сферы советских интересов.

Если отвлечься от международных переговоров, то, как я уже писал выше, неоспоримым историческим фактом является то, что русский солдат никогда не был в Норвегии иначе как освободитель. Наверное, именно поэтому главнокомандующий советскими освободительными силами генерал Щербаков стоял рядом с королем Норвегии на всех праздничных мероприятиях в Осло 7 июня 1945 г.

На юбилейные мероприятия в октябре 1959 года норвежцы пригласили советскую делегацию в Финнмарк, и мне было поручено подготовить ее состав и организовать поездку вместе с Союзом советских обществ дружбы (ССОД), Министерством обороны и руководством Мурманской области, которое возглавлял В.Коновалов.

ССОД пригласил в состав делегации поэта Евгения Долматовского. Министерство обороны было представлено генерал-лейтенантом Константином Грушевым. Он стал генералом еще во время войны, принимал непосредственное участие в освобождении Киркенеса. Грушевой был очень приятным человеком. Он знал Л.И.Брежнева по Днепропетровску и был одним из ближайших его друзей. Я представлял Министерство иностранных дел.

В Северной Норвегии нас принимали великолепно. Но, как всегда, не обошлось и без досадных оплошностей. Коновалов был очень доволен, что накануне поездки купил для торжеств черные лакированные ботинки. Поскольку разносить их он не успел, ботинки страшно жали. Пришлось прийти на помощь и раздобыть для мурманского начальника пару скромных калош. В них он и выступал на званых банкетах. Встретившись спустя много лет, К.С.Грушевой, Е.Долматовский и я вспоминали этот случай и смеялись.

На Севере Норвегии я был не впервые и теперь еще раз смог убедиться в том, что северяне относятся к русским в целом более открыто и благожелательно, чем, скажем, жители Осло. А Коновалову так понравился оказанный советской делегации прием, что он попросил меня подготовить обстоятельный доклад для ЦК партии, что и было сделано.

Но вернемся в Москву. Год спустя после прогулки по парку с полковником из КГБ все же состоялось мое зачисление в органы госбезопасности. Мне присвоили звание младшего лейтенанта. На практике это означало, что вновь придется учиться.

Институт по подготовке кадров разведки назывался «школой № 101», которая находилась в большом закрытом районе под Москвой. Впоследствии, после смерти в 1984 году Генерального секретаря ЦК КПСС, бывшего председателя КГБ Юрия Андропова, институту было присвоено его имя. В «школу № 101» в качестве слушателя я прибыл в конце лета 1960 года. Мы жили там же в комнатах по 3–4 человека. Молодые офицеры пришли в разведку различными путями. Некоторые, как и я, — из Министерства иностранных дел, другие — из внутренних органов, третьи — с партийной работы. Последние, как правило, были постарше, слабо владели иностранными языками, им требовалось дополнительное время для подготовки, чтобы стать международниками. Вместо одного года они, как правило, учились в течение двух-трех лет. Владея немецким и норвежским языками, я воспользовался учебой, чтобы освоить в какой-то степени английский.

В институте мне сразу понравилось. Его окружал прекрасный лес с чистейшим воздухом. Поэтому мы не все время проводили за чтением секретных учебников по специальным дисциплинам и закрытых воспоминаний разведчиков, а брали лыжи или пешком бродили по лесу. Преподавателями были в основном офицеры с 10— 15-летним опытом практической работы, в том числе и за рубежом. Отношения между слушателями были товарищескими. Поскольку мы находились на казарменном режиме (с

увольнительными по воскресеньям), у нас было достаточно времени для разговоров о жизни, о своем прошлом и будущем. Вечерние беседы позволяли много узнать друг о друге и о будущей профессии и сблизиться. Складывалась своего рода команда единомышленников.

Центральное место в учебе занимали специальные дисциплины. Их было много, и они охватывали приемы и навыки, необходимые в разведывательных органах любой страны. Для меня все было необычным и захватывающим. Требовалось освоить оперативную работу как можно лучше, ведь от этого зависело твое и не только твое будущее. Любая ошибка разведчика кроме собственного провала и завершения карьеры угрожает благополучию, а то и жизни других людей.

Мы должны были научиться разведывательному ремеслу: уметь противодействовать прослушиванию, микрофотографировать, размещать обычный печатный лист в точке величиной с булавочную головку, прятать микроточку, скажем, в визитной карточке, а затем увеличивать текст до нормальных размеров. И так далее, и тому подобное.

Технические средства были совершенными, и следовало овладеть ими. Но еще более важным, определяющим было освоение навыков работы с людьми, проигрывание различных ситуаций, умение достигать психологического превосходства над собеседником. Без подобных знаний невозможно успешно работать «в поле». На специальном языке это искусство называется «оперативной разработкой объекта». Оно состоит из массы деталей: каким образом подготовить установление первичного контакта, как изучить то или иное лицо еще до знакомства с ним, выяснить его разведывательные возможности, как определить пригодность иностранца к возможному сотрудничеству в будущем в качестве агента или найти ему иное оперативное применение, чем заинтересовать, как проверить его добросовестность. И все эти детали без исключения имеют огромное значение. Не хватает одного компонента — и в лучшем случае все усилия по разработке пойдут насмарку, а в худшем — нанесут вред.

Или: как поддерживать контакт с тем или иным источником информации? Для всех разведок мира именно связь является наиболее уязвимым звеном. Все наиболее громкие провалы объясняются или предательством, или осечками в поддержании конспиративной связи, например при передаче секретных документов. Поэтому формы и методы получения интересующих разведку сведений не являются универсальными, они определяются применительно к каждому конкретному случаю и

тщательно отрабатываются. С кем-то допустимо и удобно работать путем организации бесед, а с кем-то безопаснее моментальные встречи. С наиболее ценной агентурой лучше всего контактировать через тайники или по радио.

Но никакая изобретательность в поддержании связи не поможет, если оперативный контакт попадет в поле зрения контрразведки. В этом случае вся ее мощь обращается против разведчика и его источника. А это катастрофа. Поэтому в «школе № 101» не жалели времени на практические занятия по выявлению наружного наблюдения в обстановке, приближенной к боевой. Мы оттачивали свои навыки, контрразведчики — свои. Со временем выявление слежки стало для меня чуть ли не инстинктом. Еще не видя ее, ты ее уже чувствуешь.

Наконец, офицеров учили обработке, анализу и оформлению документальной или собранной из различных источников разведывательной информации.

На экзаменах мы должны были на практике продемонстрировать все, что освоили, причем преподаватели насколько возможно усложняли задачу, привнося в нее по ходу дела новые, неожиданные элементы. Свои задания я выполнил успешно и окончил разведывательную школу с отличием.

Летом 1961 года началась моя работа непосредственно в разведке. Первое главное управление КГБ СССР (разведка) размещалось тогда в основном здании на площади Дзержинского. С этого времени ПГУ станет моим вторым домом. Я был распределен на работу в Третий отдел, занимавшийся Великобританией, Ирландией, Австралией, Новой Зеландией, Мальтой и Скандинавскими странами.

Когда я впервые поднялся на девятый этаж здания на площади Дзержинского, памятника «железному Феликсу» на ней еще не было. По возвращении из второй загранкомандировки в 1972 году я увидел монумент. В это время разведка переместилась в Ясенево. А завершалась моя карьера в КГБ в августе 1991 года, когда памятник был снесен.

В 1961 году в советской внешней разведке чувствовались ветры перемен.

Это подразделение КГБ не принимало участия в сталинских репрессиях. Наоборот, оно само понесло тяжелейшие потери из-за бесконечных чисток. После 1937 года многие сотрудники центрального аппарата и резидентур были физически уничтожены. Офицеры разведки отзывались в Москву, на основе доносов арестовывались и; расстреливались. Сейчас мы знаем, что практически весь цвет разведки, ее гордость, те, кто добывал ценнейшие сведения о подготовке Германии к войне против

Советского Союза, поплатились жизнью за» свой подвиг. Была разрушена создававшаяся годами оперативная сеть. Были утрачены многие источники, работавшие на советскую разведку в силу идейных убеждений. Из-за этого Советский Союз вступил в войну ослабленным, что, в свою очередь, стоило многих людских потерь. Подчеркиваю, что сталинским репрессиям подверглись лучшие из лучших, в том числе и в органах госбезопасности, которые использовались в качестве орудия репрессий. И это нужно помнить, если непредвзято оценивать роль служб безопасности в истории Советского Союза.

Очередная волна чисток в КГБ последовала в 50-е годы, уже при Хрущеве. Органы госбезопасности освобождались от людей, запятнавших себя участием в сталинских репрессиях. Некоторые из совершивших преступления были отданы под суд, другие понесли моральную ответственность и были уволены. Речь, таким образом, шла в основном о сотрудниках старшего поколения, работавших в подразделениях, занимавшихся внутренними делами. Каких-либо «громких дел» по разведке не было, но, когда я туда пришел, у меня сложилось впечатление, что кадровый состав ПГУ был относительно молод.

Наши старшие коллеги, за редким исключением, оказались в разведке в годы войны, пройдя школу партизанского движения. Во всяком случае, в нашем отделе было мало ветеранов, которые бы принимали участие в создании закордонной агентурной сети до войны. Выяснилось, что в подразделении не было ни одного специалиста по Норвегии. Может быть, поэтому новые коллеги отнеслись ко мне с известной долей уважения. Все-таки я прожил там несколько лет и имел опыт работы и знания об этой стране и народе.

Первый год я должен был проработать в Центре, но было ясно, что основным пунктом назначения и на этот раз — но в другой роли — станет Норвегия.

Любой офицер для работы за рубежом должен иметь убедительную «легенду». Под каким прикрытием он будет работать? Какова его легальная профессия? Станет ли он работником торгпредства, журналистом или иным специалистом? Где он получил образование и откуда родом? Где работал раньше? Как получилось, что именно ему доверили работать в данной стране?

Все это приходится тщательно отрабатывать, так как иностранные спецслужбы стремятся перепроверить максимум сведений о каждом советском человеке, оказавшемся за границей. Промашки в подготовке «легенды» и освоении обязанностей по прикрытию незамедлительно привлекают к себе повышенное

внимание контрразведки, что с самого начала затрудняет оперативную работу и осложняет жизнь.

В моем случае «легенда» напрашивалась сама собой. Я работал в Норвегии на дипломатической должности, должен и дальше следовать по этому пути. Было бы нелогично и странно выдавать себя, скажем, за журналиста.

Мне ничего не нужно было выдумывать: ни где родился, ни где вырос, ни где учился. Поскольку я не сочинял, такая история могла проверяться и перепроверяться кем угодно и сколько угодно. Официально я продолжал оставаться сотрудником МИД СССР вплоть до ухода из разведки.

Было, правда, одно исключение — год, проведенный в разведывательной школе. Вот его следовало прикрыть, потому что в это время я в МИД, естественно, не появлялся, что не могло остаться незамеченным. Было решено «легендировать» этот период занятиями в Высшей дипломатической школе (сегодня это Дипломатическая академия). В ней в течение трех лет получали дополнительное образование в основном люди других профессий, которые рекомендовались на дипломатическую службу. В то же время в ВДШ были девятимесячные курсы для сотрудников МИД, своего рода курсы повышения квалификации. Вот этими курсами я и подменил свою учебу в «школе № 101». Нельзя сказать, что «легенда» была железной (а какая может быть таковой?), но достаточно надежной.

Одним из этапов учебы в ВДШ обычно является направление слушателей на стажировку в страны, где им предстоит работать. Для подкрепления «легенды» было решено направить меня на двухмесячную стажировку по линии ВДШ в Норвегию накануне нового, 1962 года.

Я не имел ничего против. Поездка оказалась несложной и приятной. Прежде всего я восстановил все свои прежние личные контакты, в том числе с Герхардсеном. Сразу по прибытии я позвонил Берне и был приглашен на обед. Это наверняка зафиксировала норвежская контрразведка.

Но и в Первом главке этот контакт заметили. Если раньше мои личные связи не привлекали к себе особого внимания ни в МИД, ни в КГБ СССР, то теперь ситуация изменилась. Будучи обязан докладывать в Центр о каждом таком шаге, я направил телеграмму о встрече с Герхардсеном. Один из руководителей ПГУ, не зная моего разведывательного псевдонима, начертал на телеграмме: «Кто это?». Очевидно, не каждый день в Центр приходили сведения о том, что оперработник, только что прибывший в страну в качестве стажера, нанес частный визит премьер-министру и отобедал у него.

Глава 7
В двойной роли

В 1962 году начался десятилетний период, когда я оказался тесно связанным с Норвегией особым образом. Внешне было мало изменений, существенно отличавших прежнего атташе советского посольства по вопросам культуры от вновь прибывшего второго секретаря посольства. Мне уже исполнилось 32 года, и присвоенный дипломатический ранг для этого возраста был вполне обычным. К тому же я имел определенный опыт работы в посольстве и центральном аппарате МИД.

С другой стороны, отныне это было лишь «легендой». Подлинная моя работа являлась противозаконной с точки зрения страны пребывания и заключалась в добывании всеми имеющимися способами иностранных государственных секретов для Советского Союза.

Работа под дипломатическим «прикрытием» имеет свои плюсы и минусы. Сотрудники посольств, как правило, более тщательно «опекаются» местными спецслужбами. С другой стороны, дипломаты пользуются иммунитетом и не могут быть осуждены за нарушение законов страны пребывания. Они могут быть высланы за несовместимую с их статусом деятельность и занесены в «черные списки» лиц, которым запрещен въезд в страну.

Профессия разведчика — одна из старейших в истории. Если бы все, что говорится и пишется государственными деятелями публично, соответствовало действительности, тогда, возможно, необходимости в разведке не существовало бы. Но реальность далеко не такова. Все правительства хотят знать скрытые пружины в процессе принятия решений руководством других стран, поэтому вынуждены проверять искренность официальных заявлений, выявлять недружественные планы. Кроме того, разведывательные каналы используются всеми странами для оказания влияния, выгодного для себя, на другие государства. Неосведомленность в планах и намерениях стран-оппонентов может иметь катастрофические последствия для других государств, особенно великих держав. Приведу пример. В 40-е годы США были единственным в мире обладателем ядерного оружия, и президент Трумэн мог чувствовать себя спокойно, рассчитывая на полное превосходство своей страны, по крайней мере на протяжении 20 лет. Но когда известный физик-ядерщик

Клаус Фукс и другие западные ученые смогли при помощи советской разведки снабдить наших ученых определенной информацией, позволившей ускорить отечественные разработки, и в 1947 году в СССР была создана атомная бомба, картина мира резко изменилась. Служба внешней разведки СССР сыграла роль, которую трудно переоценить не только в нашей стране, но и в других государствах, стремящихся сохранить максимальную независимость от США. Никто сегодня не может сказать, каким соблазнам могли подвергнуться американцы, сохраняя монополию на ядерное оружие. Да и в наше время ядерное оружие России — это единственное, что заставляет задуматься американских политиков, усиленно продвигающих НАТО на Восток. Выдающиеся западные физики, оказавшие содействие Советскому Союзу в создании паритета, предвидели такую опасность. Лучше, чем кто-либо, они понимали, какой монстр порожден в США с их участием. Исходя из того, что гарантией неприменения атомного оружия может стать только такое положение, при кагором ни одна из сторон не решится на удар, опасаясь массированного возмездия, западные ученые оказали содействие в передаче нам ряда технологий. Они действовали исключительно из идейных соображений, о деньгах речи вообще не шло. Одна из наиболее значительных операций разведки не стоила Советскому Союзу никаких финансовых расходов.

Сферой моей ответственности в резидентуре в Осло была политическая разведка. Что такое «политика» в понимании Первого главного управления? Помимо «чисто» политических вопросов она на практике охватывает весь комплекс общественных тенденций и явлений, влияющих на поведение руководства страны. Социальный климат, гуманитарные проблемы, военные амбиции, мероприятия в сфере национальной безопасности — все, что определяет положение в государстве и его отношения с другими нациями. Внешняя разведка включает и другие направления работы — от добывания научно-технической информации до обеспечения собственной безопасности. Но, будучи относительно самостоятельными, эти виды деятельности создавали необходимые предпосылки для политической разведки и дополняли ее, потому что разработка и создание новых видов вооружений, особенно ядерных, направленность и активность работы иностранных спецслужб против нашей страны — это практическое выражение внешней политики государства.

В Норвегии разведывательная работа КГБ была направлена главным образом на то, чтобы противостоять усилению влияния США и НАТО в этой стране и выявлять конкретные планы норвежских союзников, которые имели антисоветскую подоплеку.

Кроме того, мы должны были предоставлять руководству нашей страны надежную информацию о намерениях Скандинавских стран по отношению к Советскому Союзу. В качестве важнейшей задачи ставилось проникновение в главный объект НАТО на Севере Европы в Колсосе (под Осло) для получения сведений о его активности и инструкциях, получаемых из штаб-квартиры блока, размещенной сначала в Париже, а затем в Брюсселе. В списке приоритетов нашей разведработы стояли американское посольство в Норвегии и норвежские государственные органы, осуществлявшие сотрудничество и контакты с Североатлантическим блоком. Следует сказать, что в некоторые периоды наши усилия приносили весомые результаты.

Естественно, большой интерес представлял МИД Норвегии, особенно его управление по делам НАТО. Там находились тысячи документов, с которыми нам хотелось бы познакомиться. То же самое относилось и к норвежскому Министерству обороны, через которое осуществлялось планирование действий Норвегии и союзников по НАТО в военное время.

Помимо контроля и проверки соответствия подлинных намерений Норвегии ее официальным заявлениям в отношении Советского Союза нас интересовала еще одна проблема «местного значения». Речь идет о вступлении (а точнее — невступлении) Норвегии в Европейское экономическое сообщество. Внутренние разногласия по данному вопросу, сомнения и возражения, высказывавшиеся правительством страны на переговорах с ведущими западноевропейскими странами, безусловно, оказывали сильнейшее воздействие на своеобразие международной ориентации страны.

В Советском Союзе, к сожалению, с большим опозданием поняли, что процессы политической и экономической интеграции в Европе носили объективный и безальтернативный характер и что к ним нужно относиться разумно. Наиболее трезвомыслящие руководители нашей страны считали, что Советскому Союзу следует как можно раньше заключить торгово-экономические соглашения и установить деловое сотрудничество с отдельными странами Западной Европы еще до того, как интеграция в рамках ЕЭС зайдет слишком далеко. Через двустороннее взаимодействие и сотрудничество можно было бы усилить позиции СССР в Европе, влияние на ЕЭС. Но случилось так, что этот поезд от нас ушел, а если мы и успели на него, то вскочили лишь на ступеньку последнего вагона.

В пропагандистских заявлениях советское руководство выступало против создания и укрепления ЕЭС, объясняя это тем,

что объединенная Европа окажется «в кармане» у американцев, раскрывших над континентом «ядерный зонтик». Согласно таким оценкам, положение Советского Союза должно было измениться к худшему, так как ему предстояло противостоять опасному и сплоченному блоку НАТО с ЕЭС в качестве экономической опоры.

Только позже стало очевидно, что сильная, объединенная Европа может стать противовесом США, что было в интересах Советского Союза.

Независимо от того, существовала альтернатива европейскому единству или нет, можно было предположить, что это будет долговременный процесс, в котором различные государства, общественные слои и регионы будут остро соперничать между собой за наиболее выгодные для себя условия интеграции. Что-то вроде этого должно было произойти и в Норвегии, которая при рассмотрении вопроса о вступлении в ЕЭС взвешивала предстоявшие уступки в сфере национальных интересов с риском остаться на европейской обочине.

Я знал, насколько сильны стремление к самостоятельности и национальное самосознание у жителей Норвегии, которая обрела независимость только в 1905 году. Мне неоднократно доводилось видеть, с каким чувством собственного достоинства и патриотизма норвежцы празднуют 17 мая день своей конституции. Но известно также, насколько глубоко в социал-демократическом движении пустили корни интернациональные традиции. В беседах со мной Герхардсен подчеркивал, например, что членства в ЕЭС Норвегии не избежать. Это единственный путь обеспечения промышленного и экономического прогресса страны. Поэтому главная задача, отмечал он, состоит в сплочении в рамках Сообщества прогрессивных сил. Под ними он имел в виду прежде всего рабочее движение как глобальный фактор, не отделяя Октябрьскую революцию в России от социал-демократии в Скандинавии.

С другой стороны, можно было понять и противников вступления страны в ЕЭС. Они боялись, что крупный европейский капитал устремится в Норвегию и, беспрепятственно лишив ее самых красивых уголков побережья, возьмет под контроль чистейшие лососевые реки, быстро превратив страну в помойку. Хотя норвежцы всегда прекрасно принимали туристов со всего света, они никогда не испытывали особого желания передавать что-либо в чужие руки.

В противовес планам континентальной интеграции появилась идея скандинавского экономического сотрудничества — НОРДЭК, но Советский Союз не пришел в восторг и от нее, поскольку она

затрагивала особый статус Финляндии, на котором я остановлюсь позже.

Центр требовал от нас ответа на вопрос о будущих отношениях Норвегии с ЕЭС. Но сколько бы закрытых документов мои коллеги и я ни добыли, в них невозможно было найти однозначный ответ. Его попросту не существовало, и именно поэтому вопрос был вынесен на референдум в сентябре 1972 года.

Летом 1971 года, во время отпуска, меня пригласил на беседу первый заместитель начальника ПГУ В.А.Крючков. Предполагалось, что разговор продлится минут пятнадцать, но он затянулся на два часа. Говорили преимущественно о проблеме Норвегии и ЕЭС. Я рискнул высказать предположение, что очень незначительным большинством на референдуме будет принято решение об ассоциированном членстве в Общем рынке и что дальнейшее прояснение ситуации займет много лет. Время подтвердило этот прогноз.

В процессе дебатов о членстве в ЕЭС появилась так называемая Коммунистическая рабочая партия (марксистов-ленинцев), новая левацкая партия, объединившая ряд колоритных фигур норвежского промаоистского движения. С их стороны раздавалась, пожалуй, самая острая критика в адрес Советского Союза. Центр поручил нам присмотреться к этой партии. Мы подготовили несколько информационных сообщений, которые представляли некоторый интерес и для наших синологов, потому что там просматривался китайский след. Нам удалось убедить Центр в нецелесообразности уделять этому вопросу сколько-нибудь серьезное внимание, поскольку у маоистов не было никаких шансов стать массовым движением в Скандинавии.

Не представляла разведывательного интереса и Компартия Норвегии, но по совершенно другой причине. Разведка с определенного времени в соответствии со специальным решением ЦК КПСС строго руководствовалась принципом не вмешиваться в дела коммунистов, а лишь регистрировать наиболее интересные стороны их политики на основе официальных источников. В то же время Норвежская компартия и левые силы в целом находились под пристальным наблюдением наших оппонентов. Спецслужбы следили за каждым их шагом, прослушивали съезды, пленумы и совещания. Огромные деньги тратились на эту, в общем-то, бессмысленную работу. Мне запомнился такой эпизод. В 1967 году в Москве состоялось торжественное празднование 50-летия Октябрьской революции. На грандиозном банкете с участием представителей большинства компартий мира я оказался за одним столом с норвежским народным социалистом Финном Густавсеном. «Как ты думаешь, — наклоняется ко мне он, —

сколько здесь сегодня агентов ЦРУ?» «Не знаю, но думаю, что много», — ответил я. Густавсен кивает головой.

Выступая в двойной роли в Норвегии, я старался добросовестно играть каждую. Если бы я активно не работал по линии прикрытия и не выполнял дипломатических обязанностей, осложнилась бы и моя разведывательная деятельность. Норвежская контрразведка прекрасно знала, что руководство разведкой осуществляется из стен посольства, что костяк резидентуры находится здесь. Чего ей знать было не положено, так это кадровый состав резидентуры. Конечно, в отношении конкретных людей могли появляться предположения, а то и подозрения, но от них до доказательств еще далеко.

В противоположность тому, что утверждается в частых кампаниях шпиономании в Норвегии, наша работа велась без особого размаха, сообразно задачам. Резидентура была хронически недоукомплектована. Политической разведкой занимались 3–4 человека. Имелись офицер безопасности, оперативный водитель, шифровальщики, оперативно-технический сотрудник.

Таким составом мы не могли, конечно, достичь агентурного проникновения во все интересующие разведку объекты. Цель состояла в том, чтобы создать сеть агентуры и других информационных источников — небольшую, но эффективную и надежную. Достаточно было иметь лишь несколько человек, но в ключевых местах, с нужными связями и доступом к интересующим нас документам. Создать такую сеть и поддерживать ее работоспособность было непросто, поскольку норвежская контрразведка работала активно и изобретательно. Разведчику трудно «спрятаться» в маленьком советском коллективе и «раствориться» в относительно небольшой норвежской столице.

Но мы получали разведывательную информацию по различным каналам практически со всего мира. Нашими важнейшими контактами вовсе не обязательно были норвежцы. Резидентуры через Центр обменивались друг с другом оперативными сведениями, и при появлении в сфере нашего внимания интересного человека, с которым работали или которого изучали раньше в другой стране, контакт с ним не терялся.

Во время моей работы в Норвегии у нас было два контакта из числа американцев. Оба были так называемыми «доброжелателями», то есть лицами, предложившими нашей разведке свои услуги.

В работе с «доброжелателями» всегда сталкиваешься с

серьезной дилеммой. Если их желание сотрудничать является искренним, то такой шанс упускать нельзя. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов возможность внедрения спецслужбами противника «подставы». В этом случае готовься к провокации, высылкам и политическим скандалам.

При получении предложения о сотрудничестве мы обязаны были проверить все, что подлежало проверке. Во-первых, нужно было выяснить, служит ли в Колсосе вообще сотрудник с такой фамилией? В нашем случае это подтвердилось. Для проверки мы достали закрытые списки всех сотрудников штаб-квартиры НАТО и других учреждений США в Норвегии с указанием телефонов, домашних адресов и т. д. Но был ли наш «доброжелатель» тем, за кого себя выдавал? Помогла Москва, которая навела справки по сведениям, сообщенным американцем, — из какого он штата, где учился, на ком женат. Цель как будто бы достигнута: «доброжелатель» не блефует.

Тем не менее я и сегодня не могу с уверенностью сказать, были ли эти обратившиеся к нам американцы искренними людьми или «подставами». Подозрения мои основываются на том, что от этих контактов не поступала какая-либо значимая информация. Знаю только, что подобные ситуации всегда очень деликатны и сулят либо крупный успех, либо крупные неприятности. Известно также, что лучше всего в таких случаях полагаться на опыт и сведения внешней контрразведки. Нередко бывало так, что отношения с иностранцами по всем критериям развивались удачно, но вдруг следовал сигнал контрразведчиков: немедленно прекратить разработку или законсервировать агента. В таких случаях лишних вопросов не задают и затраченного труда не жалеют. Основополагающий принцип разведки — принцип «фрагментарности»: каждый сотрудник и руководитель любого уровня знает только то, что ему положено, и не задает лишних вопросов. Цель такой организации работы состоит в защите источников информации, предотвращении утечки сведений и ограничении ущерба в случае провала. Оппоненты, если они достигли успеха, должны открыть лишь кусочек мозаики, но не всю картину. Когда в последние годы средства массовой информации просили меня прокомментировать нашумевшие «дела», например Олдрича Эймса в США или Стига Берлинга в Швеции, мне нечего было сказать. И не только потому, что я не хотел, но и потому, что не знал, Хотя в разведке и контрразведке я занимал высокие должности. Имя Эймса я впервые узнал из газет. Ценные источники, как правило, тогда были известны лишь 3–4 должностным лицам во всей разведке. На мой взгляд, это — свидетельство высокого уровня конспирации и

профессионализма. Поэтому, когда бывшие советские офицеры, ставшие перебежчиками, направо и налево разбрасываются именами источников, действующих за пределами их участка работы, им не следует верить. Они блефуют, чтобы привлечь к себе внимание.

С провокаторами приходилось сталкиваться часто. Однажды я познакомился с норвежцем, который, будучи общественным деятелем среднего масштаба, проявлял необычайно большую осведомленность в политических вопросах. Во время наших встреч он анализировал события и делал оценки и прогнозы, которые казались мне очень любопытными, особенно по вопросам предвыборных кампаний, расстановки политических сил, проявляя недюжинную глубину суждений и блестящие знания. Норвежец не был активным членом какой-либо партии, но в годы войны принимал участие в антифашистском сопротивлении. И сегодня он не последняя величина на норвежском общественном поприще.

У меня начали складываться с этим деятелем хорошие личные отношения. Мы все чаще встречались с ним, и я подумывал о нем как о потенциальном объекте разработки. В то же время что-то подспудно вызывало тревогу. Его знания казались слишком точными для той работы, которой он занимался в одной из общественных организаций. Он неплохо ориентировался в американской внешней политике и деятельности ЦРУ и давал понять, что имеет доступ к секретам, которые могут меня заинтересовать. Что-то неестественное ощущалось во всей атмосфере наших отношений..

Однажды я решился на элементарную проверку: явился на заранее обусловленную встречу в кафе пораньше. По некоторым особенностям поведения я обнаружил там двух сотрудников контрразведки: одного — на улице, другого — в самом помещении. А я знал, что, когда шел на встречу, наружного наблюдения за мной не было. Следовательно, контрразведка откуда-то узнала о месте и времени нашей встречи. По телефону с норвежцем мы об этом не говорили. Значит, спецслужбы получили информацию от моего собеседника или через него. Оставалось догадываться, за кем они следят: за мной или норвежцем? Самым неумным было бы покинуть кафе. Это лишь позволило бы сотрудникам контрразведки понять, что я обнаружил их. После появления норвежца я подчеркнуто держался в разговоре с ним рамок своего официального дипломатического статуса в расчете на возможное подслушивание.

Контакт я не прервал, но линия поведения была уже совершенно ясна. Норвежец становился все более настойчивым, рассказывал о своих материальных затруднениях и прозрачно намекал, что не прочь получить финансовую помощь в обмен на информацию. Эти попытки я аккуратно, но твердо отклонял, ссылаясь на то, что являюсь законопослушным дипломатом. Впоследствии мы получили доказательства того, что норвежец если не с начала, то с какого-то момента действовал с ведома и по подсказке норвежских спецслужб.

Провокации могли принимать и более жесткие формы. Так, норвежская контрразведка заподозрила одного из советских дипломатов среднего ранга в шпионской деятельности. Он был довольно активен, но никакого отношения к разведке не имел. Спецслужбы решили устроить ему ловушку, чтобы оказать нажим и попытаться привлечь к негласному сотрудничеству или устроить скандал и выслать из страны. Этот способный молодой дипломат имел слабость садиться за руль автомобиля в нетрезвом состоянии, что не осталось незамеченным. Однажды поздно вечером в нетрезвом состоянии он должен был возвращаться из компании норвежцев. На одной из боковых улиц по обычному маршруту его движения контрразведчики выставили автомобиль, который должен был спровоцировать на перекрестке столкновение. К счастью, мы заранее получили информацию о готовящейся провокации, сопряженной с риском для жизни нашего гражданина, и в последний момент ее удалось предотвратить. Дипломат получил от посла соответствующее внушение без раскрытия подстерегавшей его опасности и в дальнейшем ошибок не повторял.

Естественно, наружное наблюдение проявляло интерес и ко мне. Для отвлечения внимания «наружки» и растаскивания ее сил и средств мы практиковали синхронные ложные выезды сотрудников посольства в город в нужное время. Оперработники с готовностью помогали друг другу. Я сам неоднократно уводил за собой основную массу автомашин контрразведки, чтобы позволить тому или иному своему подчиненному беспрепятственно выйти на важную операцию. Однажды я записался на курсы норвежского языка, активно посещаемые натовскими офицерами. Формальных оснований для отказа мне не было. Было занятно наблюдать, как несколько контрразведчиков контролируют мои языковые упражнения. Естественно, на этих курсах я не собирался никого вербовать. А впрочем, кто знает, где тебя подстерегает удача. Мало ли что могло произойти, если удалось бы встретиться с кем-либо из сокурсников в неофициальной обстановке. Интересно было

общаться с американцами, знакомиться с их стилем, манерой поведения. Мне даже было несколько жаль их, когда я узнал, что они обязаны докладывать своим офицерам безопасности о каждом шаге. Однажды я пригласил одного из них на кружку пива в город. Мы поехали на его машине в бар. Но беседы не получилось. Чувствовалось, он панически боялся, что сводка наружного наблюдения поступит его начальству раньше его собственного рапорта о встрече со мной и ему придется долго объясняться.

Чтобы ввести в заблуждение контрразведку, я старался в легальных контактах держаться безукоризненно.

Выезжая периодически в университет или его общежитие для встреч со студентами, я с большим удовольствием отмечал наличие за собой «хвоста». Значит, моим коллегам, проводящим в городе оперативные мероприятия, будет чуть-чуть полегче. Общение с перспективной молодежью не дает немедленных результатов, но и потерянным это время не назовешь. В будущем некоторые из них могли занять важные посты, стать полезными.

Работа разведчика «в поле» всегда сопряжена с нагрузкой на его семью. Спокойствия в личной жизни практически не было никогда. Например, однажды по обвинению в шпионаже был арестован молодой инженер советской компании «Конейсто» в городе Драммен Моисеев. Консул немедленно выехал в Драммен, а я, в свою очередь, предпринял первоочередные шаги по нашей линии с целью добиться его скорейшего освобождения. «Преступление» инженера, как выяснилось, состояло в том, что он познакомился с девушкой из Северной Норвегии, которая работала на военном объекте.

В тот же день в пригороде Осло проходили гастроли советского цирка, а я давно обещал жене и детям свозить их на представление. Когда мы вышли из квартиры, я обратил внимание на двух норвежцев, одетых в форму рабочих-ремонтников. По дороге за город за нами была слежка, причем контрразведчики необычно близко держались ко мне, в том числе и во время циркового шоу, как бы боясь случайно упустить. Вернувшись домой, мы обнаружили все так, как и оставили, — почти! Все вещи лежали приблизительно на своих местах, но кто-то их трогал. Ничего не пропало. Решил заявить об этом в полицию, которая, ссылаясь на отсутствие кражи, отказалась что-либо предпринять.

Было ясно: «ремонтники» забрались в квартиру в поисках материалов, которые могли бы скомпрометировать Моисеева, норвежку и меня. Естественно, ничего не нашли. Моисеева вскоре

удалось освободить. Оказалось, что не запрещено знакомиться с девушками из; Северной Норвегии, даже если они работают на военном объекте. Но из страны Моисеева выслали.

Негласные обыски, конечно, не были повседневными. А вот прослушивание осуществлялось непрерывно, и это в известной мере накладывало отпечаток на атмосферу в семье. Когда я в самое необычное время суток должен был выезжать на оперативные мероприятия, дети знали: папа на работе. Но Валентина знала, что, если я, положим, должен вернуться к полуночи, а не появляюсь до трех утра, следует звонить по таким-то телефонам. Речь ведь шла об опасной работе. Договаривались без слов, языком мимики и жестов, в ходе обычного повседневного разговора. Жены, конечно, беспокоились за мужей, особенно в тех случаях, когда те задерживались. Хлеб разведчика не сладок, и этот груз семья несет вместе с ним.

В моем норвежском «десятилетии» в июне 1966 года случился приятный перерыв. Я вернулся в Советский Союз и после отпуска, проведенного в Одессе и Таганроге, вновь сел за парту. На этот раз меня направили на курсы усовершенствования и подготовки руководящего состава Первого главка. По форме занятия напоминали программу «школы № 101», но проводились на более высоком уровне, для профессионалов. Офицеры с практическим опытом чувствовали себя более раскованно и материально были обеспечены лучше. Откровенно говоря, это было не только учебой, но и возможностью перевести дух.

Преподавателями были опытные разведчики, в том числе и те, которые помогали добывать для Советского Союза американские ядерные секреты после войны. Одним из них был Владимир Барковский, работавший в свое время в Англии и имевший непосредственное отношение к Киму Филби и другим участникам «великолепной пятерки». Нам было известно, что Барковский имеет большие заслуги в получении информации по атомному проекту «Манхэттен», но он никогда не хвастал этим. Такие скромно вершившие большие дела люди приходились по душе моему поколению.[2]

Наиболее интересным в учебе на курсах УСО было общение примерно с 20 коллегами, за плечами которых, несмотря на относительную молодость, уже был солидный опыт практической работы в самых различных уголках земного шара. Большинство из них стали моими друзьями на всю оставшуюся жизнь.

Окончив курсы и проведя остаток года на работе в Третьем отделе ПГУ, в январе 1968 года я вновь — теперь в последний раз — отправился в Норвегию. Выезжал я в звании капитана, но по линии прикрытия занимал должность первого секретаря

посольства, что было не совсем обычным. Как правило, на такие дипломатические должности назначались подполковники и полковники. Мне было поручено стать заместителем резидента по линии политической разведки.

Бочка меда редко бывает без ложки дегтя. После полуторагодичного безоблачного пребывания в Советском Союзе я вернулся в Норвегию в то время, когда в другой части Европы — Чехословакии уже зрели события, ставшие для всей социалистической системы серьезным испытанием. Весной 1968 года отношения между руководством Советского Союза и Чехословакии заметно осложнились. В то время как Брежнев и его окружение повернулись спиной к предлагавшимся Косыгиным реформам и все больше внимания уделяли сохранению своих кресел, правительство А. Дубчека в Чехословакии взяло курс на либерализацию экономики, расширение свобод, допущение плюрализма мнений и большей политической терпимости к оппонентам. Советское руководство опасалось, что такое развитие событий может привести к выходу Чехословакии из Варшавского договора. Через разведывательные каналы мы знали, что Запад предпринимал все возможное, чтобы повлиять на направленность реформ в Праге. Речь шла не о прямом вмешательстве, а о политической поддержке и материальной подпитке некоторых групп. Чехословакия не выходила у нас из головы. Трагическая развязка наступила 21 августа 1968 г., когда войска Советского Союза и других союзников по Варшавскому договору вошли в Чехословакию.

Как и во время венгерских событий 1956 года, я воспринял происшедшее с горечью. Участие ГДР в акции было встречено в Чехословакии особенно тяжело, поскольку психологически ассоциировалось с вторжением немецких войск в 1938 году. И все это было сделано, чтобы остановить реформы, целесообразность которых незадолго до этого рассматривалась в Советском Союзе.

Ввод советских войск произошел неожиданно. Сообщение о нем я получил лишь за несколько часов до начала операции и немедленно проинформировал посла. Независимо от чувств, которые нас переполняли, мы обязаны были отстаивать официальную точку зрения. Это было крайне трудно.

Вокруг посольства в Осло собирались огромные толпы норвежцев, протестовавших против ввода войск. Они пытались уничтожить или заблокировать служебные автомашины, размахивали плакатами, выкрикивали в адрес СССР и посольства угрозы и ругательства.

Оглядываясь назад, понимаешь, что ситуация в Чехословакии могла быть разрешена путем политических переговоров.

Принимая во внимание интересы различных сторон, можно было преодолеть кризис в социалистической системе. Возможно, это привело бы к либерализации политической жизни не только в Чехословакии, но и в других восточноевропейских странах. Каждая из стран, отнесясь к партнеру с доверием, могла бы решать конкретные проблемы с учетом собственных национальных и социальных предпосылок и особенностей. Если бы это произошло, Восточная Европа сегодня была бы иной.

В действительности случилось прямо противоположное. В соцстранах сразу возросло негативное отношение к Советскому Союзу. Социалистическая система подверглась широкому осуждению в мире. Отношения Восток—Запад обострились. Даже Компартия Норвегии расценила ввод войск как преступление Советского Союза против Чехословакии. Быть советским дипломатом в это время, прямо скажу, было нелегким делом.

Я опасался, что антисоветская кампания, развернувшаяся в Норвегии после этих событий, отрицательно скажется на моих личных отношениях с норвежцами. К счастью, этого не случилось. В норвежских средствах массовой информации после 1991 года обо мне пишется довольно много. Отмечается, что я «поддерживал обширные контакты». Это соответствует действительности. Я на самом деле старался не терять старых друзей и заводил новые знакомства как в политических и дипломатических кругах, так и за их пределами. Не будет преувеличением сказать, что именно связи были моей сильной стороной и в дипломатии, и в разведке. Особенно в последней: чем больше у разведчика связей, тем сложнее контрразведке уследить за ним, выявить подлинных партнеров по сотрудничеству.

Но главное состоит в том, что личные контакты просто незаменимы для понимания внутренней жизни в чужой стране. Документы, будь они секретные или нет, такого целостного знания не дают. Когда я общался с импульсивным председателем Социалистической народной партии Финном Густавсеном или более глубоким и рассудительным социалистом Кнутом Лефснесом, я был далек от идеи их вербовки или получения деликатной информации. А из бесед с хорошо информированными журналистами Херманом Педерсеном и Яном Отто Юхансеном больше всего пользы я вынес во время жарких споров. Надеюсь, что и они стали лучше понимать нашу страну.

Легче всего было находить точки соприкосновения и взаимопонимание с социал-демократами. Буржуазные политики контактов с советскими людьми откровенно побаивались.

Исключение составлял министр иностранных дел Йон Люнг, представлявший консервативную партию «Хейре». С ним было разговаривать проще, чем с его предшественником на посту министра социал-демократом Халвардом Ланге.

И все же, если рассматривать всю норвежскую политическую палитру 60-70-х годов, наиболее интересны в ней социал-демократия и ее лидеры, о чем будет рассказано в последующих главах. Символично, что последняя моя поездка с норвежской делегацией в Советский Союз накануне окончательного возвращения на Родину была связана с визитом министра транспорта Норвегии Рейульфа Стеена Я знал его раньше как одного из лидеров Норвежской рабочей партии, как депутата парламента, а теперь смог лишний раз убедиться в искренности его взглядов, остроте аналитического ума и желании самому разобраться в непростых вопросах.

Именно во время пребывания в Москве этой норвежской делегации меня вызвали в ПГУ и предложили занять должность заместителя начальника Третьего, англо-скандинавского отдела.

Позади были три длительные загранкомандировки в Норвегию, две из которых — по линии разведки. Местной контрразведке, в том числе ее шефу Асбьерну Брюну, я, думаю, изрядно надоел.

Еще в 1964 году в связи с визитом в Норвегию Хрущева я неоднократно виделся с ним. В целом он производил неплохое впечатление, казался корректным и сдержанным. Политические темы в моем присутствии никогда не затрагивал.

Одна из таких встреч представляла для меня определенную опасность Во время проведения первой беседы Хрущева с Герхардсеном в правительственной гостевой резиденции на полуострове Бюгдеи супруга премьера Верна, моя жена, Брюн и я сидели на свежем воздухе, ожидая завершения переговоров. Женщины разговаривали о своем а я вынужден был поддерживать разговор с Брюном.

Неожиданно он произнес: «Господин Грушко, мы хорошо осведомлены о вашей деятельности». Я не понял, к чему он клонит, и попросил пояснить. «Вы занимаетесь политическим ориентированием» — шеф контрразведки употребил необычное выражение. Ориентирование, а не разведка. Спасибо и на том. Я подтвердил, что действительно занимаюсь в посольстве политическими проблемами, и поспешил сменить тему. Если бы он прямо сказал, что я осуществляю политическую разведку, мне пришлось бы поставить об этом в известность Центр. А его реакция на сообщение о расшифровке могла быть какой угодно, в зависимости от обстоятельств.

Инцидент был исчерпан. Но в книге воспоминаний преемника Брюна на посту начальника контрразведки Гуннара Хорстада «В секретной службе», вышедшей в 1988 году, я прочел, что Координационный совет Норвегии по вопросам разведки и контрразведки рассматривал в тот период вопрос о моей высылке из страны из-за наличия обширных связей, особенно из-за контакта с Верной Герхардсен. Согласно Хорстаду, за мной было установлено усиленное, «насколько это было возможно», наблюдение, но достаточных оснований для высылки не оказалось.

Не только контрразведка задавалась вопросом об истинном роде моих занятий. Как-то мы сидели в ресторане с будущим министром иностранных дел Кнутом Фрюденлундом, которого я знал еще со времени его работы помощником министра. У меня на протяжении многих лет были с ним хорошие личные отношения.

«Скажите мне, — говорит Фрюденлунд. — У вас в посольстве два советника. Один из них — Смирнов, второй — вы. Один из вас должен быть резидентом КГБ. Вы — кто?» Я отшучиваюсь: «А кем бы вы хотели меня видеть?» «Вообще-то, мне интереснее беседовать с резидентом», — с улыбкой отвечает он.

Расставание с Норвегией было трогательным. Здесь было все: и радость, и невзгоды, и светлое, и мрачное. Я полюбил эту страну. Посол устроил прием по случаю завершения моей командировки. В тот же день правая газета «Моргенбладет» поместила статью с моим портретом и фотографией квартиры в Осло под заголовком: «Здесь живет резидент КГБ в Норвегии».

Думаю, что целью публикации было отпугнуть моих гостей. Но пришли все приглашенные, включая Эйнара Герхардсена.

Глава 8
Хрущев и Косыгин

За время работы в Норвегии мне довелось поближе узнать двух высших государственных деятелей Советского Союза, каждый из которых по-своему пробудил надежды на осуществление назревших реформ в экономике и сделал практические шаги в этом направлении. Н.С. Хрущев, который был Первым секретарем ЦК КПСС с 1953 года и главой правительства в 1958–1964 годах, посетил Норвегию с официальным визитом летом 1964 года, когда я был еще сравнительно молодым офицером разведки. А.Н.Косыгин, ставший Председателем Совета Министров СССР в 1964 году, нанес визит в Осло через 7 лет, когда я завершал третью командировку в эту страну в должности резидента.

Хрущев останется в истории как политик, резко отмежевавшийся от тоталитарного режима, насажденного в стране Сталиным. Он выступил за более открытое и демократичное общество, не прибегающее к чрезмерному принуждению и исключающее политические репрессии. В сфере внешней политики он стремился к снижению уровня противостояния с капиталистическими странами. Слово «оттепель», которое зачастую применяется как синоним начального периода его руководства страной, на мой взгляд, достаточно точно отражает истинное положение вещей. Оттепель, но не более.

Впервые я познакомился с Хрущевым во время поездки в Советский Союз председателя внешнеполитического комитета стортинга Финна Му весной 1958 года.

Депутат парламента, журналист и специалист-международник, Финн Му был знаком мне как человек, свободный от навязываемых буржуазной пропагандой стереотипов в представлениях о Советском Союзе. Он был неизменно вежлив и скромен, отличался непредвзятостью и производил благоприятное впечатление. В Норвегии его рассматривали как политика, сдержанно относящегося к чрезмерно тесному сотрудничеству с НАТО. Он был активным приверженцем политики Э. Герхардсена, направленной на неразмещение в мирное время на территории Норвегии ядерного оружия и иностранных войск и поддержание добрососедских отношений с СССР.

По прибытии Му в Москву мне поручили перевести беседу с ним главы советского правительства, которая должна была состояться в тот же день. Предстояло явиться в Кремль к четырем часам дня. Уже заказали пропуск. Поручение было несколько неожиданным, и я решил заехать домой, захватить свои заметки с некоторыми политическими и военными терминами на норвежском языке, предполагая, что тема разоружения будет центральной в беседе.

Когда я вышел из дому и направился к метро, меня остановили два человека. Они поинтересовались, не я ли Грушко. Получив утвердительный ответ, тут же усадили меня в автомобиль и на полной скорости помчались в Кремль. Выяснилось, что Хрущев решил встретиться с норвежским парламентарием на два часа раньше, и мы еле успели прибыть вовремя.

Беседа с Му началась в дружеском тоне и касалась в первые минуты общих тем. Но, когда разговор коснулся берлинского вопроса, разразился гром, хотя гость повода для такой реакции не давал. Дело в том, что накануне известные американские журналисты братья Олсоп выступили в прессе с комментариями, смысл которых сводился к необходимости прорыва блокады Западного Берлина при помощи танков. «Знаете, что они предлагают? — гневно сказал Хрущев. — Они, по сути, предлагают войну! Но мы ее не допустим. Я бы спустил с этих братьев штаны и высек ремнем по мягкому месту!» Му внимательно слушал Хрущева, лихорадочно делая какие-то пометки на пачке папирос «Казбек». Я дал ему чистый лист бумаги, но ему не хватило и его, потому что слова нашего премьера лились нескончаемым потоком. Переводить было чрезвычайно трудно, потому что Хрущев почти не делал пауз. Му отдавал себе отчет в том, что через него хотят довести советскую точку зрения по берлинскому конфликту до Запада. Норвежские каналы с подобной целью использовались не впервые, поэтому Му был взволнован и сосредоточен.

В ходе беседы Хрущев заметил: «Нам, кстати, очень не нравится то, чем занимаются американцы в Норвегии, в частности на норвежских аэродромах». Му сделал удивленное лицо, а присутствовавший на беседе посол Норвегии поинтересовался, откуда у советского премьера такие данные? Хрущев на секунду задумался и сказал, что такие сведения предоставлены ему военными советниками. Думаю, что на деле он располагал разведывательной информацией. В дальнейшем я не раз вспоминал эмоциональную беседу Хрущева, особенно в свете известного инцидента с У-2.

Хрущев, несомненно, знал о шпионских полетах и их маршрутах задолго до разразившегося скандала и давал норвежцам шанс еще раз подумать о практическом осуществлении своего внешнеполитического курса. Вполне могло быть, что норвежское правительство не знало о вовлечении аэродрома Будё в такого рода активность Соединенных Штатов. С советской точки зрения это было бы самым худшим. На то, что Норвегия не будет бросать вызов Советскому Союзу, мы рассчитывали. Но допущение, что она не могла контролировать деятельность союзников на своей территории, в корне меняло стратегическую картину и требовало коррективов в советских оборонных планах. Было очевидно, что ни Му, ни посол Норвегии не поняли, к чему клонил Хрущев, когда поднял вопрос о норвежских аэродромах.

Как потом оказалось, действительно норвежские военные аэродромы использовались американцами для разведывательных полетов над территорией СССР.

Признание в этом, как уже отмечалось ранее, сделал сам Э.Герхардсен, заверив Председателя Верховного Совета СССР Лобанова, что в дальнейшем это не повторится.

Характерен для Хрущева и эпизод, который произошел уже после уничтожения самолета У-2. На одном из приемов в Москве он подошел к норвежскому послу Гундерсену, который стоял в сторонке, положив руки в карманы. «Покажите, что у вас в кармане», — просит Хрущев. Посол достает носовой платок. «А в другом?» Посол извлекает связку ключей. «Все в порядке, — с наигранным облегчением вздыхает советский премьер, — я просто хотел убедиться, не скрываете ли вы от нас что-нибудь еще». В такой, характерной для Хрущева, манере внимание норвежцев еще раз было привлечено к грубому нарушению ими обязательств о недопущении иностранных сил на свою территорию в мирное время. Но Хрущев не останавливается на этом. Он отводит посла к стене и рисует на ней воображаемую карту: «Это — Советский Союз. А это — Норвегия. Вот тут — Будё. Если то, что произошло, повторится еще раз, Будё больше не будет».

Хрущев посчитал беседу с Му столь важной, что поручил мне подготовить записку о ее содержании для членов Президиума ЦК. «Она должна быть готова в понедельник, — сказал Хрущев, — ну, а сегодня пятница. Пора и на дачу». Поскольку работы предстояло много, а дачи у меня не было, как, впрочем, не было еще и собственной квартиры, я сразу засел за работу. К понедельнику она была готова на 12 страницах. Помощник Хрущева Олег Трояновский внес очень незначительную правку, убрал из

материала угрозу задать трепку братьям Олсоп, и записка пошла по инстанциям.

Хрущев несколько раз собирался в Норвегию, и представители различных советских ведомств и учреждений в Осло тщательно готовили визит. Ожидавшийся в 1959 году приезд Председателя Совета Министров СССР не состоялся. Хрущев отложил его со ссылкой на то, что норвежское общественное мнение не подготовлено к нему. В местной прессе, по его мнению, допускаются резкие выпады в адрес нашей страны и время для визита не созрело. Возможно, Хрущев хотел разобраться поглубже с историей использования американцами норвежских аэродромов, а может, были и иные причины. Во всяком случае, меня, работавшего в то время в МИД, вызвал заместитель министра В.С.Семенов и поручил подобрать наиболее оскорбительные заметки из норвежской прессы, чтобы обосновать отсрочку визита. Вскоре подборка наиболее агрессивных высказываний и публикаций была сделана и пущена в ход.

В 1964 году ситуация была совсем иной. Визит Хрущева по линии МИД, разведки и посольства готовился тщательно около года, с тем чтобы дать советскому руководителю максимально точную картину положения дел на Севере Европы, подготовить его к вопросам, которые могут быть затронуты принимающей стороной в ходе переговоров, внести предложения о желаемых результатах поездки. Наши цели состояли в улучшении отношений с Норвегией, выработке общих подходов к освоению ресурсов континентального шельфа и углублении экономического сотрудничества. В резидентуре мы чувствовали, что Центр нервничает, потому что он постоянно ставил перед нами задачи получения все новой и новой информации.

Была создана советско-норвежская рабочая группа по подготовке визита. В нее входили с норвежской стороны помощник премьер-министра по международным делам и вопросам безопасности Андерсен и уже упоминавшийся шеф норвежской контрразведки Брюн. Со стороны посольства в рабочую группу входил я. Секретарем группы была сотрудница МИД Норвегии Ховик, с которой я тогда впервые познакомился. Более подробный рассказ о ее судьбе будет ниже.

Во время подготовки визита я был приглашен моим давним знакомым Андреасом Андерсеном. Он подчеркнул важность того, чтобы возникшие между нашими странами недоразумения были развеяны во время визита Хрущева или, по крайней мере, не омрачили его. Об этом он и хотел неофициально поговорить со мной. Я догадывался, что собеседник действовал по поручению

Герхардсена.

Андерсен попросил меня взять ручку и, по сути, надиктовал около десяти пунктов, отражавших платформу переговоров норвежского правительства с Хрущевым. «Мы хотим, чтобы эти сведения заблаговременно оказались на столе у Хрущева», — завершил он беседу.

Я вернулся в посольство и подготовил по своей линии телеграмму о содержании беседы, но, прежде чем отправить ее в Москву, было решено ознакомить с ней нашего посла Николая Митрофановича Лунькова. Информирование посла о деятельности резидентуры не являлось обычной практикой, хотя исключения случались. На этот раз целесообразность доведения до посла сведений разведки вызывалась необходимостью тесного взаимодействия и координации усилий МИД, Министерства обороны, КГБ и ряда других советских ведомств. Можно было предположить, что Хрущев сочтет нужным затронуть в беседе с послом некоторые из пунктов норвежской позиции, и незнание их поставило бы Лунькова в неудобное положение.

Содержание телеграммы вызвало у посла сложные чувства. Он нервно забарабанил пальцами по столу. Дело в том, что он уже направил в Москву около десятка сообщений, в которые «тезисы Андерсена» вносили существенные поправки. Луньков спросил, не мог бы он лично ознакомить с этим материалом Хрущева сразу по его прибытии. Мы понимали положение посла, но пойти на это не могли. Во-первых, большую роль играл фактор времени, а во-вторых, нельзя было сбрасывать со счетов и то, что информация была получена сугубо конфиденциально. Отказ, конечно, не улучшил наши отношения с послом.

Приведенный случай лишний раз свидетельствует о пользе личных контактов между представителями различных государств. Наверняка Андерсен знал, что я работал в резидентуре, но он никогда этот вопрос в беседах не затрагивал, внешне относясь ко мне как к дипломату.

Во время визита Н.С. Хрущева задача разведки состояла в том, чтобы оперативно добывать надежные сведения, которые могли бы учитываться в ходе переговоров для личного доклада премьеру. Обычно функцию текущего информирования выполняет резидент, однако Александр Старцев, возглавлявший разведывательный аппарат в Норвегии, перепоручил это дело мне, сославшись на хорошее знание мною Норвегии и поручение Центра.

Это было моей первой действительно крупной задачей, и я в полной мере ощутил бремя высокой ответственности. Попытался обобщить все самое важное из имевшихся и продолжавших

поступать сведений, сформулировать их максимально четко и кратко и обратился к сопровождавшим Хрущева сотрудникам службы охраны согласовать, когда премьеру удобнее принять доклад. Мне сказали, что первый доклад должен состояться за завтраком на следующий день после прибытия.

В назначенное время я направился в резиденцию Хрущева на полуострове Бюгдей. Начальник службы охраны Чекалов сразу же пропустил меня к нему. Хрущев сидел за столом и завтракал. Ни его супруги, ни министра иностранных дел Громыко с ним не было.

Никита Сергеевич сразу начал называть меня на «ты». «Вот сижу тут и поджидаю тебя», — сказал он, как будто мы были старыми знакомыми. Он действительно видел меня, когда я переводил ему беседу с Ф. Му, но вряд ли помнил. Мы находились в норвежской правительственной резиденции, где, возможно, имелись средства для прослушивания и фотографирования, поэтому докладные материалы были представлены в письменном виде.

«Садись, позавтракай», — пригласил меня Хрущев. Я ответил, что уже завтракал.

«Съешь хотя бы яйцо», — настаивал он. Желания есть яйцо у меня вовсе не было, и я вежливо отказался.

«Тридцать лет меня убеждали не есть яйца из-за содержания холестерина, а теперь специалисты говорят, что яйца не опасны. Я их ем с удовольствием и тебе советую», — сказал он.

Я понял, что сопротивление бессмысленно, и съел нехитрый продукт. Хрущев молча читал материалы доклада один за другим, не вынимая из специального полураскрытого чемоданчика, чтобы исключить фотографирование с потолка. У меня точно в таком же чемоданчике находились их копии, с тем чтобы пояснить что-то, если понадобится. Пока Хрущев пил чай, а я — кофе, все материалы были внимательно прочитаны, а кивки головой означали, что он понял информацию и согласен с оценками. Чтение заняло примерно полчаса.

«Хорошо, — сказал он. — Все ясно. Спасибо». Он был достаточно дисциплинирован и не проронил ни слова, которое могло бы выдать содержание прочитанного текста.

Доклад обобщал все собранное нами до приезда Хрущева. На следующий день я представил главе правительства записку о реакции в различных кругах Норвегии на первые результаты визита с оценками и прогнозами. Я уже чувствовал себя свободней, и встреча прошла успешнее, чем предыдущая. Хрущев поблагодарил за полезную информацию. Чекалов рассказал мне впоследствии, что Никита Сергеевич остался весьма доволен

качеством разведывательных материалов, поскольку в ходе переговоров убедился в верности прогнозов. От имени Н.С. Хрущева он вручил мне наручные часы и миниатюрный радиоприемник.

В числе других сопровождающих лиц я летал с Хрущевым в Берген. Все пассажиры — и наша делегация, и норвежцы, включая премьер-министра Герхардсена, — сидели в одном салоне. Верна Герхардсен подвела меня к Хрущеву и сказала: «Господин Хрущев, это — Виктор Грушко, которого мы хорошо знаем. Он наш добрый друг и достойный представитель Советского Союза, который много знает и во многом нам помогает». «Очень приятно, — ответил Хрущев, похлопав меня по плечу, — но я его уже давно знаю. Хорошо, что в нашем посольстве работают такие люди».

Прямота и открытость Хрущева многим нравились, но у этой медали имелась и обратная сторона. Импульсивность, а зачастую и непоследовательность в поведении не украшали и, пожалуй, способствовали смещению его с постов в октябре 1964 года. В Осло я был очевидцем одного из таких неудачных и неуместных экспромтов. После официального обеда состоялась так называемая беседа наедине двух премьер-министров. На самом же деле на ней присутствовало довольно много людей с обеих сторон. Герхардсен обратил внимание Хрущева на то, что социал-демократы могут потерять власть после очередных парламентских выборов. «Вам нужна помощь?» — неожиданно спрашивает Хрущев. Герхардсен пытается сделать вид, что пропустил эту бестактность мимо ушей.

Но Хрущев не успокаивается и предлагает: «Хотите, поможем вам оружием?»

Это вполне могло обернуться скандалом и, конечно, свидетельствовало о тотальном непонимании советским лидером политической жизни в Западной Европе. Но на следующий день зять Хрущева, главный редактор «Известий» А. Аджубей пояснил в приватном порядке присутствовавшим при описанной сцене норвежцам, что советский руководитель пошутил. К счастью, хозяева решили не поднимать шума. Утечки удалось избежать, хотя позднее что-то на эту тему было опубликовано в США.

Смещение Н.С. Хрущева свидетельствовало об изменившейся в стране обстановке. Под напором критики со стороны членов ЦК Первый секретарь вынужден был формально сам подать в отставку и уйти на пенсию. Можно спорить о законности и целесообразности происшедшего, но ясно было одно: такой путь лучше, чем некрологи о кончине дряхлеющих руководителей или объявление их «врагами народа». То, что Хрущев ушел, и ушел на пенсию, а не в небытие, является в конечном счете проявлением

набиравшего силу нового стиля политической жизни в стране.

Подготовка к визиту в Норвегию Председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина, который начался 5 декабря 1971 г., проводилась тоже весьма тщательно. Приезда Косыгина мы очень ждали. Он, пожалуй, пользовался наибольшим уважением среди руководства страны. Я и сегодня считаю, что А.Н. Косыгин, как и Ю.В. Андропов, был на голову выше большинства тогдашних членов политбюро по уровню интеллигентности, широте кругозора и конструктивности мышления. Если бы ему удалось осуществить задуманное, сегодня наша страна не оказалась бы в такой ситуации.

Когда в 1964 году посты руководителей партии и правительства были разделены, большинством, в том числе и мною, это было воспринято как принципиально правильное решение. КПСС должна была заниматься преимущественно идеологией и кадрами, а правительство — экономикой, имея на то соответствующие полномочия. Назначение Председателем Совета Министров именно Косыгина, профессионала высокого класса, давало хорошую основу для дискуссии по вопросам экономической политики. Активно обсуждался ряд интересных идей о путях стимулирования производства, развертывании, если хотите, конкуренции между предприятиями, повышении качества продукции. Заслугой Косыгина было строительство совместно с итальянцами автомобильного завода в Тольятти, которое дало мощный импульс не только автомобилестроению, но и качественным переменам в других отраслях экономики. Ему пришлось преодолевать сопротивление, бюрократизм, консерватизм, и он — во всяком случае, в осуществлении тольяттинского проекта — победил.

Когда Косыгин находился с визитом в Норвегии, я ежедневно представлял ему сводки разведывательной информации, в то время как посол Романовский делал сообщения по своей линии устно.

Программа визита была плотной и утомительной. Однако один из вечеров зарезервировали для отдыха. Косыгин захотел пройтись пешком по городу, чтобы составить личное впечатление о жизни норвежской столицы. Он имел обыкновение, где бы ни находился, совершать пешие прогулки. Но за рубежом деятелю такого уровня сделать это не так-то просто. Я проинформировал охрану о намерении Косыгина, и та буквально бросилась к телефонам, чтобы обеспечить безопасность премьера в городе. Алексей Николаевич спросил, куда лучше пойти, и я порекомендовал ему расположенную между королевским дворцом и парламентом улицу Карл Юхан и прилегающие районы центра

города. Было уже довольно поздно, но Косыгин внимательно присматривался к происходящему вокруг, останавливался у витрин магазинов, обращая внимание на ассортимент товаров и цены. В патриотическом запале наш торгпред заметил, что цены в Норвегии очень высоки и постоянно растут. Косыгин резко повернулся к нему и сухо сказал, что сбалансированность спроса и предложения как раз является признаком здоровой экономики и здесь нам есть чему поучиться.

«Если бы вы только знали, как мне приходится бороться за то, чтобы цены на некоторые товары поднять до уровня рентабельности, — заявил Косыгин. — Ценообразование должно использоваться в качестве инструмента стимулирования производительности труда, окупать издержки и двигать экономику вперед. У нас цены не менялись и даже снижались в последние 30 лет. По таким ценам невозможно производить товары высокого качества. Вот их-то у нас и не хватает. Посмотрите для сравнения на качество норвежских товаров».

В разгар визита Косыгин вдруг заболел. Конечно, можно было отменить традиционный обмен мнениями по некоторым международным вопросам, от которого не ожидалось чего-то качественно нового, но не был обсужден еще ряд принципиальных вопросов двусторонних отношений. Короче, премьера нужно было ставить на ноги.

Посоветовавшись с лечащим врачом Косыгина, его дочерью, послом, решили привлечь к обследованию Алексея Николаевича норвежского профессора. Был поставлен диагноз — грипп. Косыгин был вынужден провести сутки в постели, но затем программу визита удалось продолжить. Несмотря на недомогание, глава советского правительства успешно завершил переговоры. У него установились хорошие отношения с норвежским премьер-министром Трюгве Браттели. Тон бесед был теплым и дружеским. Кстати, чисто в человеческом плане у Косыгина и Браттели было много общего. Они говорили, если можно так сказать, на одном языке — трезво, по-деловому, без эмоций, чуть ли не академично.

И, тем не менее, Косыгин вынужден был вылететь в Москву на день раньше. Будучи человеком чрезвычайно ответственным, он стремился успеть сделать как можно больше и чувствовал некоторую неловкость перед принимающей стороной.

На заключительных переговорах в день отъезда Косыгин подозвал меня к себе и попросил предупредить всех, кого положено, что полная готовность к вылету должна быть в два часа дня. Я передал соответствующие распоряжения.

Но затем Косыгин вновь позвал меня и, ссылаясь на

нежелание скомкать важную фазу переговоров, поручил отсрочить вылет на два часа. Потом последовала еще одна отсрочка — для проведения заключительной пресс-конференции. Перед самым отлетом он нашел время лично сказать добрые слова послу Сергею Романовскому и мне за участие в организации удачного визита. Втроем мы выпили по рюмке коньяку.

Политическое будущее Косыгина оказалось безрадостным. Еще в 1968 году в обществе можно было заметить тенденцию, которая впоследствии была названа застоем. Для обеспечения собственной власти Брежнев собрал вокруг себя на ключевых постах старых друзей. Ради «стабильности» под сукно попадало все, что могло привести к реформам. Государство стало менее демократичным, в области политики наблюдалось даже некоторое отступление от достигнутого. Это происходило именно в то время, когда должны были развернуться в полную силу вынашивавшиеся Косыгиным реформы. Он сохранил свой пост, но вынужден был заниматься вопросами текущего управления. От решения стратегических вопросов экономики его, по сути дела, отстранили. Я считаю это большим несчастьем для нашей страны. Но, к сожалению, в политике не всегда побеждает достойнейший и умнейший.

Глава 9
«Женщина в посольстве»

Сентябрьским утром 1965 года я направлялся пешком в сторону советского посольства в Осло. По пути заглянул в газетный киоск. Все газеты пестрели огромными заголовками о разоблачении «норвежской Мата Хари» по имени Ингеборг Люгрен. Развертывалась очередная шумная кампания шпиономании. Люгрен? Ее я несколько раз видел в Москве, работая в МИД. Эта дама являлась секретарем в норвежском посольстве, отвечала на приличном русском языке на телефонные звонки, согласовывала визиты посла в МИД, другие протокольные мероприятия и встречи. Короче, мне доводилось с ней общаться. Но могла ли она быть советским агентом? Насколько мне было известно, она не фигурировала в оперативных документах даже в качестве полезного контакта.

Позволю себе небольшое отступление о том, что вкладывали советские спецслужбы в понятие «контакт». Люди, попавшие в число контактов, как правило, не догадывались, что имеют дело с сотрудником разведки. Уже после одной-двух встреч всем контактам — журналистам, политическим деятелям, ученым, дипломатам и т. д. — присваивались псевдонимы. Это не означало, разумеется, что контакт рассматривался как агент или потенциальный агент. Соблюдалась обычная мера предосторожности для предотвращения утечки информации на тот случай, если отношения с контактом со временем приобретут иной характер.

Все сотрудники КГБ обязаны были руководствоваться инструкциями об обязательном употреблении в переписке и на внутренних совещаниях только псевдонимов. Нарушение этого требования рассматривалось как серьезный служебный проступок или как преступление, если речь шла о разглашении государственной тайны.

Цель была ясна: запутать противника даже в тех случаях, если ему удастся перехватить документы или получить информацию путем прослушивания. Употребление псевдонимов в определенной степени уменьшало степень ущерба в случае предательства. Противнику было непросто установить, что стоит за псевдонимом: агент, доверительная связь, информационный контакт или первичный объект изучения.

«Супершпионка» Люгрен не относилась ни к одной из этих

категорий. Это подтвердил ответ на запрос резидентуры из Центра. Дело пахло крупной провокацией. Напрашивался вывод: влиятельные силы в Норвегии хотят использовать громкое «шпионское дело» для нагнетания всеобщей подозрительности и отравления атмосферы, сложившейся после недавнего визита Хрущева.

Резидент в это время находился в отпуске, и я исполнял его обязанности. Военный атташе посольства на вопрос о том, имеет ли Люгрен какое-либо отношение к ГРУ, ответил отрицательно. Центр на наш запрос дал дополнительную информацию, что Люгрен действительно с такого-то по такое время работала в посольстве Норвегии на невысокой должности, к органам госбезопасности СССР отношения не имела и, напротив, обоснованно подозревалась в принадлежности к агентуре ЦРУ. Были зафиксированы случаи, когда Люгрен осуществляла «броски» писем для советских граждан в обычные почтовые ящики по заданию сотрудников ЦРУ, работавших под прикрытием американского посольства. Американцы, видимо, считали, что проведение таких операций скромной сотрудницей посольства маленькой Норвегии увеличивало их шансы остаться незамеченными.

На следующее утро я вновь шел на работу пешком. Вдруг увидел, что начальник норвежской контрразведки Брюн, проживавший недалеко от нашего посольства, идет мне навстречу. Он попытался сделать вид, что не замечает меня, но я подошел к нему и прямо задал ряд нелицеприятных вопросов: что за спектакль устроен? Как понимать этот скандал в свете наметившегося улучшения двусторонних отношений? Что вообще происходит?

Брюн ответил очень серьезно и сухо: «Выявлять шпионов — это моя работа. Здесь я ничего не могу поделать».

В Норвегии все знают, что произошло дальше. Нашим читателям, возможно, также небезынтересно будет узнать, что после долгих и изнурительных допросов, на которых Люгрен вела себя стойко, дело полностью рассыпалось. Наши подозрения в отношении нее, напротив, полностью подтвердились. Она действительно выполняла задания американцев. Начальник норвежской военной разведки Вильгельм Эванг в свое время лично просил министра иностранных дел командировать Люгрен в посольство в Москву. Очевидно, по этому поводу к нему обращались американцы.

Меня очень удивило выявившееся в результате этой кампании полное отсутствие сотрудничества между различными норвежскими специальными службами. То, что отношения между

ними, мягко говоря, оставляли желать лучшего, нашей резидентуре было известно.

Определенные источники информации мы имели. Мы установили, что причины разногласий глубже взаимной зависти и соперничества. Они носили политический характер и родились еще в годы войны. Если за созданием военной разведки стояли представители Норвежской рабочей партии, такие как Эванг, принимавший активное участие в движении сопротивления, то контрразведка формировалась из буржуазной среды на основе полицейского управления Осло. Поэтому не удивительно, что представители левых сил Норвегии весьма нелестно отзывались о местной контрразведке. Многие чувствовали себя «под колпаком» как политически неблагонадежные или потенциально опасные с точки зрения безопасности. Высказывания о том, что спецслужбы «ищут призраки средь бела дня», могут кому-то показаться преувеличением. Но мне известно, что норвежские контрразведчики под надуманными предлогами поломали судьбу не одного талантливого соотечественника, швырнули вниз со служебной лестницы, закрыли двери к карьере. А тем оставалось только догадываться, кто стоит за этой травлей.

Таким образом, натянутые отношения между специальными службами Норвегии не были секретом. В «деле Люгрен» поражала степень их нескоординированности.

Это заставило многих в Норвегии задуматься. Признав, что была допущена грандиозная ошибка, некоторые граждане, тем не менее, продолжали считать свою страну идеальным правовым государством. Но как же случилось, что в стране, гордящейся соблюдением прав человека, два государственных ведомства не удосужились связаться и выяснить вопрос, в результате чего за решетку попал человек на основании только, как потом выяснилось, сомнительных показаний перебежчика. Эванг и Брюн либо вообще не обменивались информацией, либо заведомо лгали друг другу.

Любая спецслужба в мире время от времени допускает ошибки. Советская контрразведка, во всяком случае когда я ее возглавлял, никогда бы не допустила ареста на таком зыбком основании, без достаточных улик.

Проведя значительную часть своей сознательной жизни в Норвегии, я приобрел и сохраняю уважение к открытости, политической свободе и демократическим принципам норвежского общества. Но я обратил внимание на то, что местная контрразведка под влиянием шпиономании и в ее интересах прибегала к недозволенным методам, в которых необоснованно обвиняли КГБ. В идеале контрразведка должна быть настолько

эффективной, чтобы действовать профилактически и не доводить дело до шпионских процессов. Но, видимо, «громкие дела» время от времени нужны самим спецслужбам, чтобы продемонстрировать свою нужность и полезность. В случае с Люгрен стремление разоблачить Советский Союз как «империю зла» было столь велико, что они пренебрегли элементарной проверкой.

Ради справедливости должен отметить, что норвежская контрразведка не относилась к числу худших. Она работала в целом активно и профессионально. За время моей работы в Норвегии в ней никогда не применялись столь жесткие метода воздействия, какие, например, практиковали американские и английские спецслужбы. Исключение составляет случай с Арне Трехолтом, о котором я расскажу ниже.

Одной из причин того, что норвежские спецслужбы крупно оскандалились в «деле Люгрен», был «сигнал» от перебежчика Голицына, работавшего раньше в советской контрразведке. Лично я его не знал, но слышал, что еще в 50-е годы он высказывал неудовлетворение своим служебным положением, считал, что руководство и коллеги его недооценивают. Он даже писал письма Сталину с критикой стиля и методов работы конкретных сотрудников. О реакции Сталина мне неизвестно, но я знаю, что, находясь в Финляндии, Голицын встал на путь измены и выдал американским спецслужбам нескольких агентов.

Голицын сообщил якобы, что у КГБ есть «женщина в норвежском посольстве», о чем американцы проинформировали своих норвежских коллег. Но предатель не знал ни ее имени, ни положения. Мы подозревали также, что другой перебежчик из советской контрразведки — Носенко, не вернувшийся из Швейцарии в 1964 году, — мог сообщить на Западе некоторые сведения. Женщина, которая работала на нас в норвежском посольстве в Москве, как выяснилось через много лет, вовсе не носила имя Ингеборг Люгрен.

Еще один изменник — Гордиевский, сбежавший в Великобританию в 1985 году, — претендует на то, что якобы выдал Западу подлинную «женщину КГБ в норвежском посольстве» — Гунвор Галтунг Ховик, а также дал наводку на блестящего норвежского дипломата и политика Арне Трехолта. Гордиевский не устает публично похваляться этими «достижениями».

Откровения предателя являются чистым вымыслом. Когда Ховик была арестована в Осло в январе 1977 года, Гордиевский работал в Копенгагене. Никакого отношения к норвежским делам

ни до того, ни после он не имел. О жестких правилах конспирации в разведке я уже говорил.

К информации Гордиевского следует относиться скептически. Он еще преподнесет своим хозяевам немало неприятных сюрпризов. Он уже их преподносит. Благодаря публицистическим исповедям предателя КГБ в глазах многих наблюдателей из организации с чуть ли не сверхъестественными возможностями внезапно превратился в проходной двор без какой-либо дисциплины и конспирации, где офицеры только и делают, что на каждом углу рассказывают друг другу об иностранной агентуре. Провокаторская роль Гордиевского начинает разоблачаться, в том числе в судебном порядке, о чем я скажу несколько ниже.

Что касается Ховик, то Гордиевский неоднократно и публично заявлял, что именно он выдал ее. В своей же последней книге, вышедшей в Англии в феврале 1995 года, он вдруг дает обратный ход. Почему? Думаю, что по совету норвежских и взаимодействующих с ними других западных спецслужб. Показания Гордиевского и так уже перестали вызывать доверие, и полная дискредитация его как «свидетеля» может привести к пересмотру дела Трехолта, сфабрикованного на основе ложных показаний «анонимного источника».

Норвежская контрразведка не намерена делиться с Гордиевским «славой» в выявлении Ховик как агента КГБ. Она якобы самостоятельно вычислила ее и осуществила захват, о чем бывшие норвежские контрразведчики написали немало мемуаров. Гордиевский вынужден корректировать свои прежние откровения. В своей новой книжке он пишет, что впервые узнал имя Ховик лишь после ее ареста в 1977 году. До этого же, мол, ему удалось разузнать через своего сослуживца в Копенгагене Вадима Черного и передать англичанам псевдоним агента-женщины в МИД Норвегии — «Грета», а также данные о наличии «еще более важного источника» в этом министерстве. Прикрываться именем своего бывшего коллеги, ныне умершего, — типичный прием для предателя.

После ареста Ховик в Центре была создана комиссия по расследованию причин ее провала. Как всегда в таких случаях, стопроцентно установить их невозможно. Но всегда нужно исходить из того, что версия контрразведки о предшествовавших аресту обстоятельствах направлена на введение в заблуждение спецслужбы противника. В случае с Ховик она сводилась к тому, что на «Грету» вышли путем слежки за сотрудником советской разведки. Версия была заведомо ложной.

Наше расследование показало, что утечка информации скорее всего произошла на стадии реализации материалов,

поступивших от Ховик. Это подтвердилось разоблачением американского агента в управлении планирования внешнеполитических мероприятий МИД СССР Огородника (прототип известного «Трианона» из романа Юлиана Семенова «ТАСС уполномочен заявить…») в 1978 году. Огородник, имевший доступ к некоторым материалам разведки, предназначенным для доклада министру, передавал их ЦРУ и после задержания покончил жизнь самоубийством, приняв яд.

Независимо от того, кто дал наводку на Ховик, норвежская контрразведка и прокуратура должны были проверить подлинность высказываний их основного «анонимного свидетеля из рядов КГБ» по делу Трехолта. Это дело задним числом неминуемо развалится. В тех странах, где Гордиевский служил, а именно в Дании и Великобритании, именно так и произошло с рядом дел, заведенных по его информации.

Высказывания Гордиевского о Гунвор Галтунг Ховик пополняют список примеров, когда предатель прибегал к слухам, голословным утверждениям, выдумкам и откровенной лжи. С их помощью он и кормился все эти годы.

Мне стало известно, что редактор внешнеполитического отдела одной из центральных датских газет «Информашон» Йорген Драгсдаль поднял перчатку, брошенную Гордиевским в серии статей, и что бывший депутат английского парламента, видный лейборист Майкл Фут сделал то же самое: они оба подали в суд на издателей Гордиевского. И оба выиграли процессы. В ходе судебных расследований в Дании и Великобритании было установлено, что Гордиевский лгал.

Но в Норвегии, к которой он никогда не имел никакого отношения, эти судебные решения были встречены молчанием. Норвежские средства массовой информации, которые подавали ранее Гордиевского как «человека судьбы» Трехолта, никак не отреагировали на эти процессы.

Не свидетельствует ли это о том, что норвежская «четвертая власть», которая подыгрывала государственным инстанциям в политической игре и создании мифов, не осмеливается сегодня признать свою роль в грубом попрании прав человека и осуждении «врага народа» задолго до суда на основании ложных сведений?

Гунвор Галтунг Ховик была классическим примером агента, если принять во внимание мотивы ее сотрудничества, типичные для послевоенного времени.

Еще во время войны она стала испытывать большую симпатию к Советскому Союзу, который нес на себе основное бремя борьбы с фашизмом, и к советским военнопленным,

оказавшимся в гитлеровских концлагерях в Норвегии. Это чувство еще более усилилось, когда Красная Армия освободила Северную Норвегию от оккупантов, понеся тяжелые потери.

Работая в одном из концлагерей в Будё в качестве сестры милосердия, Ховик влюбилась в русского военнопленного, молодого инженера из Ленинграда Владимира Козлова. Она помогла ему и двум его товарищам по плену бежать в Швецию. После войны Ховик решила разыскать Козлова в России. Владея русским языком, она получила должность в норвежском посольстве в Советском Союзе.

Здесь она восстановила контакт с В.Козловым, попав в поле зрения КГБ. При помощи Козлова она была завербована. Ее работа на нас заключалась в передаче секретных документов, причем не случайных и не валом, а вполне определенных. Устная информация с ее стороны особого интереса не представляла, поскольку она занимала техническую должность и не разбиралась в хитросплетениях внешней политики.

Таким образом, она работала на нас с конца 40-х годов вплоть до ареста в январе 1977 года — более 30 лет. Редко кому удается работать на иностранную разведку так долго. Особенно полезными были ее услуги после возвращения из Москвы на работу в МИД Норвегии. Я непосредственно с ней не работал. С Ховик встречался поначалу резидент Леонид Лепешкин, а впоследствии оперативный работник Александр Принципалов. Но летом 1971 года, когда Лепешкин находился в отпуске, мне довелось провести одну встречу с ней в месте, расположенном далеко от Осло. Как обычно, я тщательно проверился на маршруте следования. Учитывая важность встречи, я послал всех своих сотрудников «на задания» в город, чтобы максимально оттянуть силы местной контрразведки.

Стояла прекрасная погода, и мы беседовали с Ховик минут двадцать, прогуливаясь по лесу. В завершение встречи она передала мне секретные материалы, сказав, что слышала обо мне в норвежском МИД как о знатоке норвежской внешней политики. У меня о ней сложилось впечатление как об очень совестливом источнике, руководствовавшемся идеологическими мотивами. Мы высоко ценили ее вклад, несмотря на то что за все эти годы никогда не получали действительно сенсационных документов. Но поток материалов от нее был стабильным и затрагивал именно те вопросы, которые нас прежде всего интересовали.

То, что норвежская контрразведка затратила столько времени на выявление Ховик после получения «сигналов», кому-то может показаться странным, но необходимо отдавать себе отчет в сложности идентификации агента, если не знаешь ни его имени,

ни должности. Но, в конце концов, она была женщиной, владевшей русским языком и работавшей ранее в норвежском посольстве в Москве, как и Ингеборг Люгрен. Между арестом Люгрен и захватом Ховик прошло около 12 лет.

Возможно, сыграл свою роль и тот факт, что после измены Носенко в 1964 году в отношениях с Ховик был сделан годичный перерыв. После того как страсти улеглись, контакт возобновился. Тем не менее, несмотря на все предосторожности, уберечь Гунвор Галтунг Ховик не удалось. Летом 1977 года, еще до начала судебного процесса, она скончалась в тюрьме.

За успешную многолетнюю работу Гунвор Ховик была награждена советским орденом Дружбы народов. Конечно, сам орден не мог быть передан ей, потому что он стал бы неоспоримой уликой. Но и орден, и наградные документы были показаны разведчице, чему она была искренне рада. После ее смерти в закрытом музее разведки в Ясенево был помещен ее портрет под псевдонимом «Грета» с указанием, что она была «важным информационным источником в Скандинавии».

Глава 10
Свободное время одного из руководителей разведки — Короткая глава

Семейство в полном сборе! Какое редкое явление! Впервые за последние 8 лет мы собрались все вместе, включая бабушку моих детей. Это случилось в 1972 году в Москве, после моего возвращения из последней командировки в Норвегию. Старший сын Александр, которому исполнилось тогда 18 лет, пошел по моим стопам и учился в Институте международных отношений, осваивая голландский и английский языки. Младший, десятилетний Алексей, проучившийся три года в советской школе в Норвегии, собирался поступить в четвертый класс одной из московских школ.

Алексей впоследствии также поступил в МГИМО и изучал шведский язык. Я рекомендовал сыновьям стать специалистами-международниками, не уточняя конкретных моментов будущей специальности. Непосвященному может показаться странным, что даже старший, уже взрослый сын не знал в то время, что я работаю в разведке. Из соображений конспирации я не говорил ему, что уже продолжительное время работаю не в МИД, а в спецслужбах. Лишь спустя несколько лет, когда я достаточно долго проработал на руководящих должностях в Центре и «шило в мешке» уже невозможно было больше утаить, дети узнали мое подлинное место службы и, примерно, занимаемое положение.

Окончив вуз, Александр работал в нашем посольстве в Брюсселе, а Алексей в течение нескольких лет — в Стокгольме. Потом он покинул дипломатическую службу и перешел на работу консультантом в один из банков Москвы.

В 1972 году Москва по-прежнему была городом с весьма сложными жилищными условиями. Конечно, в 60-е годы в ней было построено огромное количество квартир, что не шло ни в какое сравнение с началом 50-х, когда я был студентом. Официальная норма жилой площади в Москве составляла 9 квадратных метров на человека, и реально встать на очередь для улучшения жилищных условий могли только семьи, имеющие более скромное жилье.

Практиковалось предоставление комнат в коммунальных квартирах на две и более семей. В 1958 году, проработав 4 года в МИД, я получил двухкомнатную квартиру вместе с одним из моих

министерских коллег. После всех наших мытарств с жильем Валентина считала, что наконец-то мы решили жилищную проблему: на четверых членов семьи одна комната. В ней можно прожить до конца жизни! Говорю об этом, чтобы показать, какие потребности были у жен советских дипломатов в конце 50-х годов.

Но, бесспорно, медленно и постепенно жизнь с каждым годом улучшалась. Откладывая ежемесячно в загранкомандировках некоторые суммы, я смог вступить в жилищный кооператив и, оплатив в 1967 году 60-процентов требуемой суммы, купил квартиру в рассрочку. Тех, кто полагает, что дипломаты и разведчики жили гораздо лучше, чем остальные советские граждане, я разочарую. Мы были материально обеспечены чуть-чуть лучше за счет высокой квалификации и тяжелой работы, но теряли неизмеримо больше из-за нелимитированного рабочего дня и бытовых неудобств. Как бы то ни было, в 1967 году мы въехали в трехкомнатную квартиру на набережной Тараса Шевченко в Москве, недалеко от Киевского вокзала, и первая собственная квартира показалась нам настоящей сказкой. Болгарская мебель, купленная в Доме мебели на Ленинском проспекте, сделала наше счастье полным.

Мою нынешнюю квартиру на Большой Филевской улице я получил для себя и жены только в конце 80-х годов, поэтому по мере женитьбы сыновей и появления внуков мы вновь почувствовали себя довольно стесненно.

Все годы работы в МИД и КГБ воспитание детей лежало на плечах Валентины. Переход в разведку принес ей главным образом непредсказуемость и беспокойство: поздние возвращения со службы, беспрестанные вызовы на работу. Тем не менее в 60-70-е годы у меня еще оставалось какое-то время для нормального общения с детьми и я старался максимально использовать его, чтобы повлиять на сыновей. Валентина тоже внушала детям уважение к работе, которую выполнял я.

Надеюсь, дети, став взрослыми, не очень на меня обижаются. В нашей жизни было и немало приятного, веселого. Не став сколько-нибудь заметным спортсменом, я был азартным болельщиком. Александр до сих пор вспоминает, как мальчишкой я провел его в раздевалку киевского «Динамо», которое играло с «Русенборгом» на его поле в Трондхейме. Украинский тренер без обиняков предложил своим футболистам «уложить норвежцев на поле». Киевляне обыграли норвежцев со счетом 4:2, к счастью, не очень прислушавшись к тренерской установке и не слишком жестко играя с соперником.

В Норвегии я заразился любовью к зимним видам спорта,

особенно к скоростному бегу на коньках. Мы и в Москве ходили с детьми на стадион в Лужниках, но я был разочарован реакцией моих соотечественников на выступления наших спортсменов. В Норвегии любой ребенок отлично знал, кто такие и что собой представляют великие советские конькобежцы Гончаренко, Шиликовский, Гришин или Скобликова, могли в любое время дня и ночи вспомнить их рекорды, вплоть до результатов забегов и секунд каждого круга. Многие наши болельщики, похоже, вовсе о них не слышали, не запоминали имен, а лишь смотрели, кто победил: «наш — не наш».

В начале 70-х годов в Советском Союзе царствовал хоккей с шайбой. Как правильно выразился один из тренеров сборной СССР, ее выступления являлись частью жизни советских людей. Жена, правда, относилась к хоккею абсолютно равнодушно, но дети были в восторге.

Были заметны успехи и в культурной жизни. Интереснее и разнообразнее становился театр, хотя к концу 70-х годов вновь обозначился спад. Большой театр был на высоте; его артисты выступали на лучших сценах мира. Мы с удовольствием замечали, что уровень концертной культуры тоже чрезвычайно высок.

1980 год для нашей семьи был значительным в хорошем и плохом смысле слова. Дети выросли. Меня назначили заместителем начальника Первого главного управления КГБ, то есть заместителем руководителя разведки. Это была гораздо более ответственная должность по сравнению с теми, которые я занимал до сих пор.

С другой стороны, почти не оставалось свободного времени, которое Валентина и я пытались максимально использовать раньше. На работе, дома, на даче, в служебной машине — везде заставали меня телеграммы и телефонные звонки. Разница во времени с Западной Европой приводила к тому, что я был обязан принимать решения и отдавать приказы в любое время суток. Дом превратился постепенно в место ночлега. Где бы я ни находился — на концерте ли, в театре, — Центр всегда знал, в каком раду и в каком кресле я сижу. Такую жизнь не назовешь нормальной для рядового госслужащего, но она типична для руководящего сотрудника специальной службы, когда минуты могут иметь решающее значение для интересов страны и конкретных людей. Я к ней привык, и от своих обязанностей не отлынивал.

Воскресенья, к счастью, я мог, за некоторыми исключениями, проводить в семье. В 1980 году мы получили ведомственную дачу в небольшом поселке, расположенном в непосредственной близости от штаб-квартиры ПГУ в Ясенево. Дача была небольшая,

примерно 45 квадратных метров, но с удобствами: горячей водой, ванной, электричеством и, естественно, со всеми необходимыми телефонами, включая защищенные.

Дача в Ясенево стала нашей отдушиной. Летними вечерами мы могли сидеть всем семейством на веранде и наслаждаться природой и общением. Моя жена полюбила выращивать овощи и особенно цветы на небольшом участке рядом с домом. Зимой можно было пройтись по свежему снегу на лыжах прямо от калитки. Мы так полюбили дачу, что редко ночевали в городской квартире. Для службы также преимущество было очевидным: всего несколько минут езды до места работы. А в обычное время — полчаса пешком. Не говорю уже о том, что и во внеслужебное время руководящие работники разведки могли, гуляя, «погонять» мысли по важным вопросам. Учитывая преимущества ясеневских дач, начальник разведки В.А.Крючков в 1988 году, после своего назначения председателем КГБ, а затем и избрания членом политбюро ЦК КПСС, отказался переселиться на более просторную и комфортабельную государственную дачу.

К нам в Ясенево приезжали близкие друзья праздновать дни рождения, другие события или просто в гости. Как правило, это были товарищи по учебе, дипломатической работе или разведслужбе. Мой опыт показывает, что подлинных друзей распознаешь после 50 лет. У нас, например, всегда был праздник, когда приезжал Нодар Майсурадзе. С ним я познакомился во время учебы в разведывательной школе. Грузинскую литературу я любил еще с детства. Но Нодар привил мне любовь ко многому другому, связанному с Грузией. И именно он показал Валентине и мне подлинную Грузию, не ту, что красовалась в туристических буклетах.

Но далеко не все было радостным в нашей жизни в те годы. Летом 1980 года приехал в отпуск в Москву из загранкомандировки мой сын Александр вместе со своей очаровательной женой Ларисой. Супружеская жизнь у них складывалась удачно, и мои счастливые дети ждали пополнения в семействе. Вдруг часов в одиннадцать утра Валентина звонит мне на работу и сообщает, что Лариса потеряла сознание. Это был гром средь ясного неба. В три часа дня она скончалась от кровоизлияния в мозг.

Смерть Ларисы стала подлинной трагедией семьи. Всех нас. Больше всего, конечно, Александра. Этот день в нашей семье — день траура навсегда.

Но, как бы тяжело ни было, жизнь продолжалась. Трагедия произошла и в семье моего друга Нодара: безвременно, молодым, умер от рака его младший сын Шалва. И родители, и мы видели,

как, будучи обреченным, он стоически боролся за свою жизнь и пытался примирить с предстоящей смертью близких.

Нашим с Валентиной спасением во всех бедах и трудностях была привычка, приобретенная в Норвегии. Несмотря ни на что — будь то политические потрясения, служебные проблемы, семейные трудности, — пройти в воскресенье километров десять пешком, неторопливо и задумчиво, в любое время года. Естественно, все это было до тюрьмы.

Глава 11
В англо-скандинавском отделе разведки

В 1972 году, сразу после возвращения из командировки в Норвегию, я вновь приступил к работе в ПГУ КГБ СССР, которое, правда, размещалось, как я уже писал, теперь не в здании на площади Дзержинского, а в новом разведывательном комплексе за окружной дорогой Москвы в Ясенево. Третий отдел ПГУ на повседневном языке назывался англо-скандинавским отделом, хотя он занимался помимо указанных стран и регионов также Австралией, Новой Зеландией, Ирландией и Мальтой. В этом отделе Центра я проработал с 1972 по 1980 год, сначала заместителем начальника, а потом начальником.

В должности заместителя начальника Третьего отдела я занимался преимущественно Скандинавией. Политическими фигурами на Севере Европы, привлекавшими к себе особое внимание и интерес, были, конечно же, Улоф Пальме в Швеции и Урхо Кекконен в Финляндии. Я никогда с ними лично не встречался, и оба они не были объектами прямого разведывательного интереса, но их роль в развитии политической обстановки в Европе и мире мы оценивали высоко.

Улоф Пальме как политик нейтральной Швеции был близок Советскому Союзу в подходах ко многим международным событиям. На его мнение в нашей стране обращалось внимание задолго до того, как он стал премьер-министром. Это было вызвано тем, что Пальме, наряду с другими выдающимися европейскими государственными деятелями того времени — Вилли Брандтом в ФРГ и Андреасом Папандреу в Греции, выступал против войны США во Вьетнаме и распространения атомного оружия. Достаточно вспомнить ставшее широко известным участие Улофа Пальме в антивьетнамской демонстрации в центре Стокгольма в середине 60-х годов.

И тогда, и ныне покойный Пальме не избежал участи быть причисленным некоторыми политиками и средствами массовой информации к советской агентуре. Полностью безосновательные, не заслуживающие комментария домыслы. Пальме всю свою сознательную жизнь столь же резко критиковал социализм в Советском Союзе, как и американский капитализм. Он был сильной фигурой, им нельзя было командовать. Все, что он делал, подчеркивало независимость Швеции по отношению к великим державам. Исходя из известной мне разведывательной

информации о Скандинавии за последние десятки лет, могу с уверенностью опровергнуть слухи о близости или, напротив, враждебности Пальме Советскому Союзу.

Наши государственные деятели, особенно Алексей Николаевич Косыгин, высоко ценили Улофа Пальме. Встречи и переговоры с премьер-министром Швеции были неизменно плодотворными.

Должен заметить, что отношение Пальме и шведских социал-демократов к советской разведке отличалось от подхода норвежцев. Я в этом убедился, работая в Третьем отделе ПГУ. Нашим людям в Швеции никогда не удавалось достичь того уровня личных отношений с местными социалистами, которого добивались сотрудники разведки в Норвегии. И с другими политическими деятелями в этой стране по тем или иным причинам работать было труднее. Возможно, это мнение не совсем объективно, но, думается, что большая осторожность и меньшая открытость составляют черту национального характера шведов.

Частично объяснение, видимо, содержится в исторических предпосылках. В послевоенный период советско-шведские отношения в значительной мере осложняло уже известное российскому читателю «дело Валленберга». Как известно, Рауль Валленберг, в военные годы активно занимавшийся спасением евреев из гитлеровских концентрационных лагерей, был арестован советскими военными частями в Венгрии и исчез. В органах госбезопасности имелась информация о том, что он умер в Советском Союзе, но обстоятельства смерти не уточнялись. «Был найден мертвым в свой камере», — говорилось в документах. Все послевоенные годы официальные органы Советского Союза отмалчивалась, прикрываясь этими формулировками, и только с наступлением перестройки были преданы гласности некоторые архивные материалы по данному вопросу. Валленберг стал одной из жертв репрессивной сталинско-бериевской системы.

После войны Советский Союз стремился не бросать вызова Швеции ни в вопросах разведки, ни по другим направлениям. Конечно, у нас были агенты и там. Наиболее известным (после разоблачения) стал Стиг Веннерстрем, который работал на Главное разведывательное управление Генштаба Министерства обороны Советского Союза. Его работа, как и работа других разведчиков, была нацелена на выяснение деятельности НАТО на Севере Европы.

По отношению к Швеции мы всегда действовали очень осторожно, опасаясь спровоцировать Стокгольм на пересмотр

политики добровольно объявленного нейтралитета. Отдавая себе отчет в том, что шведский нейтралитет во многих случаях был прозападным, проамериканским, мы закрывали глаза на некоторые неприятные моменты, связанные прежде всего с Прибалтикой, в которой они вели агентурную работу. За послевоенные годы был разоблачен целый ряд советских граждан, завербованных шведской разведкой. Из разведывательных источников нам было достоверно известно, что шведская территория использовалась в качестве плацдарма шпионской деятельности против Советского Союза.

Еще с начала 50-х годов Швеция занималась разведывательной деятельностью, вторгаясь в воздушное пространство и территориальные воды Советского Союза. Имелись неопровержимые данные о том, что эти действия совершались в сотрудничестве с ЦРУ. Сегодня это уже не составляет секрета. Даже шведские исследователи в последние годы смогли привести достаточно убедительные данные о том, насколько значительной была эта активность.

Имея за плечами такой сильный козырь, как ЦРУ, шведские спецслужбы вели рискованную игру в сфере политики безопасности, разыгрывая карты сбитых самолетов и странных подводных лодок.

Стоит напомнить, что это происходило в тот период, когда у власти в СССР находились достаточно решительные, импульсивные руководители. Можно было поддаться соблазну проучить страну, чей нейтралитет оказался столь односторонним и дырявым. Но политика Советского Союза по отношению к Скандинавским странам никогда не была направлена против них. Только в тех случаях, когда они сами позволяли Соединенным Штатам вовлечь себя в опасные игры (как в случае с У-2), ситуация становилась напряженной и непредсказуемой. К счастью, благодаря ответственности наших тогдашних руководителей спровоцировать СССР не удалось.

Стоящие у власти шведские политики позволяли себе время от времени излишне морализировать по поводу политики Советского Союза. Москва реагировала на такие заявления болезенно, так как они затрагивали исторические корни двусторонних отношений, окрашенных как взаимным уважением, восхищением, так и завистью, подозрительностью. Ведь в отличие от Норвегии, с которой мы не воевали со времен викингов, Швеция и Россия хранили более свежие воспоминания о войнах друг с другом.

И все-таки избранную Швецией роль международного арбитра и блюстителя морали в годы холодной войны не следует

недооценивать. Хотя она и вызывала раздражение руководителей сверхдержав, но оказывала отрезвляющее действие, особенно когда страну возглавлял такой блестящий и острый политик, как Улоф Пальме. Требовались государственные деятели его масштаба, чтобы оказать влияние на процессы разоружения или урегулирования международных конфликтов. Он без колебаний, как уже отмечалось, критиковал Соединенные Штаты за вьетнамскую войну, а Советский Союз за введение войск в Чехословакию и Афганистан. Активная позиция Пальме в конечном счете способствовала диалогу между великими державами.

С буржуазными правительствами Швеции Советскому Союзу иметь дело было труднее. Только с неопровержимыми фактами в руках можно было побудить шведов снять маску показного «целомудрия». Особое место в отношениях двух стран в 70-е годы занимали утверждения шведских военных о якобы систематических заходах советских подводных лодок в территориальные воды Швеции. Каждый раз советская сторона опровергала эти утверждения. Поэтому такой инцидент, как посадка на мель в шведских шхерах в районе Карлскруны советской подводной лодки класса «Виски» (как окрестили ее на Западе) 28 октября 1981 г., явился настоящим подарком для определенных кругов Швеции. Эта нашумевшая история под названием «Whisky on the rocks», результат навигационной ошибки, в течение длительного времени осложняла наши отношения. Ряд шведских политиков и средства массовой информации нагнетали обстановку вокруг инцидента, развернув настоящую пропагандистскую войну. Атмосфера подозрительности подорвала многие прежние достижения в отношениях наших стран, ставшие возможными во многом благодаря умным, продуманным шагам Улофа Пальме.

Несмотря на опровержения со стороны Министерства обороны, Швеция представляла дело так, будто у Советского Союза не было иных стратегических интересов, кроме как «пасти» свои подводные лодки в шведских территориальных водах. Объяснение, что это была навигационная ошибка, отвергалось, и эпизод рассматривался как звено в цепи усилий по подготовке агрессивных действий в отношении Швеции.

Весной 1995 года это дело приняло иной оборот. Шведская сторона признала, что объекты, принимавшиеся ею за иностранные подводные лодки, были… морскими животными, которые никого не спрашивают, где им плавать. В результате этого «открытия» шумная многолетняя кампания лопнула, но дело было сделано, а шведы отнюдь не посыпали себе голову

пеплом.

Не менее интересной политической фигурой в 70-е годы был и президент Финляндии Урхо Кекконен. В западной политической литературе время от времени появляются намеки на то, что он чуть ли не был нашим агентом. Эти утверждения ошибочны, хотя по-своему понятны, потому что у Кекконена действительно были необычные контакты с нашей страной и ее представителями в силу особых отношений Финляндии с Советским Союзом.

Финляндия, принимавшая участие во второй мировой войне на стороне Германии, не могла выйти из войны, полностью сохранив свободу своих внешнеполитических действий, как не могла рассчитывать на это и сама Германия. Для Советского Союза было жизненно важно не допустить повторения ситуации, когда враждебные действия исходили бы от самой Финляндии или осуществлялись через ее территорию. Естественно, что советско-финляндский договор 1948 года в известной степени накладывал ограничения на внешнюю политику Финляндии.

С другой стороны, неизменность внутреннего положения Финляндии, высокий уровень жизни, низкая безработица и стабильность, отвечали нашим интересам. Советский Союз и Финляндия в послевоенный период стали образцом стран с различным общественным строем, умеющих строить двусторонние отношения на основе взаимной выгоды. Около четверти всего финского экспорта шло в Советский Союз, который размешал там ряд выгодных для финнов заказов, отдавая им предпочтение исключительно из благих внешнеполитических соображений. Экономическое сотрудничество с Советским Союзом после войны было «золотым веком» для Финляндии.

У.Кекконен прекрасно понимал, что самым важным для его страны было поддержание максимально дружественных отношений с Советским Союзом и заключение с нами выгодных экономических договоров и контрактов. В этих целях он задействовал все имевшиеся средства, включая дипломатию и личные контакты. Он часто бывал с визитами в Советском Союзе, хорошо лично знал руководителей нашего государства. Они также регулярно посещали Финляндию. Мне довелось в 70-х годах сопровождать в одной из таких поездок Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В.Подгорного.

Однако, в отличие, например, от Пальме, Кекконен поддерживал более тесные отношения с представителями посольства Советского Союза и относительно крупной резидентурой КГБ в Хельсинки. И советские послы, и советники-посланники часто встречались с Кекконеном. Он шел на контакт с

нашими резидентами для того, чтобы информировать и получать информацию. Несомненно, такой зондирующий обмен мнениями был полезен для подготовки официальных шагов и переговоров. Встречи с нашим резидентом, который, как правило, занимал в посольстве должность советника-посланника, носили довольно доверительный характер. В результате такого неофициального общения были найдены развязки по целому ряду серьезных проблем советско-финляндских отношений.

Разумеется, Советский Союз в отношениях с Финляндией всегда стремился отстаивать собственные интересы. Но Кекконен, как и Пальме, не был человеком, которому можно было приказывать, хотя в западных средствах массовой информации его подчас обвиняли в «зависимости» и «уступчивости». Он прислушивался к советам, но решения всегда принимал сам, исходя из интересов Финляндии. Неофициальные каналы общения использовались им ради реализации своей линии, которая так и утвердилась в истории международных отношений как «линия Паасикиви—Кекконена».

Если подвести итог анализу работы Третьего отдела ПГУ в Скандинавских странах, мы добились наибольших успехов в Норвегии. Наша резидентура в Дании работала менее удачно, что было обусловлено отчасти ошибками в ее комплектовании. В Швеции нам также не удавалось добывать информацию того уровня, который требовался. Финляндию с другими странами сравнивать неуместно.

Короче, наиболее интересные дела происходили в Норвегии. Резидентура действовала умело и изобретательно благодаря прежде всего профессионализму работавших в ней сотрудников. Может быть, не случайно впоследствии некоторые из них сделали успешную служебную карьеру, но считать Норвегию «чудодейственным» плацдармом для служебного роста, о чем немало пишется в Норвегии, не приходится. Кроме меня генералами стали работавшие там позднее Геннадий Федорович Титов и Владимир Иванович Жижин, причем последний — самым молодым генералом за всю послевоенную историю КГБ..

Когда Титов в качестве заместителя резидента прибыл в Осло в 1971 году, за его плечами был уже солидный опыт. Он окончил одно из высших учебных заведений Лондона, затем, в 60-е годы, весьма успешно работал в нашей резидентуре в Великобритании. Титов был необычайно целеустремленным оперативным работник ком, досконально владевшим всем арсеналом методов разведки. Он терпеливо вел изучение, разработку и вербовку агентов, добывал нужную информацию, умело строил отношения с

людьми, и в дополнение к этому у него был острый политический ум. Иными словами, у Титова было все необходимое для разведчика и руководителя и он успешно справлялся со своими обязанностями на всех занимаемых постах.

После моего возвращения в Центр в 1972 году он стал резидентом в Норвегии. В 1977 году после ареста Ховик Титов в числе других был выслан из Норвегии и стал заместителем начальника Третьего отдела ПГУ, где я в это время был руководителем. Вскоре Титов стал помощником начальника разведки Владимира Александровича Крючкова, а после моего назначения заместителем начальника ПГУ вновь вернулся в Третий отдел его начальником. В 1984 году его командировали в Берлин сначала первым заместителем представителя КГБ СССР при МГБ ГДР а затем он стал представителем. Зарубежная карьера Титова завершалась в Германии, где и началась в 50-е годы.

С Владимиром Жижиным я познакомился в Осло в 1970 году. Тогда он, студент МГИМО, проходил шестимесячную преддипломную практику в нашем посольстве. Владимир свободно говорил по-норвежски и подменял, когда была в этом необходимость, опытных дипломатов. Мне понравился этот молодой человек, проявлявший большой интерес к внешней политике, профессионально и успешно решавший различные задачи по линии посольства, легко устанавливавший контакты с иностранцами, вызывая их доверие и симпатию, обнаруживший незаурядные аналитические способности. Как-то сразу появилась уверенность в том, что он станет талантливым разведчиком.

Однажды я отвел его в сторону и спросил, кто из сотрудников посольства, на его взгляд, выполняет разведывательные функции. Он ответил, что точно сказать трудно, но степень активности дипломатов в установлении и поддержании контактов, очевидно, может дать ключ к разгадке.

Так началось наше знакомство. Через три года, после моего возвращения в Центр, он вновь приехал в Осло, теперь уже в качестве офицера советской внешней разведки. Хорошо владея помимо норвежского английским и немецким языками, он работал в дальнейшем в США и Германии, где ощущалась потребность в людях с разносторонними знаниями и навыками. В 1988 году Жижин стал помощником руководителя разведки. В том же году он возглавил секретариат КГБ, а в начале 1991 года вернулся в разведку заместителем ее начальника. Генерала ждало большое будущее, если бы не известные события, приведшие к разгрому комитета. Жижин вышел в отставку сразу после назначения председателем КГБ СССР Бакатина в знак протеста

против сознательного разрушения советских органов госбезопасности.

Начальником Третьего отдела ПГУ на момент моего возвращения из Норвегии в 1972 году был Дмитрий Иванович Якушкин, яркая личность с интересной родословной. Он происходил из семьи потомков известного героя Отечественной войны 1812 года и декабриста И.Д. Якушкина. Получив высшее сельскохозяйственное образование, Дмитрий одно время работал ближайшим помощником министра сельского хозяйства Бенедиктова. Именно с этой должности он был взят на службу в разведку. Мы одновременно учились с Якушкиным в разных отделениях «школы № 101». К моменту нашей встречи в Третьем отделе ПГУ за плечами Якушкина была успешная командировка в качестве оперативного сотрудника в Соединенные Штаты Америки.

Якушкин был очень начитанным, знающим и энергичным начальником отдела. Однако имелись у него и слабые стороны. Он был чрезмерно раздражительным, давал волю эмоциям и срывал гнев на подчиненных. Для молодых сотрудников, которые готовились к своим первым загранкомандировкам или только что понюхали пороху за рубежом, такие выволочки становились серьезным психологическим испытанием и забывались не скоро. Сам Якушкин потом переживал из-за своей несдержанности и в доверительных беседах признавал недостатки. Но таков уж был его характер, и ненужные разносы периодически повторялись.

С другой стороны, Якушкин был колоритной и запоминающейся личностью, интересным собеседником, обладал широким кругом связей как в Москве, так и за рубежом.

В 1975 году его направили резидентом КГБ в Вашингтон. В США он поддерживал многочисленные контакты, и о нем часто упоминалось в прессе. После возвращения в Москву он возглавлял американский отдел Первого главка. В 1993 Году Якушкина наградили знаком «За службу в разведке», Которым удостоены очень немногие. Журнал «Новое время» писал тогда: «Есть сведения о том, что под его руководством осуществлялась работа с человеком, которого американцы называют «русским агентом номер один». О роде деятельности Дмитрия Ивановича американцы были осведомлены, однако это не мешало ему поддерживать отношения с госсекретарем США, многими видными сенаторами, конгрессменами и членами правительства… Роналд Кесслер, автор книги «Внутри ЦРУ», утверждает, что американцы якобы делали Якушкину вербовочное предложение, пообещав за согласие 20 миллионов

долларов.

Без колебаний хочу подчеркнуть, что среди многих талантливых и разносторонних офицеров разведки, с которыми мне посчастливилось близко познакомиться, Якушкин занимал особое место. Я не только уважал его за высокий профессионализм, но смог по достоинству оценить и его сложный, богатый внутренний мир. Мы оставались друзьями вплоть до смерти Якушкина в 1994 году.

В Третьем отделе ПГУ между Д.И. Якушкиным и мною с самого начала установилось взаимопонимание, хотя мы придерживались разных методов воспитания оперативного состава и работы с ним. Я всегда старался найти к каждому сотруднику свой подход, исходя из уровня его подготовки, опыта и особенностей характера. Оперативный работник должен быть не просто исполнителем приказов. Напротив, профессия требует, чтобы он действовал творчески, проявляя свои лучшие качества.

Работая «в поле», некоторые сотрудники бывают сверхосторожными, избегают даже оправданного риска. В то же время в некоторых ситуациях они проявляют способности, которыми не обладают их более смелые сослуживцы. Например, они умеют уверенно поддерживать безличную связь с применением технических средств. Другие офицеры отличаются смелостью, хладнокровием и выдержкой, умеют разумно рисковать и добиваться успеха, но не обладают способностью легко устанавливать контакты с нужными категориями иностранцев. Случались, конечно, при направлении на работу и ошибки. Молодой сотрудник, который Во время учебы и подготовки в Центре казался подающим надежды, терялся, попав в реальную ситуацию, оказывался непригодным к работе. Напротив, его, казалось бы, менее перспективные коллеги нередко раскрывались и действовали «в поле» грамотно и эффективно.

Если Центр ставил перед молодым офицером слишком сложные задачи, которые являлись для него непосильными, он мог лишиться веры в свои силы навсегда, впасть в уныние или панику. При умелом же руководстве оперативным работником, проверке его на конкретных заданиях с постепенным их усложнением последний получал шансы, набравшись опыта и поверив в успех, доказать, что ему многое по плечу.

Вот почему, на мой взгляд, было чрезвычайно важно, чтобы руководство подразделений хорошо знало разведчиков, направляемых за рубеж, верно оценивало их потенциал, политические взгляды, жизненные установки, способность к

самосовершенствованию, психологическую устойчивость, увлечения и привычки. Эта задача была совсем непростой, поскольку речь шла о десятках подчиненных, в большинстве своем молодых офицеров.

На первый взгляд мои размышления и доводы в пользу индивидуального подхода могут показаться банальными и очевидными, но на практике далеко не все руководители в разведке следовали этому принципу. Соглашаясь с ним на словах, старшие офицеры зачастую не соблюдали его. Мне неоднократно приходилось отстаивать свои взгляды на этот счет. Проиллюстрирую лишь одним примером из 80-х годов, когда я был первым заместителем начальника разведки. Начальник одного из европейских отделов ПГУ находился у меня на докладе о результатах работы курируемых резидентур. С большим энтузиазмом он начал излагать изобретенный им критерий оценки деятельности загранаппаратов и работников. Он извлек из папки схему, с помощью которой продемонстрировал соотношение финансовых расходов его отдела и добытой информации, что лежало в основе оценки вклада сотрудников, эффективности источников информации, давалась классификация и тех и других.

Я попросил оставить материал и внимательно изучил его. Анализ действительно давал некоторую пищу для размышлений. И от соображений начальника отдела не следовало отмахиваться: он имел хорошие результаты в оперативной и информационной работе. Тем не менее предложенный критерий оценки был, на мой взгляд, неприемлемым, о чем я и сказал начальнику отдела на следующий день, попытавшись обосновать свою позицию: «Вы представляете своих сотрудников как безликую массу и пытаетесь всех стричь под одну гребенку. А ведь каждый из них — личность со своими плюсами и минусами. Один имеет за плечами десять лет работы в Париже или Лондоне, знает полгорода, а другой только что прибыл в резидентуру и устанавливает первые контакты. Кто-то работает под прикрытием посольства и лично знаком с премьер-министром, а кого-то по оперативным соображениям направили в страну в качестве студента. Разве можно с него спрашивать высокий уровень контактов? У всех различные условия, и не принимать их во внимание нельзя».

Я предложил начальнику отдела подготовить телеграмму в резидентуры с требованием отказаться от механического подхода в оценке результатов оперативного состава, пригрозив в противном случае сделать это сам. Если он не согласен, то может обжаловать мое указание начальнику разведки.

На следующее утро офицер позвонил мне и сообщил, что текст телеграммы готов. До сих пор не знаю, действительно ли я убедил его или он подчинился формально, согласно субординации. Это не повлияло на наши личные отношения, мы дружны и поныне.

Но вернемся к Третьему отделу. Несмотря на различия в темпераменте и стиле кадровой работы, наше сотрудничество с Д.И. Якушкиным складывалось хорошо, что объяснялось взаимным доверием. Он полагался на мой опыт оперативной работы и знание обстановки в регионе. Мне было поручено поддержание повседневных контактов с резидентурами, в то время как сам Якушкин сосредоточился на других многочисленных аспектах работы начальника отдела.

Одной из важнейших своих задач я считал встречи с оперативными работниками во время их отпусков или служебных командировок в Центр. С самого начала руководящей работы и вплоть до завершения карьеры я не жалел для этого времени. Думаю, что в значительной мере успехи разведки были связаны в конечном счете со знанием людей.

Должность начальника оперативного отдела разведки всегда имела ключевое значение. Именно от него зависели результаты всей работы, достижения и неудачи. Во-первых, любой загранаппарат и каждый сотрудник должны были не просто получать приказы, а рассчитывать на советы, которые были бы конструктивными, полезными и одновременно поощряющими. Я придавал большое значение тому, чтобы все находящиеся за рубежом сотрудники повседневно ощущали обратную связь, заинтересованное отношение отдела ко всем своим шагам. Разведка в моем представлении не столько отлаженный механизм, сколько живой организм. Ничто так не вдохновляет добросовестного офицера, как сочетание обоснованной критики с похвалой.

Руководство отдела большое внимание уделяло совершенствованию разведывательной работы. Мы предъявляли оперативному составу все более высокие требования. Мелочей в разведке нет. Приходилось добиваться точности формулировок в информационных сообщениях, которые в условиях быстро менявшейся международной обстановки пошли широким потоком. Получаемая информация тщательно анализировалась, из нее устранялись проявления субъективизма и шаблоны. Информационно-аналитическая служба разведки получала лишь сами сведения, документальные или собранные из различных источников. Работники этой службы, оценивая и обрабатывая материалы для последующего доклада высшему руководству

страны, не имели права знать источники. Для них важными были лишь актуальность, своевременность и достоверность сведений. Вот за это и отвечали добывающий аппарат и оперативные отделы Центра.

Со временем недостатка в количестве информационных сообщений из-за рубежа не стало, однако «вал» никогда не был для разведки определяющим в оценке результатов работы. Первостепенное значение придавалось освещению приоритетных проблем и качеству информации. Руководство ведомства и разведки постоянно обращало внимание на необходимость систематического отслеживания ряда важнейших тем, показа тенденций развития событий. Скажем, проблему отношений Великобритании с Общим рынком невозможно было раскрыть в одной или нескольких информационных телеграммах. Ее необходимо было рассматривать с различных углов зрения и поэтапно.

В отдельных случаях мне доводилось лично давать оперативным работникам совет отказаться от вербовки того или иного иностранца, хотя для этого имелись благоприятные предпосылки. Для любого сотрудника вербовка — это «высший пилотаж», свидетельство его способностей и квалификации, а в глазах Центра — показатель отдачи отдела, но установление агентурных отношений не всегда является самым разумным шагом. В одной из европейских стран удалось установить хороший контакт с одним из ближайших помощников премьер-министра, который поддерживался примерно десять лет. Учитывая статус иностранца, я посоветовал оперативному работнику не доводить дело до вербовки, поскольку она могла создать проблемы с его безопасностью и обернуться для него тяжелыми переживаниями. Он устно сообщал нам сведения, в которых мы нуждались, в их достоверности сомнений не возникало, и все эти годы мы рассматривали помощника премьера «только» как информационный источник. Задачей оперативного работника было лишь развивать и стимулировать сложившиеся отношения, принимая самые элементарные меры предосторожности против подслушивания. Отношения сознательно были лишены какой-либо конспиративности. Опыт показал, что такой подход в ряде случаев был предпочтительнее и успешно практиковался в Англии и Финляндии.

Одной из важнейших задач любого оперативного сотрудника разведки за рубежом, разумеется, было создание сети информационных источников, преимущественно агентуры. Однако не менее важным, на мой взгляд, в то время было установление такой категории контактов, как «доверительные

связи». К ним относились иностранцы, пользовавшиеся доверием оперативных работников в силу своих знаний, надежности, близких политических взглядов и желания делиться объективной информацией. В правительственной, дипломатической сферах и, естественно, в разведке нередко возникала потребность обменяться неофициальной информацией с целью избежания недоразумений между руководителями государств. При этом каналы и содержание информации не афишировались. Доверительным связям обычно оказывались знаки внимания в виде подарков, приглашений и т. д., однако было принято проявлять чувство такта, чтобы у партнера не возникло ощущения зависимости.

Успех работы за рубежом в значительной, часто решающей степени зависел от резидентов. С учетом большого объема работы, который ложился на их плечи, некоторым казалось соблазнительным и оправданным проводить большую часть времени в посольстве, координируя деятельность сотрудников по различным линиям. Я всегда выступал против таких настроений, считая, что у резидента должен быть самостоятельный участок оперативной работы, в том числе вербовочной, информационной и по поддержанию связи с агентурой. Личный пример руководителя бесценен для подчиненных, к тому же он постоянно держит руку на пульсе событий, не останавливается в оперативном росте. Опытному резиденту, как правило старшему дипломату посольства, легче устанавливать контакты достаточно высокого уровня в кругах, где формируется и проводится внешняя политика страны пребывания, чувствовать тенденции ее развития, и я всегда требовал от офицеров, находившихся у меня в подчинении, выполнения оперативной работы.

После отъезда Якушкина на работу в Вашингтон в 1975 году меня назначили вместо него начальником англо-скандинавского отдела. Круг задач и сфера ответственности существенно возросли. Начальник оперативного отдела принимал непосредственное участие в координации деятельности с другими подразделениями Главка ради достижения целей, которые ставило политическое руководство страны, например по отслеживанию состояния американского ядерного потенциала. Именно начальник должен был осмыслить и предложить пути решения приоритетной проблемы, условно разбить ее на составляющие и определить задания резидентурам и конкретным работникам.

Начальники оперативных отделов, кстати, лично отвечали за организацию и осуществление финансовой помощи коммунистическим партиям в курировавшихся странах. КПСС еще

со времен революции оказывала материальную поддержку братским партиям за рубежом, особенно тем, которые были запрещены. Это продолжалось вплоть до 1990 года. Деньги выделялись из особого фонда партии и передавались по назначению в соответствии с закрытыми решениями ЦК.

Важнейшей задачей начальника отдела совместно с кадровым аппаратом был и подбор новых сотрудников в разведку, их подготовка. Выбор кандидата для зачисления в разведку требовал особого внимания и комплексного изучения. Насколько тяжелыми являются последствия ошибок, показывают случаи предательства. Далеко не все офицеры оправдывали оказанное им доверие. Именно эта работа не была сильной стороной Якушкина, взявшего в отдел будущего изменника Родины Гордиевского. В качестве оправдания следует заметить, что подлости, как и таланту, необходимо время, чтобы проявиться.

К работе по подготовке молодых сотрудников с середины 70-х годов был подключен легендарный Ким Филби. Он начал сотрудничать с советской разведкой еще в 30-е годы, выдвинулся в число руководителей британской контрразведки. Все это время он оставался одним из наиболее ценных наших источников. Как и еще один из представителей «великолепной пятерки» советских разведчиков в Англии — Дональд Маклин, Ким Филби ввиду реальной угрозы ареста нашел убежище в Советском Союзе.

В то время, когда я познакомился с Филби, он был разочарован развитием событий в стране, которой посвятил свою жизнь. Сотрудничая с нами исключительно на идейной основе, Филби, несмотря на неоднократные предложения, никогда не взял ни копейки. Он был убежденным коммунистом и рассматривал свою деятельность как партийную работу. До прибытия в Москву он полагал, что уровень развития социализма в нашей стране выше, чем на самом деле. Его раздражало отсутствие дискуссий и политических свобод, самолюбование стареющего советского руководства, все более явные тенденции застоя.

К моей просьбе принять участие в подготовке молодого поколения советских разведчиков Филби отнесся, однако, с большим энтузиазмом. На одной из конспиративных квартир КГБ в центре Москвы он регулярно стал встречаться с группой начинающих сотрудников, где на английском языке проводились беседы и семинары. Уже немолодой Филби проявил себя выдающимся инструктором и воспитателем. По нашей просьбе он готовил очень точные и емкие характеристики офицеров, с которыми вел занятия, рекомендовал перспективные направления их использования, делился собственными наблюдениями.

Он умел подмечать сильные и слабые стороны собеседников, пожалуй, так, как это не удавалось никому. Одного из молодых офицеров, которого Филби охарактеризовал как человека по-своему талантливого, но несколько расхлябанного и несамокритичного, впоследствии командировали в Данию. Тот вскоре без ума влюбился в замужнюю датчанку, стал ей надоедать своими ухаживаниями, преследовать. Кончилось все печально. Датчанка пожаловалась на ловеласа своему мужу, а тот довел информацию до советского посольства. Сотрудника отозвали в Москву. И во многих других случаях замечания и прогнозы Филби сбывались почти полностью. К счастью, большинство из воспитанников старого разведчика блестяще оправдали его надежды и ожидания.

Если в послевоенный период у КГБ существовало много постоянных источников, сотрудничающих с нами из идейных побуждений, то в 60-70-е годы их становилось все меньше и меньше. Главным побудительным мотивом сотрудничества становились материальные затруднения. В дополнение к материальному фактору разведка пользовалась иногда компрометирующими материалами, например сведениями о сексуальных отклонениях или склонности к алкоголизму. Так, гомосексуализм не допускался среди служащих в государственных учреждениях Англии, но по той или иной причине именно там он был особенно распространен. Одним из примеров такого рода являлась вербовка морского офицера Джона Вассала. В конце концов он был арестован и осужден, отбыл свой срок и написал книгу о своих контактах с советской разведкой. Однако с наступлением сексуальной революции на Западе отношение к разного рода сексуальным отклонениям становилось все более либеральным и они как возможная основа вербовки стали утрачивать свое значение. То, что ранее могло обернуться скандалом и использовалось для нажима на нужных людей, стало на практике неприменимым.

Следует сказать, что особенности личности или слабость характера никогда не создавали прочную основу для сотрудничества со спецслужбами. Такие агенты зачастую действовали вяло, безынициативно и нередко вводили в заблуждение, принося больше вреда, чем пользы. Сотрудник ГРУ, например, установил контакт с одним спившимся офицером, погрязшим в долгах. Через короткое время тот был разоблачен, а советский военный атташе выслан из страны.

Короче говоря, разведки испокон веков практиковали различные формы сотрудничества и контактов. Искусство

руководства всегда состояло в том, чтобы использовать нужные стороны каждого сотрудника и источника и не дать развиться их слабостям. Вновь повторю, что индивидуальный подход к каждому человеку и случаю — это главный урок, который я вынес из работы в Центре с самого начала.

В КГБ в целом и во внешней разведке в особенности по этому вопросу велись далеко не теоретические споры. Представители старшего поколения, несколько оторвавшиеся от реалий, недооценивали значение доверительных связей и не понимали своеобразия работы с ними. Они стояли на том, что либо иностранец должен быть агентом, либо он не стоит внимания. Либо он будет добывать секретные документы, либо ни на что не пригоден. Легко и просто. Многие оценивали разведывательную работу, только исходя из этого критерия, а доверительные связи рассматривали как некий полуфабрикат — «ни рыба ни мясо».

Я же считал и продолжаю считать, что доверительные связи способны существенно дополнять получаемую информацию сведениями, которые невозможно получить из секретных документов и от агентуры. Документы надежно освещают реальные факты, и в этом их ценность. Но в них вовсе не обязательно раскрываются перспективы, образ мышления, существующие в обществе идеи и взгляды и возможности поиска будущих решений проблем во взаимоотношениях между государствами. В этом плане именно доверительные связи, как правило, с людьми думающими, ищущими и заинтересованными в улучшении отношений могли восполнить пробел.

С другой стороны, наблюдалась и другая крайность: некоторые молодые разведчики полагали, что в век информационной революции агентурная работа чуть ли не изжила себя и может быть заменена полуофициальными контактами и современными техническими средствами перехвата сведений. Такой подход также недальновиден. Если мы хотим научиться чему-то у истории, то лишь умелое сочетание всех форм разведывательной работы при сохранении костяка надежной агентуры может обеспечить успех, особенно в кризисных ситуациях.

Первая крупная задача, которая имела отношение к событиям на высшем международном уровне, была возложена на меня вскоре после возвращения из Норвегии в Центр в 1972 году. Наряду с представителями других ведомств я должен был участвовать в подготовке к конференции, которая впоследствии вылилась в Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Центральную роль в выдвижении идеи выработки документа, регулирующего отношения между европейскими

государствами, США и Канадой, открывающего возможности их сотрудничества, минуя идеологические и блоковые границы, и создающего более предсказуемый политический климат, сыграли министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко и его ближайшие помощники. Работа по осуществлению этого замысла велась на разных уровнях и по различным направлениям с проведением множества подготовительных встреч внутри страны и за рубежом.

Громыко получал солидную поддержку от ряда советских министерств и ведомств в проработке конкретных вопросов. Первое главное управление, а также другие службы КГБ систематически снабжали его достоверной информацией о планах и намерениях западных стран, с тем чтобы разработать стратегию и тактику переговоров, спланировать и реализовать желаемые цели, исходя из возможного и необходимого. Результаты совещания должны были отвечать интересам всех участвующих сторон, и в первую очередь Советского Союза.

Целеустремленная работа Громыко и всей советской команды со временем нашла отклик у Председателя Социнтерна, будущего канцлера ФРГ Вилли Брандта и других западноевропейских политиков. Международная атмосфера созрела для проведения СБСЕ на высшем уровне. Историческое совещание состоялось в августе 1975 года в финской столице, где были подписаны итоговые документы.

Советская внешняя разведка, как уже сказано выше, активно помогала подготовке к совещанию на всех этапах. Были задействованы все наши каналы для выявления подлинных мотивов Запада, и с этой задачей, по моему мнению, разведка справилась. В начале консультаций я по-прежнему оставался заместителем начальника англоскандинавского отдела ПГУ в звании майора, а затем подполковника, но ближе к хельсинкской встрече меня назначили начальником отдела. На меня легла солидная доля ответственности за подготовку СБСЕ по линии разведки.

Я считаю, что разведывательная информация оказала известное влияние на взгляды высшего руководства страны в период подписания документов в Хельсинки. Мы смогли доказать, что намерения Запада не расходились кардинальным образом с национальными интересами Советского Союза. Тем, кто утверждает сегодня, что КГБ якобы исходил из теории заговора против Советского Союза и противился всем предложениям Запада, могу твердо заявить, что наш подход был непредвзятым, конструктивным и компромиссным. Об этом руководству страны

было хорошо известно.

Настроения в самой разведке были явно в пользу хельсинкского процесса. Председатель КГБ СССР Ю.В.Андропов уделял большое внимание нашей работе по подготовке совещания, решению возникавших проблем. За несколько дней до его начала он приехал в штаб-квартиру разведки в Ясенево, чтобы присутствовать на докладе о проделанной работе по подготовке многосторонней встречи в верхах, сделанном мною. Наряду с другими вопросами, естественно, были обсуждены принятые по линии Комитета меры безопасности в связи с предстоявшим прибытием в Хельсинки высокопоставленной советской делегации во главе с Л.И.Брежневым. Андропов детально прошелся по политическим аспектам подготовленных соглашений, подчеркнув огромное значение договоренностей и их важность для Советского Союза. В моем присутствии председатель позвонил одному из доверенных лиц Брежнева (впоследствии ставшему Генеральным секретарем ЦК КПСС) Константину Устиновичу Черненко, который собирался выехать в Хельсинки в составе делегации, и сказал, что по линии разведки сделано все необходимое для успешного осуществления миссии. Для меня и моих подчиненных это означало признание высокого профессионализма и значимости проделанной работы.

Но на этом работа, разумеется, не закончилась. Финляндия входила в число стран, курировавшихся Третьим отделом ПГУ, и на меня ложилась ответственность за целый ряд обеспечивающих безопасность и координирующих функций в ходе совещания. Во-первых, мы должны были задействовать все местные источники, а также организовать направление наших контактов из различных стран в качестве членов делегаций и журналистов для получения закулисной информации по ходу совещания. Это было важно не столько с точки зрения чисто информационной работы, сколько для оказания помощи в поиске возможных решений и развязок, в которых были заинтересованы все стороны.

Думается, что именно СБСЕ в Хельсинки в 1975 году было блестящим примером содействия разведывательной работы поиску компромиссов в межгосударственных делах.

Работа по обеспечению безопасности советской делегации во главе с Брежневым на переговорах была многообразной и кропотливой. Резидентура и Центр разведки максимально содействовали профессионалам из охранной службы во всем, вплоть до мелочей. Напряжение достигало наивысшего накала, когда со мной случился забавный эпизод, неожиданно повысивший мой «рейтинг» наверху.

Ожидая открытия СБСЕ, сижу я в своем кабинете в Ясенево,

принимаю сообщения по осуществлению мер безопасности. Звонит телефон. На проводе не кто иной, как первый заместитель председателя КГБ Г.К. Цинев, один из приближенных Брежнева. Требует доклада о положении вещей. Он исходит из того, что у меня есть прямая закрытая связь с Хельсинки (что соответствовало действительности) и я лучше других владею информацией.

«Где сейчас находится Леонид Ильич?» — спрашивает Цинев. Он явно обеспокоен в первую очередь состоянием здоровья Брежнева, которое уже в то время оставляло желать лучшего. Отвечаю: «Он как раз сейчас подъезжает на автомашине к дому «Финляндия», в котором будет проходить встреча». Цинев интересуется: «Далеко ему идти пешком?» — «Нет. Машины остальных глав государств останавливаются чуть поодаль, а нашего Генерального секретаря подвозят сейчас прямо к главному входу». «Отлично», — констатирует Цинев, явно удовлетворенный столь высокой степенью осведомленности разведки. Разочаровывать его я не стал, поскольку все необходимые меры действительно были приняты заранее. Не стал я и уточнять, что догадался включить телевизор и вижу на экране все происходящее.

Если отбросить шутки, то обеспечение безопасности в ходе хельсинкского совещания было тяжелой задачей, и облегчение наступило только после возвращения нашей делегации в Москву. Остается добавить, что после совещания меня наградили орденом Дружбы народов и представили к званию полковника.

Документы, подписанные в Хельсинки, открыли новый исторический этап в межгосударственных отношениях. Заключительный акт выражал единство участников во взглядах на такие принципы, как равенство и суверенитет государств, отказ от применения силы и угроз, признание нерушимости границ и территориальной целостности стран Европы, мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела друг друга, уважение прав человека, равноправие и взаимовыгодное сотрудничество, соблюдение норм международного права.

На практике итоговые документы Хельсинки означали признание ГДР в качестве самостоятельного государства, что мы рассматривали как значительную победу советской внешней политики. То, что это государство не выдержало испытания временем, я связываю прежде всего с политическими переменами в нашей собственной стране и прежде всего с антинациональным внешнеполитическим курсом, проводившимся Горбачевым в конце 80-х годов. Положение о правах человека вызывало в ходе

переговоров в рамках СБСЕ особые дискуссии, поскольку многие в Советском Союзе опасались его использования в пропагандистской войне против нас. Мы в разведке считали, что под этим пунктом Советскому Союзу можно было подписаться, поскольку закрепление заложенных в нем принципов смягчило бы международную обстановку и задало определенный характер отношений для всех, не только для восточноевропейских стран!

Договоренности в рамках СБСЕ были апогеем в послевоенном сближении между Востоком и Западом. Они уменьшили опасность глобальных и региональных конфликтов и содержали правовую основу для сотрудничества между странами, смягчив климат большой политики. Собственно говоря, совещание 1975 года в Хельсинки расчистило завалы противоречий между странами, накопившихся в годы холодной войны.

Глава 12
На пути к «бархатным революциям»

В декабре 1980 года я стал заместителем начальника Первого главного управления КГБ СССР. Начальнику ПГУ подчинялись два первых и несколько «обычных» заместителей, которые руководили разведывательной работой в различных регионах мира. Поскольку я пришел из англо-скандинавского отдела, мне поручили заниматься Европой.

Если, будучи начальником Третьего отдела, я знал практически всех офицеров разведки, все источники информации и вербовочные разработки в резидентурах отдела за рубежом, то, став заместителем руководителя разведки по Европе, я в первое время оказался в информационном вакууме. Надо было быстро осваивать малоизвестное поле деятельности. Естественно, я ознакомился с отчетными материалами новых для меня резидентур. Провел десятки и сотни часов в беседах с резидентами и работниками резидентур, которых ранее не знал, изучил множество оперативных дел. Очень полезными были командировки в новые для меня страны. Они обогащали мои представления о конкретных условиях работы в каждой из этих стран. Прошло не менее двух лет, прежде чем я стал, как говорится, чувствовать на кончиках пальцев деятельность каждой из курируемой мною резидентур и на этой основе принимать необходимые решения, не полагаясь только на мнения и предложения руководителей соответствующих оперативных подразделений разведки.

Первая половина 80-х годов характеризовалась вновь нарастающим обострением отношений между Востоком и Западом, размыванием климата сотрудничества, созданного после подписания соглашений СБСЕ. Одним из существенных факторов такого развития событий, несомненно, явился конфликт вокруг Афганистана, куда в декабре 1979 года вошли советские войска.

Когда я вступил в новую должность, Советский Союз уже вел войну в Афганистане. Эта проблема не относилась непосредственно к кругу моих обязанностей, но передо мной стояла задача отслеживать реакцию европейских государств на развитие обстановки в этой части земного шара. Ситуация была настолько серьезной, что не могла не занимать всех нас. Одним из заметных непосредственных проявлений международного

кризиса стал бойкот Московской олимпиады Соединенными Штатами, хотя из европейцев их поддержали только Западная Германия, Норвегия и Турция.

Из разведывательных источников, в том числе в Европе, поступала достоверная информация о вмешательстве США, главным образом через Пакистан, во внутренние афганские дела. Цели США, согласно этой информации, были очевидными: вовлечь как можно глубже и масштабнее нашу страну в конфликт в Афганистане, превратить его в незаживающую кровоточащую рану, усилить влияние исламского фактора на обстановку в советских среднеазиатских республиках, истощить военные ресурсы нашей страны и подорвать ее экономику.

То, что американцам в целом удалось добиться своего, во многом объяснялось положением в советском руководстве. В высших эшелонах власти были талантливые государственные деятели, но далеко не все. Министр иностранных дел А.А.Громыко обладал огромным опытом, знаниями, необыкновенной работоспособностью и был известен своим умением вести международные дела. Большим авторитетом пользовались министр обороны Д.Ф.Устинов и председатель КГБ Ю.В.Андропов, отличавшийся титанической работоспособностью.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев был к этому времени настолько болен, что его публичные появления походили на пародию. Заседания политбюро становились все короче и короче. Когда Брежнев в 1982 году представлял В.В.Федорчука в качестве нового председателя КГБ, он забыл его фамилию и назвал Федоровым.

Окружение Брежнева, по сути, интересовалось только сохранением своего положения. Во внешней политике большинство из них разбиралось слабо. Все ложилось на плечи Громыко, Андропова и Устинова. Когда Андропов после недолгого пребывания на посту Генерального секретаря в феврале 1984 года ушел из жизни, никто из политбюро не выступил против избрания смертельно больного Черненко. Напротив, многие поддержали его кандидатуру из желания подольше ничего не менять.

Положение наверху не составляло секрета для разведчиков, но об этом говорилось лишь в доверительных беседах. Начальнику разведки В.А.Крючкову, от которого я ничего не таил, я прямо высказывал свое мнение о руководстве страны. Всегда выдержанный и дипломатичный, он отмалчивался, но это молчание можно было истолковать как согласие.

Трудно сказать определенно, но есть основания полагать, что Громыко и Андропов вначале сомневались в целесообразности

направления советского воинского контингента в Афганистан, в то время как Устинов и военные настаивали на этом. Руководство страны оказалось не в состоянии дать адекватную реальностям оценку положения в Афганистане и вокруг него и на этой основе сделало ошибочный прогноз развития событий, который имел весьма негативные последствия для нашей страны. Стало очевидным, что надо искать пути достойного выхода из создавшейся ситуации. Крючков со своей стороны сделал все, что было в его силах, для урегулирования этого конфликта. Он лично выезжал в Афганистан более 20 раз, но снежный ком, катящийся с горы, остановить удалось лишь спустя много лет. В любом случае ввод войск в Афганистан, я считаю, был роковой ошибкой.

Еще более тревожной и сложной проблемой международной политики в начале 80-х годов была гонка вооружений, резко увеличившаяся в связи с размещением в Западной Европе американских ракет среднего радиуса действия. Она существенно повысила риск развязывания ядерной войны в результате случайностей или просчетов. А перспектива постоянного наращивания военных расходов для сохранения паритета больно ударила по экономическим интересам Советского Союза, заставила работать экономику на пределе возможностей, снизить жизненный уровень советских людей.

Некоторые страны Западной Европы, в том числе и Скандинавские, сдержанно отнеслись к принятому НАТО в декабре 1979 года так называемому «двойному решению» по ракетам средней дальности. Советский Союз всемерно пытался повлиять на ход событий. Однако решимость США добиться своего и поддержка со стороны ФРГ предопределили появление в Европе нового опасного для нас оружия.

Суть этого решения — размещение в Европе нового класса ракет средней дальности при готовности вступления в переговоры с СССР относительно ограничения и сокращения этих средств.

С военной точки зрения решение НАТО кардинально изменило сложившуюся структуру ядерного равновесия в пользу США и НАТО и было чревато резким ослаблением советского потенциала сдерживания. Высокоточные ракеты «Томагавк» и «Першинг-2» с подлетным временем до цели на территории Союза в 6–8 минут в случае конфликта были в состоянии полностью дезорганизовать оборону, управление, вывести из строя военные объекты, включая стратегические, на всей европейской части СССР. Таким образом американцы получали возможность ведения «ограниченной» ядерной войны в Европе, то есть фактически без использования стратегических средств, размещенных в США.

Советские же ракеты средней дальности, то есть СС-20, которые мы разворачивали в середине 70-х годов, территории США не достигали.

Когда президентом США стал Р. Рейган, выяснилось, что он не удовлетворится завершением холодной войны без победителей и побежденных, а во что бы то ни стало постарается одержать в ней бесспорную победу.

В этой сложной обстановке требовалось постоянно иметь исчерпывающую информацию о положении дел в Европе. Работая в руководстве разведки, а впоследствии и КГБ в целом, я убедился в том, насколько хорошо мы были информированы о планах и намерениях США и НАТО. Возьму на себя смелость утверждать, что мимо нас не прошел ни один имевший значимость натовский секретный документ.

Однако и в этом плане сложности нарастали. Работа по добыванию такой жизненно важной для страны информации была чрезвычайно трудной. Делались попытки дезинформировать разведку, продвинуть нам через подставных источников ложные сведения, например о разработке новых военных технологий. Документы выглядели правдоподобно, но они перепроверялись, анализировались нашими экспертами и истина в итоге устанавливалась. Имелись и случаи получения (не без «помощи», конечно, самих американцев) подлинных материалов о проектах, которые, как впоследствии выяснялось, были оценены как тупиковые. Целью таких дезинформационных акций было втянуть Советский Союз в заведомо бесплодную трату огромных средств и еще более усугубить его и без того сложное экономическое положение.

Нам, однако, удавалось отделять зерна от плевел. Например, путем глубокого изучения огромного количества полученных материалов было установлено, что «стратегическая оборонная инициатива» (СОИ), или «программа звездных войн», широко рекламировавшаяся в 80-е годы как реальный прорыв в области стратегического противостояния, являлась блефом и не могла быть осуществлена в этом столетии.

Напряженная разведывательная работа велась прежде всего в странах Западной Европы. Там у нас существовала сеть источников. Но Эта работа не была бы столь эффективной без тесного и плодотворного сотрудничества с коллегами в восточноевропейских государствах. Одной из моих важнейших задач как раз было поддержание деловых контактов с руководством разведок наших союзников. К сожалению, 80-е годы характеризовались рядом тенденций, которые привели к так называемым «бархатным революциям» и развалу

социалистической системы.

Мне часто приходилось встречаться с коллегами из ГДР, Польши, Чехословакии, Венгрии и Болгарии. Сразу хочу опровергнуть миф, распространяемый на Западе и подхваченный некоторыми нашими средствами массовой информации, о том, что разведки этих стран чуть ли не являлись подразделениями нашей разведки. На стадии становления восточноевропейских социалистических стран органы госбезопасности Советского Союза, конечно, играли ведущую роль в организационных мероприятиях, подборе и обучении кадров их специальных служб. Однако в последующем, и в частности в 80-е годы, принцип взаимной независимости и равноправия был закреплен в договорах и четко осуществлялся на практике. Восточноевропейские разведывательные службы подчинялись своим министерствам внутренних дел или министерству госбезопасности (в ГДР). Отношения между разведками разных стран строились на строго юридической основе.

Другое дело, что разведывательные органы братских стран добровольно сотрудничали ради достижения общих целей. Вместе с тем мы никогда не раскрывали друг другу свои источники. Если, например, разведка ГДР добывала сведения, представляющие, на ее взгляд, интерес для союзников по Варшавскому договору, такая информация передавалась в обезличенном виде. В оперативной работе разведки действовали автономно. В случаях выхода на один и тот же интересный контакт, что, впрочем, редко имело место, принимались скоординированные решения, какой службе удобнее и целесообразнее работать с ним дальше, а какой играть вспомогательную роль.

В 70-80-е годы Советский Союз не имел агентуры в странах Восточной Европы. Это было закрепленным принципом работы. Там имелись представительства КГБ, сотрудники которых поддерживали широкие дружеские контакты с местными спецслужбами и другими правительственными учреждениями.

Контакты между руководством разведок Советского Союза и восточноевропейских государств были очень хорошими и дружескими. Мы часто встречались на многосторонних совещаниях и деловых двусторонних переговорах. Коллеги часто приезжали на отдых в Советский Союз. Наши руководящие работники, занимавшиеся вопросами сотрудничества, нередко проводили часть отпуска в Восточной Европе. Такие моменты обязательно использовались для обмена мнениями по широкому кругу вопросов. Дружба была не показной, а искренней, поскольку нас всех объединяло общее дело.

В каждой восточноевропейской стране существовали свои исторические и политические предпосылки отношений с Советским Союзом. Разумеется, это накладывало определенный отпечаток на направления их разведывательной деятельности и формы сотрудничества с нами.

Наиболее мощную разведывательную службу из стран социалистического содружества имела ГДР. Во главе ее внешней разведки в течение многих лет стоял Маркус Вольф. Спектр деятельности немецких друзей был очень широк: от политики до военной стратегии и научно-технической разведки. Во всех этих областях были достигнуты весомые результаты. Разведку ГДР отличали необыкновенная эффективность и умение проводить чрезвычайно сложные операции. Ее ситуационные анализы и методы работы были высокопрофессиональными. С 60-х до конца 80-х годов разведка ГДР была одной из самых квалифицированных в мире, хотя далеко не самой крупной. С нами она обменивалась важнейшей военно-стратегической, научно-технической и оперативной информацией, проявляя при этом образцовое отношение к защите источников и вопросам конспирации в целом.

Многие факторы привели к тому, что разведывательная служба ГДР стала уникальной. Одной из приоритетных задач ГДР была работа по Западной Германии, которая из-за отсутствия языкового барьера и чрезвычайной изобретательности была доведена до совершенства. Впрочем, спецслужбы ФРГ имели такое же преимущество в работе против ГДР. Подогревание германского вопроса, умелая пропаганда по доступному уже в те времена западному телевидению создавали благодатную почву для массированного наступления всех западных спецслужб именно в ГДР. И в этом они преуспели, хотя ликвидация первого на немецкой земле государства рабочих и крестьян, конечно, произошла по более серьезным причинам.

Сегодня наблюдается массовое разочарование жителей бывшей ГДР результатами объединения Германии. Им пришлось познакомиться с тем, чего они не знали или не хотели знать об общественном строе, в котором оказались.

Одной из причин повышенного внимания Запада к ГДР было присутствие там Группы советских войск, оснащенной самым современным оружием. Поэтому по линии разведки и военной контрразведки мы тесно взаимодействовали с немецкими коллегами, ограждая войска от шпионажа.

Одной из выдающихся личностей, с которыми мне довелось познакомиться в ГДР, был Эрих Мильке — человек, который стоял у истоков создания органов безопасности этой страны. В 1994

году он предстал перед судом государства, гражданином которого никогда не являлся, по обвинению в должностных действиях в рамках государства, которое больше не существовало, но официально признавалось ранее международным сообществом в качестве его полноправного субъекта. Только сейчас западные немцы, похоже, начинают понимать всю несуразность такого положения.

В последние годы службы Мильке уже сказывался его солидный возраст. Он был уважаемым профессионалом старой школы, прошедшим славный путь борьбы с фашизмом, стойким и убежденным коммунистом и интернационалистом. Я много раз встречался с ним. У меня сложилось впечатление о нем как о необычайно сильном, волевом и решительном человеке с непререкаемым в ГДР авторитетом.

Критиковать это поколение коммунистов за ошибки и перегибы нынче легко, но нужно помнить, как формировался характер таких людей. Э.Мильке встал на путь непримиримой борьбы с фашизмом в Германии еще в 1931 году. Он входил в число охранников Эрнста Тельмана, воспрепятствовав похищению последнего. Затем он воевал в Интернациональных бригадах в Испании во время гражданской войны. Во время второй мировой войны продолжал свою борьбу в антифашистском Сопротивлении во Франции и Бельгии, постоянно рискуя жизнью. У меня никогда не возникало ни малейшего сомнения в том, что он являлся убежденным коммунистом-борцом.

Иногда у Мильке случались конфликты с Маркусом Вольфом, который с большим успехом руководил разведкой ГДР с момента ее создания и до второй половины 80-х годов. Вольф также был ветераном антифашистского Сопротивления, хотя в годы войны был еще очень молодым. Он был блестящим представителем интеллигенции, восставшей против фашистского режима. Вместе со своим отцом и братом Вольф эмигрировал из гитлеровской Германии в 30-е годы и во время войны воевал в рядах Красной Армии. Что касается личных взглядов, у меня сложилось впечатление, что Вольф придерживался гораздо более гибкой позиции во взглядах на свободу личности, чем Мильке, и эти моменты могли вызывать между ними в ряде случаев разногласия. Вольф запомнился мне как человек высокого интеллекта с широким государственным подходом к проблемам, обладавший к тому же большими литературными способностями. Впечатляющая личность!

Мы сотрудничали также с нашими польскими товарищами, но это взаимодействие носило более ограниченный характер. Поляки, постоянно подчеркивая свою независимость, действовали

больше на свое усмотрение, чем остальные партнеры. Видимо, это имело свои политические и исторические корни. Во-первых, не следует сбрасывать со счетов конфликты в прошлом между Россией и Польшей. Во-вторых, влияние католической церкви — оно на польский народ всегда было очень сильным. В-третьих, именно в Польше возникло организованное рабочее движение с антисоциалистической идейной основой — «Солидарность». Поэтому не случайно, что тенденции, которые проявлялись в Восточной Европе в течение 80-х годов все сильнее и сильнее, ярче всего проявились именно в Польше. Когда польские власти в 1980 году оказались в критической ситуации, как в Польше, так и на Западе высказывались предположения относительно возможности военного вмешательства Советского Союза, как это было в Чехословакии в 1968 году. Но, что бы ни говорилось в западных средствах массовой информации, советское руководство — от Брежнева и Суслова до Андропова — было решительно настроено в пользу таких развязок, которые не предусматривали бы вмешательство во внутренние дела Польши военным путем.

Когда В.Ярузельский ввел в стране чрезвычайное положение, это косвенным образом объяснялось им стремлением предотвратить еще более худший вариант, а именно ввод советских войск. Советский Союз, возможно, не проявлял особой активности в опровержении подобных предположений, поэтому Ярузельский действительно мог верить в них. Однако я категорически отрицаю, что такие планы серьезно рассматривались в высших эшелонах власти Советского Союза.

После 1980 года, когда я непосредственно занимался польскими делами, в позиции Советского Союза не произошло каких-либо существенных изменений, в том числе и в вопросах взаимоотношений наших разведывательных служб. В то же время польское руководство испытывало все большие трудности во внутренней политике, вызванные соперничеством с профсоюзом «Солидарность». Поляки советовались с нашими, но не по конкретным проблемам. Несколько раз в этот сложный период я бывал в Варшаве для консультаций на уровне министра, однако мы обсуждали исключительно вопросы внутренних дел и взаимодействия наших разведок. Поляки были вежливыми, корректными и компетентными. И тщательно оберегали свои секреты.

Примерно так же складывались наши отношения с Венгрией, где я неоднократно бывал. Однажды я приезжал в эту страну вместе с Крючковым, которого хорошо помнили со времен его работы в советском посольстве вместе с Ю.В. Андроповым и который по-прежнему сохранял там обширные связи. Венгерская

столица произвела на меня глубокое впечатление своей красотой и необычными для социалистического государства чертами. Это было в середине 80-х годов, и город уже носил на себе отпечаток перемен, приведших к «бархатным революциям».

Венгрия раньше других восточноевропейских стран вступила на путь рыночной экономики. На улицах Будапешта выделялись магазины и рестораны европейского уровня.

Какие-либо особенности в сотрудничестве с чехословацкими специальными службами, пожалуй, выделить трудно, разве только особую теплоту во взаимоотношениях. Чехи и словаки традиционно тянулись к русским. У нас много общего в образе жизни и традициях. Чехословацкие друзья были способными и трудолюбивыми. Они делали все возможное, чтобы сотрудничество шло на пользу интересам национальной безопасности.

В Чехословакии я стал, кстати, впоследствии «кинозвездой». Сегодня этот эпизод кажется комичным, однако несколько лет назад трудно было сказать, какие он повлечет за собой последствия и как повлияет на политическую атмосферу во многих странах.

Речь идет о том, что в 1990 году, уже в качестве заместителя председателя КГБ, я выехал в обычную деловую поездку в Прагу. Мне было поручено обсудить с нашими коллегами в Чехословакии принципиальные вопросы по линии спецслужб, такие как борьба с контрабандой, торговлей наркотиками и терроризмом. Я находился в командировке ровно столько, сколько было положено, и занимался только тем, что было поручено, встречаясь исключительно с людьми из соответствующих подразделений чехословацких спецслужб. Иными словами, не было ничего необычного.

Но по чистой случайности эта поездка совпала с крупными студенческими демонстрациями и другими потрясениями в стране. Ясно было, что на этот раз о направлении советских войск не могло быть и речи, но кому-то очень хотелось использовать сложившуюся ситуацию и разыграть карту «советской угрозы». Во всяком случае, вскоре в Англии появился телевизионный художественный фильм телекомпании Би-Би-Си, в котором персонаж «Грушко» в исполнении английского актера плел нить изощренного заговора против Чехословакии. Согласно сценарию этого фильма, называвшегося «Чешские шахматы», я находился в Праге по заданию Горбачева и Крючкова с целью организации государственного переворота и замены Густава Гусака на бывшего однокашника Горбачева по Московскому университету Млынаржа.

Авторы фильма пытались создать впечатление, что он основывается на чехословацких источниках. Насколько мне известно, фильм широко демонстрировался в Европе. Многие приняли его за чистую монету. В Чехословакии была создана, в частности, специальная комиссия для расследования всей этой истории. Только осенью 1991 года, когда я был узником «Матросской тишины», мне довелось прочесть в «Комсомольской правде», что специальная комиссия вынесла заключение, соответствующее истине: никакого заговора не было. Все, за исключением фактов моего прибытия в Прагу самолетом в указанные сроки и отбытия из нее, было вымыслом.

Вышесказанное свидетельствует о возможностях и влиянии средств массовой информации на общество. Какой ущерб нанесла эта выдуманная история нашей политике, трудно подсчитать, но то, что она обыгрывалась в течение многих месяцев и не способствовала росту престижа нашей страны за рубежом, — это факт.

В нашем сотрудничестве с разведками стран Восточной Европы наиболее сердечными были отношения с болгарами. С давних времен между русскими и болгарами велся лишь один спор: кто кого больше любит.

В прошлом веке русские освободили болгар от турецкого ига, во время второй мировой войны — от фашистской оккупации. Болгары встречали нашу армию цветами. Тысячи и тысячи советских солдат отдали свои жизни за свободу братьев-славян. Повсюду в Болгарии стоят памятники русским и болгарам, которые бок о бок сражались за независимость. Видеть эти искренние символы братства и дружбы всегда было очень волнующе. Не может не потрясти сердце русского, например, расположенный в самом центре Софии храм Александра Невского. На протяжении многих лет я часто бывал в Болгарии, и ощущение духовной близости и полного взаимопонимания никогда не покидало меня.

Нынешняя ситуация, когда отбрасываются социалистические идеалы, когда история наших стран подвергается дилетантской фальсификации и осмеянию, когда заигрывание с Западом и самоуничижение преобладают над здоровыми патриотическими чувствами, я думаю, подходит к концу. Рано или поздно Россия и Болгария вновь будут вместе или, если хотите, рядом, потому что весь ход исторического развития говорит в пользу этого.

Сотрудничество с болгарской разведкой имело свои особенности. Как известно, Болгария рассматривала Турцию в качестве своего потенциального противника. Это накладывало

отпечаток на направленность работы по линии как разведки, так и контрразведки. У нас, естественно, были свои интересы, связанные с Турцией. Но они опять-таки, как и в Европе, в первую очередь объяснялись той угрозой, которую представляли ее союзнические отношения с США и НАТО. Поэтому наше сотрудничество с Болгарией касалось в первую очередь вопросов членства Турции в НАТО, ее возможных действий при обострении международной обстановки и американских замыслов на Балканах.

Болгарские друзья больше, чем мы, интересовались чисто турецкими проблемами. Между этими двумя государствами всегда существовали напряженные отношения. Кроме того, в Болгарии жило довольно много турок. Уровень рождаемости среди мусульманского населения Болгарии существенно превышал рост славянского, и руководство Болгарии считало, что в перспективе это может создать весьма серьезные национальные проблемы. Тодор Живков рассматривал такую тенденцию как большую угрозу для государства. Болгарское правительство пошло на выделение для турок определенных районов проживания и ограничение свободы миграции. Затем оно предприняло усилия с целью эмиграции мусульман в Турцию. Для турок была открыта граница. Они получили возможность продавать свою собственность в Болгарии и вывозить из страны деньги. Некоторые болгарские турки воспользовались этим правом, но большинство восприняли принятые решения как принудительное выселение и в результате определенных усилий сохранили свои права.

В Советском Союзе считали, что болгарские друзья должны были решать проблемы с турецким населением более гуманно и продуманно. Мы ведь сами начали в 80-е годы исправлять ошибки, допущенные по отношению к репрессированным народам в конце войны. Прежняя практика была решительно осуждена, и был принят целый ряд актов по восстановлению справедливости.

Практику болгарских властей по отношению к туркам мы считали недопустимой. Мы не вмешивались во внутренние дела Болгарии, но давали понять Софии, в том числе и по линии разведки, что продолжение преследований турок могло иметь для нее крайне неблагоприятные международные последствия. Из моих собственных поездок в Болгарию и встреч там я вынес впечатление, что болгарская политическая элита испытывала большие трудности в поисках внутреннего компромисса. Учитывая общественное мнение в стране, они были вынуждены проявлять твердость, хотя в беседах с нами допускали

возможность иных, более гибких развязок.

Советские разведчики пользовались авторитетом у руководства Болгарии. Мы передавали нашим болгарским друзьям сведения, которые расценивались специальными службами этой страны как весьма важные. Болгары, со своей стороны, передавали нам интересную информацию по Западу, однако ее калибр был меньшим по сравнению со сведениями, скажем, из ГДР. Сотрудничество с болгарскими спецслужбами имело место не только и не столько в сфере обмена информацией, сколько в подготовке кадров и оснащении их необходимыми оперативно-техническими средствами.

В свое время мощная борьба против гитлеровского фашизма породила в Болгарии своих героев. Заместитель министра иностранных дел Стоян Савов, который отвечал за внешнюю разведку, был одним из них.

Вместе со своим братом и женой Маей («Мая» — ее псевдоним, но все называли ее после победы именно так) Савов во время оккупации Болгарии немцами воевал в партизанском отряде. Он остался в живых после ожесточенных боев в феврале 1944 года, в то время как около 20 его близких друзей погибли. Савов говорил мне, что до конца своей жизни он чувствовал себя обязанным бороться за дело погибших товарищей. Написать их героические биографии было для него слишком сложно — все ушли из жизни юношами.

В память о друзьях по партизанскому отряду Савов продолжал после войны борьбу за социализм и справедливость в своей стране. Он неустанно работал, восстанавливая родную Болгарию, в большое будущее которой свято верил.

Продолжительное время Стоян Савов возглавлял разведывательные органы страны, и мы близко познакомились в 80-е годы. Савов запомнился мне как чрезвычайно искренний и достойный человек, который в беседах не заигрывал, а прямо и откровенно излагал свою точку зрения. Он весьма корректно относился к законности и полагал, что Живков и его окружение, отступая от закона, совершали преступления, компрометируя социализм.

В то же время он воспринял «бархатные революции» в Восточной Европе в 1989–1990 годах как результат предательства Горбачевым социалистических идеалов. Руководитель болгарской разведки пришел к выводу, что происходившие изменения обернутся для Болгарии катастрофой.

Последний раз я виделся с Савовым в 1989 году. Он был серьезно болен. А в 1992 году его не стало: 6 января он застрелился у памятника партизанам в своем селе Летищево. В

прощальном письме Савов писал: «Я решил уйти из этой жизни, которую так любил. Это решение было принять нелегко, но, думаю, оно верное. Полвека, всю мою сознательную жизнь, я посвятил служению идеям социализма, Болгарии и моей семье. Жизнь была непростой. Я пережил фашистское иго, выдержал пытки и поклялся никогда не допустить подобного в будущем… Мои дорогие, я прожил свою жизнь достойно, любил свой народ и моих коллег, и вы отвечали мне взаимностью. Вы прекрасно знаете, что я ненавидел Живкова и его людей задолго до 10 ноября 1989 года, и я не хотел бы, чтобы мое имя было запачкано в связи с преступлениями Живкова. Дорогая моя Мая, мои любимые дети и внуки, вы знаете, как сильно я вас люблю, но я ужасно устал, и я болен, и душа моя не находит покоя… Дорогие друзья и товарищи… дорогие соотечественники… верьте в Советский Союз и советские народы. Советский Союз переживает глубокий кризис, но он возродится как птица Феникс. И верьте в болгарский народ…»

Сторонники сохранения социалистического общества в Восточной Европе не смогли устоять перед натиском противостоящих сил. Главную вину за это несет Советский Союз. Застывшие представления о положении в восточноевропейских странах при Брежневе, с одной стороны, и пущенные на самотек экономические и политические центробежные тенденции при Горбачеве — с другой, привели к хаосу и распаду. Во всех вариантах происшедшее в Восточной Европе отражало ситуацию в СССР.

Полагаю, однако, что советскую разведку за случившееся винить нельзя. Надежной информации своему государственному руководству мы поставляли достаточно. И всегда проявляли к нашим партнерам в социалистических странах уважение, рассматривая их как самостоятельных и равноправных коллег. В отношениях с ними неизменно выдерживались такт и понимание. Наряду с эффективным профессиональным диалогом завязывалась и сохранялась личная дружба. Мы оказывали друзьям оперативную и техническую помощь, а цели разведывательной работы в интересах своей национальной безопасности они, как уже говорилось выше, определяли сами.

Разумеется, советская внешняя разведка извлекала огромную выгоду из сотрудничества с нашими восточноевропейскими коллегами. В результате таких скоординированных действий мы имели четкое представление о тенденциях международного развития и были в состоянии предоставлять руководству нашей страны и других социалистических стран объективную и точную информацию, в том числе и об активности Запада в оказании

влияния на внутренние процессы в Восточной Европе. Я глубоко убежден, что размеры скрытого вмешательства Запада в те события, которые привели к перерождению соцсодружества, не следует недооценивать.

Глава 13
Олег Гордиевский

Измена в разведке — это всегда тяжелый удар, независимо от того, является перебежчик крупной фигурой или незначительной личностью, стремящейся лишь к материальным благам или дешевой славе. Дело не только в том, что предатель может похитить важные государственные секреты и передать их противнику. Измена в рядах разведки сопряжена с тем, что подрывается сеть тайных контактов, которая создается тяжелейшим трудом в течение многих лет в остром противоборстве с контрразведками противника.

Исключением в этом ряду является видный разведчик 20-30-х годов, известный под именем Александр Орлов. Будучи резидентом в Испании во время гражданской войны, он накануне возвращения на Родину понял, что его ждет участь очередной жертвы сталинского террора. В 1938 году Орлов тайно выехал в США, где «сдался» американским властям и выступал в роли их консультанта вплоть до своей смерти в 1978 году. Чтобы обезопасить свою семью, остававшуюся в Советском Союзе, он написал письмо Сталину, в котором предупредил, что предаст гласности важную информацию, если хоть один волос упадет с голов его близких.

Но Орлов не был классическим перебежчиком, что ясно видно по материалам из архивов КГБ и ФБР, которые были недавно предоставлены в распоряжение англичанина Джона Костелло и моего бывшего подчиненного Олега Царева. В соавторстве они написали книгу «Смертельные иллюзии». Орлов был антисталинистом, но не антисоциалистом. Он не изменил своей Родине, хотя и был настроен критически ко многому в советском обществе. Американцы так и не поняли, что Орлов предоставил в их распоряжение лишь те сведения, которые были известны на Западе ранее и не имели особого значения для зарубежной агентурной сети советской разведки. Он не проронил ни слова о том, что ему в деталях была известна история приобретения известной «пятерки» во главе с Филби.

Совершенно другое дело — измена Олега Гордиевского, который бежал из Советского Союза в Англию, когда в 1985 году земля начала гореть у него под ногами.

Впервые я познакомился с Гордиевским после своей третьей

командировки в Норвегию в 1972 году, когда возвратился в Москву и стал заместителем начальника Третьего отдела ПГУ, в чьем ведении находилась Скандинавия, Гордиевский в то время был в составе копенгагенской резидентуры в своей второй командировке. Во время его отпуска я вызвал его для беседы, как это принято было делать для лучшего знакомства с оперативным составом и состоянием дел в стране пребывания. Сегодня нам известно, что Гордиевский встал на путь измены в середине 70-х годов. Уже тогда у нас были сигналы об утечке информации из Третьего отдела, но оснований подозревать Гордиевского не имелось.

Гордиевский произвел на меня впечатление начитанного молодого человека, хорошо ориентирующегося в датской политической жизни. Он знал русских классиков, был знаком и с диссидентской литературой. Последнее не являлось чем-то необычным для сотрудников разведки, поскольку по долгу службы им полагалось знать как можно больше о том, что пишут о Советском Союзе как свои писатели, так и эмигранты. Есть соблазн предположить, что в литературных интересах Гордиевского был настораживающий сигнал. Однако это было бы упрощением. Не думаю, что чтение диссидентской литературы решающим образом повлияло на его политические взгляды. То же самое можно сказать и о его стремлении одеваться, как на Западе.

Мне Гордиевский не показался одаренным сотрудником. Но он был относительно молод и с приобретением опыта мог добиться успеха. Обращало на себя внимание то, что высказывавшиеся Гордиевским оценки были не только деловыми, но и как бы отстраненными. Для настоящего же разведчика характерны такие качества, как большая заинтересованность в делах, любовь к профессии, которой он посвятил свою жизнь, чувство особой ответственности за порученное дело. Это не мешает объективности, а, напротив, делает более вескими мотивы деятельности разведчика. Гордиевский был, на мой взгляд, излишне замкнут. Я не исключал, что на него оказал большое влияние XX съезд КПСС. Разоблачение массовых репрессий, политических преследований и недемократических методов руководства При Сталине наложило отпечаток на убеждения молодого поколения, привело к разочарованию в действительности. Возможно, что недостаточно развитое чувство политической ответственности у Гордиевского объясняется этим. Может быть, его дезориентированность усилилась под влиянием полученных им в Дании впечатлений о социальных условиях, политической и личной свободе. Однако убежден, что не эти факторы стали первопричиной измены Гордиевского.

Когда впоследствии мы изучали все обстоятельства его дела — а это более тысячи страниц различных материалов, — то убедились, что решающую роль сыграл неприятный для Гордиевского эпизод в связи с поездкой в ГДР в период его первой командировки в Данию. Тогда ему пришлось познакомиться с датской контрразведкой, поставившей его перед выбором: либо покинуть страну, либо начать негласное сотрудничество. Не исключено, что на него был оказан сильный нажим. Министр юстиции Дании, который является прямым начальником местной тайной полиции, заявил впоследствии, что в течение первых двух лет Гордиевский сотрудничал с датчанами, а затем был передан на связь англичанам. В дальнейшем министр воздерживался от подобных высказываний, видимо потому, что сам Гордиевский выдвинул версию о добровольном предложении своих услуг сразу англичанам, а не датским спецслужбам. Как бы то ни было, или член датского правительства поначалу наговорил лишнего, или Гордиевский лгал. Концы с концами здесь не сходятся.

Таким образом, Гордиевский вел двойную игру в течение примерно 10 лет, прежде чем возникли подозрения в его предательстве и он вынужден был бежать в Англию. Определенным утешением для нас было то, что его положение в разведке было относительно невысоким и ущерб, нанесенный нам, оказался не столь тяжелым, каким мог бы быть, учитывая длительность его сотрудничества с иностранными спецслужбами. Определенные круги на Западе пытаются представить Гордиевского чуть ли не самым крупным шпионом нашей эпохи. Кое-кто осмеливается даже сопоставить его с Кимом Филби. Мягко говоря, это слишком большое преувеличение. Обычный оперативный работник, проведший две командировки в Дании, а затем приступивший к работе в резидентуре в Лондоне. Но нетрудно понять, что и сам Гордиевский, и его нынешние хозяева пытаются подороже продать его публике.

В своей первой книге, вышедшей на Западе, он утверждает, что был резидентом КГБ в Лондоне. Это не соответствует действительности. Даже в этом факте, который легко проверить, он не удержался от преувеличения своей значимости. Гордиевский был всего лишь одним из многих кандидатов на пост резидента. В 1985 году его вызывали в Москву на собеседование, чтобы ознакомиться с результатами работы и оценить его кандидатуру, но резидентом он так и не стал.

В силу своего должностного положения Гордиевский никогда не имел доступа к высшим советским государственным секретам. Наибольший ущерб он нанес конкретным людям, особенно

сотрудникам советской разведки. Ему были известны большинство наших офицеров, работавших в Дании и Англии, а также в определенной мере личный состав резидентур в других странах, курируемых Третьим отделом ПГУ.

Имя Гордиевского в России не может вызывать ничего, кроме презрения. Взять хотя бы проблемы, которые он создал для своих бывших коллег. Очень многим людям он оборвал карьеру, испортил жизнь. После длительной и дорогостоящей подготовки некоторые из них так и не смогли поработать в странах, в которые готовились выехать, по проблемам, по которым специализировались. Сведения, выданные Гордиевским, привели к высылкам, отказам в выдаче виз большому числу экспертов, работавших в советских учреждениях за рубежом и не имевших какого-либо отношения к советской разведке.

Получение советскими гражданами въездных виз в Англию на протяжении многих лет стало необыкновенно трудным. Оглядываясь назад, можно констатировать, что это было делом рук Гордиевского. Ведя двойную игру, он имел возможность манипулировать людьми и устранять конкурентов, в частности претендовавших на пост резидента в Лондоне. Английская контрразведка МИ-5 и сам Гордиевский расчищали дорогу на этот пост.

Подсказывая своим английским хозяевам, какие меры принять в отношении того или иного советского разведчика, Гордиевский вел дело к тому, чтобы руководящая должность досталась именно ему. Других возможностей продвижения по служебной лестнице у него не было. Его отдача как разведчика даже при помощи и поддержке англичан впечатления не производила. В КГБ было много кандидатов на пост резидента в Лондоне, занимавших более высокие должности, чем Гордиевский, и обладавших более высокой оперативной квалификацией.

Можно предположить, что Гордиевский знал имена некоторых политических собеседников, но не агентов, в тех странах, где он работал. То, что советские посольства и сотрудники разведки, работавшие под дипломатическим прикрытием, поддерживали широкие связи в различных кругах, не является ни сенсационной новостью, ни большим секретом. Имена таких связей были впоследствии грубо и скандально использованы в политической борьбе в Дании, Англии, а также в Норвегии. Особенно тяжело это ударило по видному норвежскому дипломату Арне Трехолту. Цель этой кампании просматривается вполне определенно. Так называемые «разоблачения» имели

целью дискредитировать в первую очередь видных представителей левых сил.

Секретные службы Великобритании имеют давние традиции в организации провокаций и компрометации лейбористов. Английские журналисты и историки последовательно предают огласке факты, объясняющие, каким образом МИ-5 плело интриги сначала в отношении Гарольда Вильсона, видных членов его правительства, затем бывшего лидера лейбористов Нила Киннока, а недавно Майкла Фута. Вовсе не случайно «разоблачения» Гордиевского последовали именно в тот момент, когда популярность консерваторов в Англии упала до рекордно низкого уровня.

То же самое касается Дании и Норвегии. В качестве источника фигурирует Гордиевский, но за скандальными заголовками в прессе усматривается режиссура специальных служб этих стран.

Гордиевский не располагал информацией о деятельности внешней контрразведки и научно-технической разведки. Ему не были известны имена советских разведчиков-нелегалов. Поэтому он сосредоточился на выдаче своих бывших коллег и компрометации тех иностранцев, окраска политических взглядов которых не нравилась его работодателям из западных спецслужб.

Датская газета «Экстрабладет» развернула кампанию, направленную на то, чтобы бросить тень на лидера Социалистической народной партии Герта Педерсена и других радикалов. Редактор газеты «Информашон» Иорген Драгсдаль счел обвинения Гордиевского в свой адрес настолько грубыми, что обратился в суд. То же самое, как известно, предпринял Майкл Фут в Англии. Оба они выиграли процессы и получили крупные суммы денег в качестве компенсации за нанесенный моральный ущерб.

Особой чертой всех этих скандальных кампаний является то, что они всегда развивались в определенном политическом направлении. Представителей правых сил никогда не обвиняли в поддержании контактов с русскими, а такие контакты были и, надеюсь, есть.

Ни для кого не было секретом, что видный норвежский журналист и дипломат Арне Трехолт скептически относился к НАТО, выступал против вступления Норвегии в ЕЭС. А.Й. Драгсдаль писал и ежедневно публиковал обстоятельные статьи по вопросам разоружения, не вполне совпадавшие с официальной точкой зрения в Дании. Ни у кого не было сомнения в том, что думают Герт Педерсен или Майкл Фут по важнейшим вопросам внешней политики и международной безопасности. И удар был

направлен своим острием именно против всех этих людей.

Когда Гордиевского в 1985 году вызвали в Москву, у нас еще не было подозрения в том, что он является двойником. Вызов и двухмесячное пребывание в Советском Союзе были обычной практикой при планирующихся кадровых перестановках. То, что сам Гордиевский воспринял это как сигнал бедствия, — иное дело. Двойник не может не испытывать страха перед возможным разоблачением, и подчас ему кажется, что он на грани разоблачения. Предатель и сам пишет, что, когда на одном из совещаний, где он присутствовал, был затронут вопрос об усилении мер безопасности и недопущении утечки информации, он испугался и «ужасно боялся покраснеть».

Оснований для панического страха у него, к сожалению, тогда еще не было: вопрос о повышении бдительности конкретно его не касался и наши встречи с ним носили рутинный характер.

Однако в 1985 году следовало решить, быть ли ему резидентом в Лондоне. Его оперативная отдача не вызывала особого удовлетворения, и в конце концов было принято решение не возвращать Гордиевского в Англию, а найти ему применение в одном из подразделений Центра. В силу того что Гордиевский по раду оперативных дел, к которым он имел отношение в Дании и Англии, давал путаные объяснения, вызвавшие в процессе бесед с ним в Центре подозрения, за ним было установлено наблюдение. Впоследствии в прессе возникал вопрос, почему он сразу не был задержан по соображениям безопасности, как будто у органов КГБ было право делать что вздумается. Такого права и такой практики в 1985 году, разумеется, не было и быть не могло. Гордиевского нельзя было арестовать только на основании некоторых подозрений. Задержание можно было осуществить, но только с санкции прокурора и сроком до трех дней, после чего подозреваемому нужно было бы либо представить достаточно веские улики его преступной деятельности, либо отпустить его. Ни прямых, ни косвенных улик у нас на тот момент не имелось.

Хотя Гордиевский и не был суперагентом, как его хотят представить сейчас на Западе, в некоторых вопросах он был весьма профессионален, в частности умел выявлять наружное наблюдение, отрываться от него. Сотрудникам соответствующей службы не делает чести то, что Гордиевский сумел перехитрить их и уйти из поля зрения. Когда он исчез, предположили, что это произошло случайно и что, возможно, он уехал на дачу к кому-либо из друзей. Отработка этой версии результатов не дала. Гордиевский исчез бесследно.

Покинуть Советский Союз без посторонней помощи он не

мог. Фальшивым паспортом английский агент, разумеется, был снабжен заранее, но с ним не сядешь на первый самолет без профессиональной поддержки. КГБ был осуществлен комплекс поисковых и других оперативных мероприятий, которые безуспешно продолжались до тех пор, пока англичане не проинформировали нас, что Гордиевский находится в их стране. Только тогда мы окончательно убедились, что он предатель.

Естественно, в КГБ началось разбирательство, и мне тоже пришлось принять участие в анализе происшедшего. Мы обязаны были подготовить для вышестоящего начальства детальные и объективные отчеты, в которых тщательно восстанавливались обстоятельства зачисления Гордиевского в свое время на службу в органы КГБ, определялся круг лиц, ответственных за руководство им на различных этапах работы, выявлялись упущения в изучении особенностей его характера и поведения. Я не пытался снять с себя ответственность за серьезные промахи, допущенные по линии разведки и контрразведки. Но проблема состояла в том, что Гордиевский никогда не выделялся чем-то особенным. Он со всеми коллегами поддерживал дружеские отношения, не вступал в ссоры, не отзывался о ком-либо отрицательно.

Из представителей целого ряда подразделений была создана комиссия по расследованию, которая по окончании работы рекомендовала руководству наказать людей, имевших отношение к службе Гордиевского в разведке и отвечавших за руководство его оперативной деятельностью. Большинство к этому времени уже находились в отставке, поэтому критика не имела для них особых последствий. Однако 15 действующих офицеров получили взыскания. Я тоже был вызван на ковер председателем КГБ СССР и получил выговор.

Это наказание я переживал тяжело. Ни к подбору Гордиевского в органы госбезопасности, ни к его направлению в разведку я отношения не имел, но меня угнетало то, что чрезвычайное событие произошло в курируемом мною подразделении. Грубые промахи в наблюдении за Гордиевским в 1985 году, в результате чего ему удалось бежать из страны, конечно, были для нас сильным ударом и большим успехом англичан. Возможно, за Гордиевским нужно было лучше присматривать, когда он работал за рубежом. В то же время я считаю, что комиссия в своих выводах исходила из стремления во что бы то ни стало найти и наказать виновных, но ведь есть пределы требованиям, которые можно предъявлять конкретным сотрудникам. Объявленный мне выговор был единственным замечанием, полученным за время работы на государственной

службе с 1954 года, и, наверное, потому столь болезненным.

Очень важной частью расследования по делу Гордиевского была подготовка предложений о реакции Советского Союза на действия англичан. Правительство Великобритании попыталось прибегнуть к обходным маневрам и шантажу. Вопреки обычной практике англичане не передали какого-либо официального сообщения через советского посла в Лондоне, а довели письменную информацию через специфические каналы в одной из третьих стран. Смысл этого состоял в том, чтобы не привлекать раньше времени внимания к готовящейся ими акции, направленной на то, чтобы отомстить Советскому Союзу за создание великолепной сети источников в Англии во время и после второй мировой войны. В английском обращении заявлялось, что Гордиевскому по его просьбе предоставлено политическое убежище в Великобритании и что англичане намерены теперь выслать из страны целый ряд советских представителей и членов их семей. Но советской стороне делалось предложение отозвать этих людей, чтобы избежать официального объявления их «персонами нон грата» и не допустить огласки. Взамен нам «рекомендовалось» не прибегать к высылке английских дипломатов из Советского Союза. Кроме того, англичане требовали предоставить семье Гордиевского возможность беспрепятственно выехать в Великобританию.

В.А.Крючков и я потратили полдня на подготовку записки М.С.Горбачеву с предложениями о соответствующем ответе советской стороны. У нас самих сомнений и расхождений не было. Но как далеко готовы будут пойти министр иностранных дел Шеварднадзе и Генеральный секретарь Горбачев? И начальник разведки, и я считали, что обращение англичан было слишком наглым. Естественно, невозможно требовать любви к иностранной разведывательной службе, деятельность которой с точки зрения местных властей является незаконной. Однако существуют своего рода неписаные правила игры, некие этические нормы, в обычных условиях соблюдаемые. Англичане же действовали так, как, по нашему мнению, даже не рискнули бы американцы. Мы рекомендовали советскому руководству не идти на уступки, а реагировать адекватно, то есть выдворить из страны ровно столько их представителей, сколько они собираются выслать советских граждан.

В вопросе о семье Гордиевского мы стояли перед дилеммой. С одной стороны, было очевидно, что оставшиеся в Москве его жена и дочери не замешаны в преступлениях и не должны страдать из-за него, а с другой — вопрос о воссоединении семей уже имел свою историю. И ранее в ряде случаев рассматривались подобные

обращения от имени военных преступников, проживавших на Западе. Заместитель министра иностранных дел И.Н.Земсков разработал подход, согласно которому Советский Союз вообще не должен вступать в какие-либо переговоры о воссоединении семей преступников. Этому принципу мы последовали и в деле Гордиевского. Согласно советскому законодательству, он являлся не просто преступником, а изменником Родины. Поэтому его семья оставалась жить в Советском Союзе вплоть до 1991 года.

Когда позиция Первого главного управления была доложена председателю КГБ В.М.Чебрикову и получила его одобрение, мне было поручено поехать в МИД для согласования ее с этим ведомством. Шеварднадзе прочитал записку в моем присутствии, нажал на кнопку и пригласил своего первого заместителя Г.М.Корниенко. Тот в течение многих лет был ведущим экспертом по Соединенным Штатам и принимал непосредственное участие в разработке советской внешней политики на западном направлении. Деятельность Шеварднадзе как министра иностранных дел я ценил невысоко, но в данном случае надо отдать ему должное: в деликатной ситуации министр прислушался к мнению опытного дипломата. Корниенко полностью поддержал предложения КГБ, и Шеварднадзе подписал записку.

Еще более удивительным нам показалось то, что Горбачев согласился с запиской. Случись это году в 1988-м или позже, я думаю, он не осмелился бы на столь резкую реакцию по отношению к Западу.

Конфликт с англичанами вылился в то, что 25 советских граждан, несомненно указанных Гордиевским, были высланы из Великобритании. Мы ответили тем же. Советская контрразведка была хорошо осведомлена о том, кто из англичан занимался разведкой в Советском Союзе и кто мог подозреваться в проведении специальных мероприятий, поэтому ущерб, понесенный Англией, был не меньше нашего. Раздосадованные англичане выслали еще 7 советских граждан. В ответ мы отобрали 7 английских представителей и выдворили их. После этого премьер-министр Англии Тэтчер наконец заявила, что «пора остановить эту карусель». В Англии поняли, что у нас больше специалистов по Великобритании, чем у них квалифицированных русистов, и мы сможем быстрее оправиться от полученных ударов. Кроме того, англичане, видимо, решили, что им выгоднее иметь дело с установленными разведчиками, чем с новичками, которых нужно долго изучать, чтобы убедиться в их принадлежности к специальным службам. Поэтому я считаю, что эта схватка закончилась вничью.

С возможностью появления время от времени изменников типа Гордиевского вынуждена считаться любая разведка, будь то КГБ, СИС или ЦРУ. От провалов не застрахован никто. Но Гордиевского больше всего профессионалы презирают за то, что он особенно подло вел себя по отношению к бывшим друзьям и коллегам. Он нанес тяжелый удар по соотечественникам и иностранцам, подчас вовсе не причастным к специальным службам.

Больше всех пострадал от стремления Гордиевского к «самоутверждению» норвежец Арне Трехолт, которого по его оговору упрятали в тюрьму на 20 лет.

Глава 14
Трехолт — жертва интриги

Суббота, 21 января 1984 г. Вторая половина дня. На даче звонит телефон специальной связи. Меня просят срочно прибыть в штаб-квартиру разведки. Накануне в Осло по подозрению в шпионаже в пользу Советского Союза арестован известный норвежский дипломат и подающий большие надежды политический деятель Арне Трехолт.

Арне Трехолт. Его образ сразу встает передо мной. Я познакомился с ним на одном из приемов в советском посольстве в конце своей командировки в Осло. Это, очевидно, было в 1971 или 1972 году.

Мы уже виделись с ним однажды и раньше. Помню, я обедал в ресторане «Багатель» на Бюгдей Алле в Осло. В ресторан зашел Трехолт, который в то время работал сотрудником Норвежского внешнеполитического института. Мне он был заочно знаком по своей работе в качестве обозревателя центрального органа Норвежской рабочей партии — газеты «Арбейдербладет». Захотелось поприветствовать его и воздать должное за впечатляющие материалы о Греции, в которой в апреле 1967 года была установлена военная диктатура.

Пришлось сдержаться. Мои «друзья» из норвежской контрразведки, как обычно, были неподалеку. Думаю, что, если бы они зафиксировали наше приветствие, это было бы ложно понято и использовано.

Все это не выходит из головы, пока еду на машине к себе на работу. В бытность мою резидентом КГБ в Норвегии, а впоследствии начальником Третьего отдела ПГУ я старался всегда быть в курсе того, что происходило на Севере Европы. Мои длительные командировки в Норвегию также способствовали тому, что и впоследствии я следил за происходящим в политической жизни этой страны. В течение многих лет я читал наиболее важные разведывательные сообщения и дипломатические телеграммы, которые поступали из Осло. Имя Арне Трехолта в 70-е годы упоминалось в них довольно часто.

Трехолт в норвежской политике был весьма интересной личностью. Наряду со многими другими представителями Норвежской рабочей партии советское посольство поддерживало с Арне Трехолтом регулярные контакты. Он был представителем нового поколения, которое выступало против вступления

Норвегии в Европейское экономическое сообщество, было скептически настроено по отношению к НАТО и поднимало в НРП свой голос за новую ориентацию в сфере внешней политики. Эти люди были открыты и мужественны. В сумасшедшей атмосфере холодной войны они лучше других понимали необходимость диалога и разрядки в отношениях между Востоком и Западом. Я считал, что они были «духовными детьми» Эйнара Герхардсена.

Как уже было сказано выше, Трехолт выделялся своей бескомпромиссной позицией в отношении военного режима в Греции. Осенью 1972 года он стал ближайшим помощником посла Енса Эвенсена на чрезвычайно трудных переговорах Норвегии с ЕЭС о заключении торгового соглашения. Год спустя он последовал за Эвенсеном на пост политического секретаря министра торговли и судоходства, а вскоре после этого стал статс-секретарем, (заместителем министра) Министерства иностранных дел, курирующим вопросы морского права. Вместе с Енсом Эвенсеном Арне Трехолт сыграл, по-видимому, наиболее динамичную и заметную роль в норвежской политике в 70-х годах.

Эвенсен и Трехолт были на виду, выделяясь огромной энергией и поиском новых путей для достижения результатов в, казалось бы, тупиковых ситуациях межгосударственных отношений. Многим это не нравилось как в Осло, так и в других западных столицах. Сообщения, которые к нам поступали, раскрывали многие деликатные моменты, связанные с деятельностью этого неординарного дуэта.

Как я уже упоминал, советские представители в Норвегии поддерживали множество разнообразных контактов, что, кстати, было характерно для большинства посольств великих держав. Это касалось как обычных дипломатов, так и нас, работавших в системе КГБ.

Геннадий Титов, который после меня стал резидентом в Норвегии, оказался человеком пытливым и энергичным. Незадолго до моего отъезда из Осло он зашел ко мне после встречи с Трехолтом в ресторане и рассказал, что Трехолт, не стесняясь в выражениях, критиковал отношение советского правительства и КПСС к греческому движению сопротивления и оппозиции. Пора положить конец попыткам подорвать позиции лидера ПАСОК Андреаса Папандреу, заявил Трехолт. По его мнению, будущее в Греции принадлежит Папандреу, и Москве пора бы уже осознать это и готовиться к этой реальности.

Мы всесторонне обсудили точку зрения Трехолта. Посоветовавшись со мной, Титов отправил в Центр сообщение, в

котором рекомендовалось занять новую линию по отношению к Андреасу Папандреу, «представлявшему прогрессивное движение и являвшемуся реальным кандидатом на пост премьер-министра». Эта информация основывалась на досконального знании Трехолтом положения в Греции и была с интересом воспринята в Москве.

Титов придавал также большое значение мнению Эвенсена и Трехолта по вопросам морского права. Должен откровенно сказать, что я всячески поддерживал нашего резидента.

В то время эксперты по вопросам морского права в МИД СССР, а еще больше в военно-морском флоте полагали, что максимальной уступкой с советской стороны могло бы быть согласие на установление 12-мильной границы территориальных вод и соответствующих пределов рыболовной зоны. Когда норвежское правительство Браттели осенью 1974 года по инициативе Эвенсена и Трехолта предложило ввести 50-мильную рыболовную зону в Баренцевом море и установить в будущем 200-мильную норвежскую экономическую зону, это вызвало негативную реакцию в Москве. Заявление норвежского правительства о политике в области морских границ было воспринято Советским Союзом как вызов. Так же на установление 50-мильной зоны Исландией отреагировала раньше Великобритания. Вопрос состоял в том, следует ли шаги Норвегии воспринимать как провокационное объявление войны Советскому Союзу или как ее естественное стремление обеспечить свои экономические интересы в перспективных районах добычи нефти.

Сообщения Титова по этим вопросам воспринимались некоторыми критиками в Москве как подыгрывание линии Эвенсена и Трехолта. В разведывательной информации из Осло подчеркивалось, что назад пути нет. 50- и 200-мильные морские границы скоро станут реальностью. Советский Союз может пойти против течения и создать напряженную обстановку в близлежащих морских районах. Но чего мы этим добьемся, кроме конфронтации и самоизоляции? Ведь мы также можем установить свои экономические зоны. При понимании и поддержке со стороны Председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина и друга Эвенсена советского министра рыболовства Александра Акимовича Ишкова разумная точка зрения возобладала сначала в КГБ, затем в Министерстве иностранных дел и наконец в советском руководстве.

Мирное развитие событий удивило многих, в том числе моего старого знакомого, тогдашнего корреспондента Норвежской радиовещательной корпорации в Москве Яна Отто Юхансена.

Ссылаясь на свои многочисленные и влиятельные связи в Москве, он утверждал, что Советский Союз никогда не согласится на расширение морских границ Норвегии до 200 миль. Господа Эвенсен и Трехолт сломают себе шею на проблеме экономических зон в Баренцевом море, заявил он. Введение Норвегией 200-мильной зоны никогда не будет признано советскими ВМС.

События, связанные с вопросами морского права, в 70-е годы разворачивались так динамично, что застали большинство столиц, в том числе и Москву, врасплох. Я сам принимал участие в межведомственных дискуссиях по этому вопросу и могу свидетельствовать, насколько сильными были предубеждения наших военных против перемен.

Мне до сих пор совершенно непонятно, почему Эвенсен и Трехолт, добившиеся расширения морских границ Норвегии без единого эпизода дипломатического протеста, подвергаются подчас у себя на родине безжалостной критике политиков. Похоже, что некоторые поборники холодной войны никак не могут смириться с тем, что им не удалось довести дело до настоящей «тресковой войны» между Советским Союзом и Норвегией в Баренцевом море.

Раздувание шпионского дела Гунвор Галтунг Ховик 2–3 недели спустя после указанных событий, в самый разгар советско-норвежских переговоров о юрисдикции в вопросах рыболовства в спорном районе Баренцева моря, тоже было одним из проявлений холодной войны. В Москве не остались без внимания резкие высказывания и намеки Енса Эвенсена на вмешательство в эту игру другой супердержавы.

Вместе с тем арест Гунвор Галтунг Ховик в январе 1977 года привел к ухудшению двусторонних отношений, налаживанию которых в ходе переговоров по вопросам морского права так много содействовали Эвенсен и Трехолт.

В начале 80-х годов Енс Эвенсен и другие влиятельные политические деятели Норвегии активно включились в борьбу за осуществление идеи бывшего президента Финляндии Кекконена о создании безъядерной зоны на Севере Европы. Эта инициатива получила мощную поддержку со стороны датских и шведских социал-демократов и не в последнюю очередь со стороны Улофа Пальме. Для торпедирования такого рода планов потребовалась изощренная политическая интрига, жертвой которой стал А.Трехолт.

Развитие событий в Скандинавских странах, конечно, требовало пристального внимания со стороны КГБ. Однако в СССР не предпринималось никаких попыток ни ускорить, ни замедлить процессы, движимые мощными интеллектуальными и

политическими силами в Скандинавии.

В это время развернулись известные события в Афганистане и усилились антисоветские настроения. Ряд неуклюжих шагов президента Картера на международной арене, его увлечение политикой увязок привели к обострению отношений между великими державами. В ходе предвыборной президентской кампании 1980 года Джимми Картер и Рональд Рейган старались превзойти друг друга в воинственных нападках на Советский Союз. Стало очевидно, что западные центры власти стремятся использовать афганский конфликт для прекращения политики разрядки, начатой Брежневым и Никсоном в 70-х годах.

Новая фаза холодной войны сопровождалась перекрытием важных дипломатических и политических каналов обмена мнениями и поиска взаимопонимания. Политические деятели Запада, государственные служащие, журналисты, с которыми мы в течение многих лет поддерживали контакты, были вынуждены прекратить их, приспосабливаясь к новым обстоятельствам или из чувства страха. Обстановка осложнялась и в связи с массовой высылкой советских дипломатов из западных стран. Ввиду концентрации новых видов ядерного оружия в Центральной Европе и обострения международного положения возросла опасность неправильного толкования действий противоположной стороны и неадекватного реагирования на них.

Не преувеличивая, хочу сказать, что в Кремле появились серьезные опасения по поводу возможности нанесения Соединенными Штатами превентивного ракетно-ядерного удара. О том, что такой соблазн у американцев был, свидетельствовали планы создания нейтронной бомбы, высказывания помощника президента Картера по вопросам национальной безопасности Збигнева Бжезинского, а также размещение в Центральной Европе ракет средней дальности с сокращением подлетного времени до стратегических центров Советского Союза с 30 до 8 минут.

Председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов, который был умным и дальновидным руководителем, несмотря на усложнившуюся обстановку, дал указание разведке активизировать контакты с представителями самых разных кругов за рубежом. Чрезвычайно важно было установить, к чему сводились подлинные намерения американцев. Затеяли ли они игру или же действительно вознамерились путем нанесения первыми ядерного удара покончить с нашей страной, которую Рейган публично назвал «империей зла»?

Арне Трехолт был одним из многих иностранцев, с которыми сотрудники КГБ в это время поддерживали регулярный контакт. Трехолт работал в представительстве Норвегии при ООН и был

хорошо информирован о норвежской, американской и советской политике. Он обладал блестящими аналитическими способностями, редким умением рассматривать различные тенденции мирового развития во взаимосвязи. Его политические взгляды были несовместимы с перспективой резкого расширения сферы конфликтов между Востоком и Западом.

В беседах, имевших место в 1980–1981 годах, Трехолт настойчиво подчеркивал, что, судя по всему, Советский Союз упрощенно воспринимает происходящее и может допустить большую ошибку, если придет к выводу о намерениях президента Рейгана проводить традиционную для республиканцев внешнюю политику. В действительности произойдет иное, утверждал норвежский дипломат. Рейган выступает за реальное изменение соотношения сил в мире, характеристика Советского Союза как «империи зла» в устах нового президента США не пустая риторика, это звучит очень серьезно. Не следует уповать на то, что слова уступят место свойственному республиканцам прагматизму. История подтвердила справедливость этого утверждения.

Сообщения Г.Титова и другого нашего разведчика, В.Жижина, о содержании бесед с А.Трехолтом тщательно анализировались в Центре наряду с другими поступающими материалами. Многими они воспринимались как весьма неординарные и даже субъективные. В ходе анализа, как положено, не отбрасывалась и возможность дезинформации со стороны Запада. В итоге на основе всей совокупности данных пришли к выводу: Рейган не просто носится с идеей победить в холодной войне, а намерен в самом деле достичь победы.

Политическая и дипломатическая карьера Трехолта драматически оборвалась 20 января 1984 г., когда он был арестован. Я и сегодня убежден в том, что он стал жертвой изощренной интриги. Многие влиятельные силы в Норвегии, США, а возможно, и в других странах НАТО испытывали сильное желание тем или иным способом избавиться от этого талантливого, энергичного и весьма неудобного политика. Одновременно арест Трехолта должен был послужить предупреждением и уроком для других представителей левого крыла политиков на Западе, которые оказались в опасной близости от власти. Будучи человеком динамичным и открытым, не уклонявшимся от контактов с представителями Советского Союза, других стран Восточной Европы и «третьего мира», Трехолт, конечно, был уязвим для западных мастеров политической интриги.

В Советском Союзе это тоже понимали и принимали во

внимание. Оглядываясь назад, можно лишь глубоко сожалеть о том, как трагически сложилась судьба Арне Трехолта. Если бы мы в начале 80-х годов могли предположить, к каким методам ортодоксы «западной демократии» могут прибегнуть для устранения неудобных политических противников, контакт с Трехолтом наверняка прекратили бы.

В ходе судебного процесса утверждалось, что во время своей учебы в Высшей школе обороны Норвегии в 1982–1983 годах Трехолт якобы передавал Советскому Союзу сведения военного характера, что и было положено в основу обвинительного заключения и определения наказания. Используя Олега Гордиевского в качестве анонимного (в то время он еще не был разоблачен) свидетеля, обвинители и суд на закрытых заседаниях утверждали также, что, занимая высокий дипломатический пост в Нью-Йорке, Трехолт снабжал КГБ документами НАТО. Трехолта осудили на 20 лет тюрьмы.

С 1972 по 1984 год через меня проходили все сообщения и секретные документы, добывавшиеся по линии Третьего отдела ГТГУ, а с 1980 года я имел доступ ко всей информации по НАТО. Если бы Трехолт передавал нам материалы такого значения, они, несомненно, оказались бы на моем столе. Поэтому я могу категорически опровергнуть домыслы о передаче Трехолтом каких-либо документов или иных материалов НАТО советской разведке или какой-либо иной организации. Когда Гордиевский утверждает в одном из своих интервью, что в 1979 году он якобы лично переводил с английского языка натовские документы, добытые через Трехолта, ложь откровенно выступает наружу: в то время Гордиевский вообще не владел английским языком.

На судебном процессе и в последующих публикациях, в частности в книгах бывшего начальника норвежской контрразведки Гуннара Хорстада и шефа службы наружного наблюдения Эрнульфа Тофте, факт направления Владимира Жижина на работу в советское представительство при ООН подается чуть ли не как улика против Арне Трехолта. Поскольку, мол, Жижин появился в Нью-Йорке зимой 1980 года — год спустя после прибытия туда Трехолта — это может служить подтверждением шпионской деятельности последнего.

Но такой вывод — результат особенностей норвежского менталитета и, в частности, взгляда на мир, в котором Норвегии отводится роль «пупа земли». Коли В. Жижин, работавший раньше в Норвегии и известный как специалист по Скандинавии, направляется в ООН, то этому факту невозможно-де найти иное объяснение, кроме желания работать с Трехолтом! То, что имеются более веские или просто другие мотивы, не вписывается

в скроенную норвежскими властями версию.

Правда же состоит в том, что Владимир Жижин был командирован в Нью-Йорк после достаточно жесткой борьбы между руководителями ряда подразделений ПГУ КГБ СССР, каждый из которых хотел получить перспективных оперработников и использовать их на своих участках работы. Это весьма полезно и для самих сотрудников с точки зрения расширения кругозора, приобретения нового опыта, улучшения знания иностранных языков и т. д.

Именно в то время мы серьезно изучали опыт ЦРУ, которое никогда не задерживало своих сотрудников слишком долго в одном и том же регионе. Это объяснялось тем, что бдительность и, если хотите, любопытство к происходящему в той или иной точке земного шара со временем притупляются. Люди свыкаются с местной обстановкой, что имеет и положительные, и отрицательные стороны. Кроме того, контрразведка набирает постепенно определенный объем данных о представителях спецслужб иностранных государств, что чревато риском их разоблачения.

Перемещение сотрудников на новые участки работы имеет также то преимущество, что оно в определенной степени может ввести в заблуждение соперничающие специальные службы. Однако главная цель состоит в том, чтобы позволить молодым талантливым офицерам попробовать себя в новой обстановке и продвинуться в разведывательной карьере.

По согласованию с начальником Первого (американского) отдела ПГУ, ныне ушедшим из жизни Владимиром Михайловичем Казаковым, еще в начале 1978 года, то есть задолго до получения Трехолтом своего назначения на работу в Нью-Йорк, нами было принято решение о переводе двух сотрудников его подразделения в мой отдел, на англо-скандинавский участок. Мой же сотрудник, а именно Владимир Жижин, был откомандирован в отдел Казакова для продолжения службы в Нью-Йорке.

Жижин довольно быстро стал заметной фигурой в представительстве СССР при ООН. Он глубоко разобрался в сложных проблемах ближневосточного урегулирования, проявил себя квалифицированным экспертом по вопросам международных конфликтов вокруг Афганистана и Кипра. Было приятно узнать, что мой бывший подчиненный выделялся среди других советских сотрудников в Соединенных Штатах своими аналитическими способностями и умением заводить и поддерживать широкий круг связей. Он стал одним из наиболее доверенных лиц в окружении представителя при ООН О.А.Трояновского, неоднократно готовил проекты важных выступлений советской

стороны в Совете Безопасности. Активная работа Жижина получала весьма лестную оценку как со стороны высшего руководства МИД СССР, так и со стороны нашего резидента в Нью-Йорке. Нам было известно, что иностранные, в том числе и норвежские, дипломаты ценили его умение вести политические беседы и обмениваться информацией.

В качестве другой «улики» против Трехолта как «советского агента» была использована известная фотография, запечатлевшая его вместе с Титовым и Лопатиным на прогулке в Вене. Если бы Трехолт действительно был завербован нами в качестве агента, наши сотрудники, разумеется, не стали бы рисковать, открыто встречаясь с ним на улице австрийской столицы. В этом случае мы приняли бы меры предосторожности и конспирации, принятые в работе с агентурой, и не допустили бы личных встреч с Титовым, который к этому времени был хорошо известен западным спецслужбам как сотрудник КГБ. При организации тайной встречи с ценным источником, например в Хельсинки, потребовалась бы тщательная отработка всей операции нашей резидентурой в Финляндии с обязательным утверждением плана мероприятий Центром. Организация встречи в многолюдном ресторане или на центральной улице никогда не могла быть санкционирована.

К тому же Титов ранее был объявлен в Норвегии «персоной нон грата». Их встреча, напротив, является доказательством того, что Трехолт не был советским агентом. Впоследствии мы узнали, что в этот период Трехолт находился под интенсивным наблюдением, однако это не имело тогда для нас сколько-нибудь существенного значения. Нас не интересовало даже, докладывал ли он о содержании контакта с нашими представителями своему руководству. Титову, в свою очередь, не было предписано докладывать обо всех своих встречах с Трехолтом.

Шокирующий приговор, который был вынесен Трехолту, основывается на предположениях, гаданиях и откровенной фальсификации.

Норвежская контрразведка прекрасно знает, к какой информации имел доступ Арне Трехолт на тот или иной момент. Ей отлично известно, что, когда, по утверждению Гордиевского, он переводил полученные от Трехолта документы НАТО, тот вообще не поддерживал никаких контактов с советскими представителями.

В деле Трехолта много аспектов, вызывающих недоумение. Например, в конце лета — начале осени 1978 года в советско-норвежских отношениях появились некоторые осложнения. Советский истребитель МИГ сбился с курса и потерпел крушение

на маленьком норвежском необитаемом острове Хопеню. С советской стороны, естественно, был затребован «черный ящик», чему норвежцы воспротивились. Возникла дипломатическая коллизия, преодолению которой в немалой степени способствовал тогдашний министр иностранных дел Норвегии Кнут Фрюденлунд.

В беседе с советским послом Фрюденлунд откровенно выразил неудовлетворение слабыми контактами между Норвегией и Советским Союзом. Он подчеркнул, и это было передано в Москву но линии посольства, что в такого рода ситуациях для поиска выхода из тупика нужны люди со способностями Арне Трехолта.

Нам известно сегодня, что к тому времени Трехолт уже в течение года — с осени 1977 года — находился под наблюдением норвежских спецслужб с ведома и согласия министра иностранных дел. И в то же время министр не колеблясь использовал его в роли канала для поиска решения деликатных двусторонних проблем.

Подводя итог, хотел бы подчеркнуть следующее. Арне Трехолт был открытым, общительным дипломатом и политическим деятелем с решительным характером и четкими жизненными позициями. Он не скрывал своих взглядов ни в публичных выступлениях, ни в узком кругу. Его поведение, короче говоря, представляло прямую противоположность типичному поведению разведчика.

Работая сотрудником разведки в Осло, начальником отдела в Центре, а затем и первым заместителем начальника советской внешней разведки, я был осведомлен о вербовках агентуры в Норвегии. Арне Трехолт не был нашим агентом. В беседах с советскими, как и с другими, дипломатами он высказывал оценки и точки зрения, которые были неординарными, но именно поэтому бесценными для более детального понимания процессов и тенденций развития политических событий. В исторической ретроспективе значение контакта с ним становится все более очевидным. И именно поэтому тяжелая судьба Арне Трехолта болью отдается в моем сердце.

Глава 15
Две судьбы — Руст и Соутер

Когда 28 мая 1987 г. восемнадцатилетний гражданин Западной Германии приземлился на маленьком спортивном самолете на мосту рядом с Покровским собором, известным больше как храм Василия Блаженного на Красной площади, многие в мире восприняли это с улыбкой. Большинство наших сограждан, оказавшихся поблизости от Руста во время посадки самолета, подумали, что идут съемки фильма и оснований для беспокойства нет. У улыбающегося во весь рот пилота просили автографы. До тех пор, пока не появилась милиция.

Конечно, молодого человека вынуждены были арестовать, сколько бы невинными мотивами он ни руководствовался. Он нарушил советскую границу и советские законы. Для различных властных структур Советского Союза этот эпизод имел гораздо более серьезные последствия.

Во-первых, большую суматоху вызвал тот факт, что Руст проник незамеченным в советское воздушное пространство, которое круглосуточно охраняется силами противовоздушной обороны. На Западе появились спекуляции о том, что полет совпал или был приурочен к празднованию в СССР Дня пограничника, когда бдительность защитников Родины якобы притупилась из-за массовых возлияний.

Это утверждение не соответствует действительности. Именно пограничники первыми зафиксировали нарушение воздушного пространства Рустом, хотя в их компетенцию, строго говоря, входит охрана лишь сухопутных и морских границ.

Один из пунктов ПВО также обнаружил на своих радарах неопознанный объект и незамедлительно сообщил об этом наверх. На запрос об идентификации объекта был дан ответ, что электроника не позволяет это сделать ввиду небольших размеров точки. Вышестоящее начальство предположило, что речь идет о стае птиц, и сняло объект с контроля.

Решение не отслеживать далее полет «птичьей стаи» было серьезной ошибкой ПВО, потому что технический уровень электронной аппаратуры позволяет на том или ином этапе четко определить контуры летательного объекта. Когда самолет Руста приблизился к Смоленску, его обнаружили, и в воздух поднялись самолеты-перехватчики, экипажи которых доложили, что видят

перед собой спортивную машину. И что же? Не имея информации о нарушении границы, как можно было заподозрить, что спортивный самолет управляется иностранцем?

В какой-то мере понять поведение сил ПВО можно. Почему они должны были взять под прицел птичью стаю или небольшой объект, военное предназначение которого исключалось? Но за ошибки приходится платить.

Министр обороны маршал И.М.Соколов, последний на действительной службе из плеяды высших офицеров, прошедших вторую мировую войну, был вынужден уйти в отставку. Лично я считаю, что решение о его отставке было слишком суровым. Можно было ограничиться дисциплинарным наказанием нескольких офицеров за служебную халатность. В конце концов маршалы не сидят за радарами и не могут полностью отвечать за события, о которых им даже не доложено. В военных кругах, спецслужбах и среди дипломатов появилось мнение, что Горбачев просто-напросто воспользовался случаем, чтобы избавиться от противника его линии на уступки в вопросах разоружения, прежде всего в стратегической области. День приземления Руста в центре Москвы стал роковым для Соколова.

Серьезной была ситуация и для КГБ. Несмотря на то что полет Руста внешне выглядел невинным и случайным, мы не могли не отрабатывать версию злого умысла. Следственный отдел КГБ занялся делом Руста, а в руководстве Комитета была создана рабочая группа из руководящих работников различных управлений во главе с Чебриковым. Туда входил и я. Все поступавшие сведения проверялись и перепроверялись, с тем чтобы истина была установлена в полном объеме. Запад тоже не остался в стороне, и там была выдвинута версия: полет Руста спланирован в самом Советском Союзе для устранения министра обороны, но это было, конечно, чистой спекуляцией.

Следователь по делу Матиаса Руста Добровольский был мне хорошо знаком как опытный и умный профессионал. Я спросил, что он думает: Руст — авантюрист или он действовал по чьему-то заданию? Как оказалось, наши мнения совпадали: Руст с самого начала давал правдивые показания и действовал в одиночку.

В то же время в следственном деле был один момент, не дававший покоя нашей рабочей группе. В кабине самолета была обнаружена изготовленная в ФРГ очень точная карта части Советского Союза от Ленинграда до Москвы, снабженная грифом «Секретно». Этот факт требовал объяснения. Откуда он ее получил и зачем? Руст заявил, что купил карту в обычном магазине в ФРГ. Наши контрразведчики и следователи не восприняли всерьез это объяснение. Потребовалось

вмешательство разведки. «Завтра я представлю вам точно такую же карту», — сказал я Чебрикову. В нашу резидентуру в Бонне была направлена телеграмма с указанием номера карты, названия и адреса) магазина, в котором она была приобретена. Утром аналогичная карта, а также целый ряд других с грифами «Секретно» лежали на моем столе. Я захватил их с собой на встречу со следователями, и сравнение показало полное совпадение с той, что была у Руста.

При дальнейшем расследовании выяснилось, что карты были изготовлены на основе тех, которые существовали в вермахте до и во время второй мировой войны. На них были нанесены даже цели для бомбометания вдоль железной дороги Ленинград—Москва. Секрета они более не представляли, но гриф был сохранен для привлечения покупателей. Таким образом, было доказано, что Руст говорил правду, и дело можно было завершать.

Как известно, Матиас Руст получил довольно мягкий приговор. Находясь в следственном изоляторе Лефортово, он пользовался привилегированным положением. Ввиду своей слабости и нервного перенапряжения он получал дополнительное питание и больше, чем другие, времени на прогулки. Руст держал себя в руках, надеясь на не слишком строгое наказание.

Я рассказал здесь о деле Руста, чтобы показать, как невинная на первый взгляд авантюра одного человека может вызвать сильную головную боль у высшего руководства великой державы.

Другая история, к которой я имел отношение, гораздо серьезнее и сочетает в себе триумф и трагедию. Она касается судьбы американского моряка Майкла Соутера, который в начале 80-х годов служил в частях 6-го флота США, базировавшегося в Средиземном море.

Соутер был фотографом флота и, хотя чин его был невысок, имел доступ к военным документам и картам, размножение которых входило в его задачу. Когда он пришел в советское посольство в одной из западноевропейских стран с просьбой на разрешение переехать, на постоянное жительство в Советский Союз, у консульских работников глаза полезли на лоб. К счастью для нас, с ним побеседовал резидент — опытный разведчик, который знал, как поступить в данном случае.

Выяснилось, что Соутер, единственный сын состоятельных, но находившихся в разводе родителей, разочаровался в американском обществе. Он не мог терпеть несправедливости, с которой сталкивался повседневно. Рано заинтересовавшись коммунистическими идеями, он читал марксистскую литературу, увлекался советской поэзией, особенно В.Маяковским. Соутер решил вырваться из капиталистической системы и поселиться в

более справедливом с социальной точки зрения обществе.

Резидент сделал следующее предложение. Если Соутер до завершения своей службы в военно-морских силах США будет сотрудничать с нами, то он получит в дальнейшем со стороны советской разведки всемерную помощь в осуществлении своих намерений. С этим Соутер согласился и стал очень важным источником нашей разведывательной службы.

Мы давали ему задания по добыванию тех документов, которые представляли особый интерес. Он получал инструкции о линии поведения и способах передачи информации. Будучи профессиональным фотографом, Майкл не нуждался в обучении копированию материалов. Самым важным было отработать схему связи, которая позволяла принимать документы в различных странах по мере перемещений 6-го флота.

В течение ряда лет М. Соутер весьма плодотворно работал с нами, что имело огромное значение для правильного понимания глобальной военно-стратегической информации. Он передавал нам практически все, что было нужно, не только о диспозиции американских военно-морских сил, но и по многим другим стратегическим вопросам, которые не удавалось выяснить иным путем. Сведения о перемещениях ядерных подводных лодок были на вес золота.

После завершения службы в Европе Соутера перевели на базу США в Норфолк. В американских вооруженных силах существовала система поддержки тем, кто отслужил по контракту, для поступления на учебу в колледжи. Соутер стал совмещать обучение в колледже с работой раз в неделю на военно-морской базе. Контакт с ним решено было не возобновлять, чтобы не подвергать риску.

В свое время, служа в Италии, Соутер женился на весьма темпераментной и ревнивой девушке. Она постоянно стремилась быть в курсе того, где и с кем встречается Майкл. Сотрудничество с нами требовало от него периодических конспиративных встреч, и ревнивая итальянка начала что-то подозревать. В итоге он счел возможным открыться перед нею и привел жену на одну из встреч с советскими представителями. Ее удовлетворили объяснения и она на время успокоилась.

Однако постепенно охлаждение отношений между супругами привело к разводу. После того как он состоялся, бывшая жена обратилась к офицеру безопасности одного из кораблей 6-го флота США, где ранее служил Майкл, сообщив, что Соутер является советским агентом.

Насколько нам известно, вначале ей не поверили, посчитав

выдвинутые обвинения надуманными и продиктованными чувством мести. Однако через некоторое время Соутер стал замечать за собой слежку, что его обеспокоило. В конце концов ему удалось незаметно выехать в Европу и связаться со знакомыми советскими разведчиками. Он обрисовал сложившуюся ситуацию и попросил убежища в Советском Союзе.

Вскоре Соутер оказался в Москве, где его хорошо приняли. Конечно, какое-то время потребовалось для проверки и перепроверки различных данных, и он поначалу постоянно находился в окружении наших людей. В это время В.А.Крючков и я познакомились с ним лично. Я решил представить его Киму Филби, поскольку судьба этих двух разведчиков была в чем-то схожа, и они могли беседовать на родном языке. Мы договорились с Кимом и его женой Руфой и провели вместе с Майклом прекрасный вечер у них дома.

Соутер получил работу в Краснознаменном институте им. Ю.В.Андропова, который готовит кадры офицеров разведки. Там он познакомился с русской преподавательницей, на которой вскоре женился. Новой семейной паре была предоставлена четырехкомнатная квартира в центре Москвы и просторная дача в одном из красивейших уголков Подмосковья. Майкл предпочитал жить на даче. Со временем он научился неплохо говорить по-русски. Внимательно и с живым интересом он следил за изменениями, происходившими в общественной жизни в нашей стране. Советское телевидение сделало интересный телефильм о М.Соутере, где он на примере 6-го флота США рассказал о некоторых реалиях и агрессивности американских стратегических замыслов.

Американцы, узнав о пребывании Соутера в Советском Союзе, затребовали через МИД встречу с ним, очевидно с целью добиться его возвращения или выдачи. Им ответили, что при согласии Соутера такая встреча может быть организована в присутствии советских представителей. Соутеру, в свою очередь, было рекомендовано пойти на встречу и вести себя на ней так, как он сочтет нужным. Большого желания встречаться с официальными американскими лицами у Майкла не было, но он понимал, что это нужно для подтверждения свободы выбора и добровольности его шага. Встреча с американским консулом состоялась. Советские представители в ход беседы не вмешивались. Соутер заявил, что попросил убежища в СССР по своей воле и не имеет намерения возвращаться в США. Американцы убедились, что каких-либо оснований для требования о выдаче им бывшего гражданина нет. Консул вынужден был ограничиться тем, что

вручил Майклу свою визитную карточку и предложил позвонить, если тот передумает.

Однажды я спросил у Соутера, не хочет ли он пригласить в гости свою мать. Он переписывался с ней и время от времени направлял видеопленки. Майкл сказал, что давно думает о приглашении, но откладывал этот момент до тех пор, пока достаточно не освоится в нашей стране. Вскоре мать Соутера побывала с мужем в Советском Союзе. Их приезд имел не только личный характер. Были организованы ознакомительные поездки и отдых. Мать пришла к выводу, что ее сын нашел свое счастье в Советском Союзе.

Я неоднократно бывал на даче у Соутера, и казалось, что он живет спокойно и радостно. Он был увлечен литературой и политикой. Но постепенно стало выясняться, что и второй его брак не совсем удачен. Видимо, сказались разница культур, интересов и другие моменты их супружеских отношений.

Летом 1990 года как гром среди ясного неба пришло печальное известие: Майкл Соутер у себя на даче покончил жизнь самоубийством. Ночью он спустился в гараж, сел в автомобиль, закрыл все двери и окна, включил мотор и отравился выхлопными газами. Он оставил на столе две предсмертные записки.

В первой разведчик сообщал жене о своем решении уйти из жизни и просил ее позаботиться о дочери.

Вторая записка адресовалась нам. Майкл просил сохранить о нем память как о честном и порядочном человеке, друге нашей страны.

Он не раскрыл всех мотивов самоубийства. Неудавшийся брак, по-видимому, был одним из факторов. Вторым обстоятельством, вероятно, стало вошедшее в ту пору в моду в нашей стране очернительство советского прошлого. Разрушение созданного десятилетиями и издевательство над идеалами, ради которых Соутер решил так круто изменить свою жизнь, очевидно, стали для него невыносимыми.

Майкл Соутер был похоронен с воинскими почестями на Новокунцевском кладбище в Москве. На похороны приезжала его мать. Прощание происходило в Клубе им. Дзержинского на Лубянке, и сотни офицеров пришли отдать Соутеру последний долг. Для них он стал легендарной личностью. Могила Соутера находится недалеко от могилы Кима Филби. Но если Ким дожил до преклонных лет и умер естественной смертью, то Майкл ушел из жизни в 33 года — в возрасте Христа — и расцвете сил.

Глава 16
Переход в контрразведку

Спустя несколько лет после прихода М.С.Горбачева к власти стало ясно, что он планирует назначить начальника советской внешней разведки Владимира Александровича Крючкова на пост председателя КГБ СССР. Известие о том, что такое назначение состоялось, застало меня в октябре 1988 года в отпуске в Болгарии. Я направил ему поздравительную телеграмму. После моего возвращения новый руководитель органов госбезопасности сразу же вызвал меня и сказал: «Сейчас мы рассматриваем ряд кандидатур на должность начальника Первого главного управления. Что касается вас, у меня другие планы. Я хотел бы предложить вам перейти на другой участок работы и стать моим заместителем. Надеюсь, вы не откажетесь».

Он пояснил, что имеет в виду руководство Вторым главком Комитета, занимавшимся контрразведкой. После Главного управления пограничных войск контрразведка была вторым по численности подразделением КГБ. Начальник Второго главного управления ветеран органов КГБ, генерал-полковник Иван Алексеевич Маркелов продолжительное время был серьезно болен и готовился выйти в отставку.

Определенные сомнения по поводу полученного предложения у меня были, поскольку вся моя предшествующая работа в Комитете была связана с разведкой, то есть прямо противоположным родом деятельности. Крючков полагал, однако, что мой опыт работы в ПГУ как раз окажется полезным для контрразведки. Тот, кто сам вербовал агентов за рубежом, сумеет лучше выявлять иностранных шпионов.

Но с кадровой точки зрения осуществление таких планов представляло определенную трудность. Перемещение генерала из ПГУ в ВГУ могло оказаться непопулярным среди личного состава, который всегда считает, что в подразделении достаточно своих кандидатов на выдвижение. Крючков прекрасно это понимал и действовал осторожно. В частности, он выждал несколько месяцев, еще раз все взвесив и изучив настроения, прежде чем принять окончательное решение.

Чтобы не обострять ситуацию, я не взял с собой никого из моих помощников и сотрудников разведки. Постарался сразу установить хорошие деловые отношения со своими заместителями во Втором главке и начальниками более чем 20

управлений, служб и отделов. Вместе с ними уточнил цели и формы работы. Процесс вхождения в коллектив прошел очень хорошо. Индикатором доброго ко мне отношения послужило выдвижение меня от коллектива контрразведчиков кандидатом в делегаты очередного съезда КПСС, который состоялся спустя всего несколько месяцев после нового назначения. Я не добивался выдвижения, но сразу несколько подразделений на своих собраниях проявили инициативу и оказали доверие именно мне. В результате тайного голосования по спискам, в которые были включены 6–7 достойных и уважаемых людей, за меня было отдано около 80 процентов голосов. Такая поддержка укрепила мое положение во Втором главном управлении, где я с большим напряжением и вместе с тем удовлетворением проработал около двух лет, вплоть до назначения меня первым заместителем председателя КГБ в начале 1991 года.

С точки зрения объема и режима работы перемены для меня были небольшими, однако освоение нового круга задач потребовало дополнительного времени и усилий. Внешне рабочий день выглядел так, как и раньше: документы, совещания, решения и операции с утра до позднего вечера, но практически без выходных. Хлеб разведчика и контрразведчика одинаково несладок. Одним из преимуществ моего предшествующего опыта явилось заметное укрепление взаимодействия между Первым и Вторым главками.

Различные направления оперативной деятельности имеют свои особенности, постичь которые даже при высоком уровне профессионализма и солидном опыте весьма непросто. Контрразведка решает огромный круг задач — от выявления фактов измены, в том числе и в собственных рядах, до вскрытия планов и замыслов разведывательных служб иностранных государств по добыванию военных, научно-технических и политических секретов, подрыву интересов безопасности страны.

Органы контрразведки и борьбы со шпионажем существовали со времен зарождения государств. Известно, например, что еще в Древнем Египте существовали структуры, занимавшиеся предотвращением утечки секретной информации и выявлением попыток влияния извне на политику, оборону и общественные настроения в стране.

Советский Союз в условиях сложившегося в XX веке международного положения, разумеется, не был исключением. 20 декабря 1917 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. В ней с первых дней возникло контрразведывательное направление.

Насколько важно иметь эффективную контрразведку в поворотные моменты истории и в кризисных ситуациях, показывает пример, относящийся к 1941 году. Советская контрразведка в течение весны смогла получить важнейшие сведения о подготовке Германии к войне против Советского Союза. Источником информации был молодой сотрудник германского посольства в Москве, антифашист Герхард Кегель, на протяжении ряда лет помогавший советским контрразведчикам. По его словам, руководитель гитлеровской разведки Вальтер Шелленберг, прибывший в Москву под прикрытием предпринимателя, заявил на узком закрытом совещании в посольстве Германии, что «Советский Союз перестанет существовать через несколько недель». Значение такой информации в совокупности с подобными сведениями, полученными из других источников, трудно переоценить.

Наряду с решением «классических» задач по защите государства от иностранной шпионской деятельности в конце 80-х и начале 90-х годов уделялось много внимания приведению правовой базы контрразведывательной деятельности КГБ в соответствие с процессами демократизации, гласности и большей открытости. Как одному из заместителей председателя КГБ мне приходилось непосредственно заниматься уточнением законодательства, регулирующего деятельность органов госбезопасности, их права и обязанности, формы общественного контроля, что было необходимо для совершенствования правового государства. Это выразилось прежде всего в усилении подчинения КГБ, как и других министерств и ведомств, Съезду народных депутатов, Верховному Совету и Совету Министров СССР.

С другой стороны, разработка закона о КГБ должна была учитывать тот факт, что объектом законодательства являлось, в общем-то, не обычное учреждение, а специальные службы со своеобразными формами и, методами работы. Оперативная работа должна была по-прежнему проводиться секретно, но регулироваться таким образом, чтобы обеспечить законопослушание сотрудников и защиту прав граждан и исключить любой соблазн нарушений нормативных актов ради скорейшего достижения результатов. Горячим сторонником и проводником этой линии в свое время был Ю.В.Андропов. Его твердым последователем стал В.А.Крючков. Среди оперативного состава такой подход находил широкую поддержку, а от тех, кто считал возможным преступить черту дозволенного, независимо от побуждений, мы решительно и без сожалений избавлялись. От высших органов государственной власти требовалось, по сути,

одно: сохранение государственной и служебной тайны, поскольку борьба со шпионажем или мафией требует внедрения офицеров и агентуры, сопряженного с риском для их жизни и здоровья, во враждебные структуры.

Хочу подчеркнуть, что ни Второй главк, ни руководство КГБ в период моей работы в контрразведке не занимались преследованием «инакомыслящих». Пятое управление КГБ, преподносимое СМИ как некий центр «политического сыска», что до невероятности искажало и преувеличивало его роль, было упразднено, а вместо него создано Управление по защите конституционного строя, перед которым в качестве главной задачи была поставлена борьба с терроризмом.

Как бы то ни было, перемены произошли большие и в 1991 году они были закреплены в законе об органах госбезопасности, который долго и тщательно отрабатывался. Закон был принят Верховным Советом практически единогласно.

Одновременно контрразведка столкнулась и с другой проблемой. Ввиду бюджетных трудностей (но вовсе не в связи с каким-либо сокращением круга задач) началось частичное сокращение личного состава. По моему мнению, некоторую реорганизацию подразделений представлялось возможным осуществить без ущерба для эффективности за счет избавления от «балласта». Мы достаточно безболезненно провели некоторые сокращения, отправив в отставку людей, выслуживших предельные сроки, и уменьшив количество руководящих должностей. Увеличили нагрузку на сотрудников и потребовали от руководителей всех уровней активизировать работу по конкретным делам, оторваться от бумаг и заседаний.

Проблема сокращений в КГБ имела и еще одну сторону. Одним из аргументов несведущих политиков и откровенных демагогов было утверждение о якобы колоссальных масштабах советских органов госбезопасности по сравнению с ЦРУ.

Но это сравнение невозможно признать уместным. ЦРУ занимается исключительно разведкой, в то время как структуры КГБ включали и разведку, и контрразведку, и охрану государственных границ, и обеспечение безопасности высших должностных лиц государства, и правительственную связь, и шифрование, и создание современных технических средств для оперативной деятельности, и целый ряд других направлений. Только в пограничных войсках проходили службу 220 тысяч человек. В 1990 году впервые был обнародован бюджет КГБ. Хотя этот шаг был необычным, но оказался нужным. Критики смогли убедиться, что по количеству людей и особенно по финансовым средствам органы госбезопасности Советского Союза намного

уступали сообществу различных спецслужб США. У нас эти средства составляли всего около 4 миллиардов рублей, а в США только у ЦРУ (не считая ФБР, Агентство национальной безопасности, разведку Госдепа, секретную службу министерства финансов, службу береговой охраны, иммиграционные власти и т. д. и т. п.) порядка 30 миллиардов долларов! То, что мы выдерживали конкуренцию с американцами и их союзниками и считались одной из наиболее эффективных специальных служб мира, объясняется исключительно высокой профессиональной подготовкой и идейной убежденностью сотрудников.

Быстрые и радикальные перемены в обществе в конце 80-х и начале 90-х годов усилили негативные тенденции, к которым контрразведка не могла остаться безучастной. Резкий рост организованной преступности на фоне нараставшего кризиса в экономике оказался не по силам органам внутренних дел, прокуратуре и судам. Мафиозные группы, сколотившие огромные состояния, стали рваться к политической власти, продвигать в ее структуры своих людей, прибирать к рукам коррупционеров. В 1989 году один из таких «крестных отцов» вместе с сообщниками был арестован КГБ. Удалось установить, что они объединяли усилия всего преступного сообщества в одном из регионов для выдвижения своих людей в народные депутаты СССР. К сожалению, этот факт не был единичным. Со стороны мафиозных кругов отмечались нарастающий вызов и нажим на конституционные органы власти и управления. А одной из задач контрразведки была именно защита государства от таких посягательств. К тому же отечественные мафиози сделали ставку на укрепление связей с международными преступными кланами, резко увеличили масштабы валютных спекуляций. Только в 1989 году было арестовано около 300 преступников, у которых изъятые деньги составляли астрономические суммы. За первые пять лет перестройки благодаря усилиям контрразведки перед судом предстало полторы тысячи человек, в том числе около 70 иностранцев, за незаконные валютные операции и контрабанду. Государству были переданы огромные денежные средства в рублях и валюте, драгоценные металлы и камни, произведения искусства, являющиеся национальным достоянием, такие как полотна Айвазовского и Левитана, уникальные изделия Фаберже, античные эмалевые миниатюры. Вместо того чтобы навсегда бесследно исчезнуть за границей, они вновь вернулись в наши музеи и на выставки.

В апреле 1990 года контрразведка совместно с таможенниками перехватила контрабандную партию из тысячи

древних икон и других предметов, представляющих религиозную, художественную и культурную ценность. Их пытались по каналу дипломатической почты вывезти за рубеж в контейнере, принадлежавшем французской транспортной компании «Гольф». Можно было бы привести и еще ряд подобных примеров.

В принципе КГБ, включая контрразведку, не имел ничего против кадрового сокращения. Беда состояла в том, что наши западные оппоненты вовсе не вынашивали аналогичных замыслов. Напротив, их спецслужбы привлекали все более обширные материальные и интеллектуальные ресурсы, не жалели средств на создание, совершенствование и применение самых современных технических средств. Летом 1989 года Совет национальной безопасности США принял решение о расширении агентурной сети в Советском Союзе. По американским данным, вложения в технические средства разведки США и их союзников с 1980 по 1990 год увеличились в 3,5 раза. И в дальнейшем американцы продолжали наращивать свою разведывательную деятельность, хотя наши страны, по утверждениям архитекторов Перестройки, превратились из «главных противников» в «партнеров».

Около 40 американских спутников-шпионов тщательно регистрировали все происходившее на нашей территории. Десятки специально оборудованных самолетов, напичканных электроникой, постоянно находились в воздухе вдоль границ Советского Союза. Около двух тысяч наземных станций радиоперехвата отслеживали эфир. Ряд из них, работавших в автоматическом режиме, были установлены в непосредственной близости от границ. В американском посольстве в Москве целая группа специалистов занималась радиоперехватом в радиусе нескольких десятков километров. Американцы практически могли зафиксировать содержание любых радиопереговоров, за исключением шифрованных линий связи.

Мы знали, что американцы продвинулись очень далеко в области технического шпионажа, который на профессиональном языке называется у них сигнальной разведкой. Специалисты Второго главка обнаружили, в частности, американскую технику съема информации на телефонном канале правительственной связи между ПГУ и объектами, размещенными в других частях Москвы. Закамуфлированная в телефонном щитке управляемая компьютером техника подслушивания была выявлена на одном из закрытых оборонных предприятий. В Охотском море наши контрразведчики обнаружили в начале 80-х годов гигантское устройство с радиоизотопными элементами, прикрепленное к подводным телефонным кабелям, соединявшим Камчатку с

материком. Этой телефонной линией пользовались местные власти и вооруженные силы. Аппаратура стоимостью в 20 миллионов долларов весила 12 тонн.

Еще один пример. Было установлено, что некоторые железнодорожные контейнеры, направлявшиеся через территорию нашей страны из Японии в Западную Европу, оснащались техническими средствами разведки, в том числе и средствами фотосъемки.

Американцы активно использовали технические средства и для поддержания связи со своими агентами из числа советских граждан. Применялись, в частности, миниатюрные радиопередатчики, которые «выстреливали» в эфир зашифрованную информацию, до предела — буквально в несколько секунд — сжатую по времени за счет ускоренного воспроизведения записи на магнитофоне. Эти сигналы принимались на спутниках и передавались в США. Американский разведчик Осборн был задержан во время работы с таким передатчиком в одном из районов Москвы. Американский центр радиосвязи во Франкфурте-на-Майне использовался для поддержания контактов ЦРУ с его агентурой в Советском Союзе.

С наступлением периода гласности для американцев стала характерной также разработка советских политических деятелей и других контактов, которые могли оказывать влияние на ход событий в стране. Этих людей полускрытно обрабатывали сотрудники посольства США в Москве или — более массированно и активно — во время поездок за рубеж. Нам становилось известно содержание их разговоров. Такие агенты, или контакты влияния, не находились на прямом содержании у иностранных спецслужб и получали вознаграждение в виде щедрой оплаты расходов во время зарубежных поездок, бесплатного отдыха, гонораров за публичные выступления, устройства детей в престижные учебные заведения за границей и т. п. Для нас сложность состояла в том, чтобы собрать улики — доказательства их агентурной работы, хотя признаков, что они действовали по чужой указке, было предостаточно. Связи, или контакты влияния, не крадут секретные документы и не проводят тайниковых операций.

Тем не менее председатель КГБ Крючков в 1991 году представил Горбачеву материалы, свидетельствовавшие о том, что американцы рассматривали в качестве своего агента ни много ни мало Александра Николаевича Яковлева, недавнего члена политбюро и бывшего посла в Канаде. Крючков лично доложил Горбачеву суть дела и запросил санкцию на проведение

оперативного расследования с целью перепроверки сведений. Президент не нашел ничего лучшего, как поручить руководителю органов госбезопасности лично переговорить с Яковлевым! Приказ есть приказ. Яковлев, который был ознакомлен с докладной запиской президенту, не смог сказать ничего вразумительного. Ему было дано время подумать. И ничего не случилось! Яковлев сохранил свои посты. Расследование было прекращено. Подробнее об этом написал В.А. Крючков в своей книге «Личное дело».

Наряду с этим американцы, конечно, поддерживали строго секретные контакты с классической агентурой, добывавшей информацию. Разоблачить шпиона полностью, то есть заставить его предстать перед судом, является чрезвычайно сложной задачей. Подозрения и даже уверенность, основанная на оперативных данных и профессиональных оценках, в счет не идут. Правовой и политический климат в конце 80-х годов требовал, и это нормально, веских и доказательных улик для вынесения судебных решений. Иначе можно было легко втянуться в процессы типа «дела Люгрен» или того хуже. С другой стороны, как в случае с Гордиевским, нельзя было опаздывать. Я убедился, что мой опыт разведывательной работы за рубежом дает на новой должности немалые преимущества. То, что я сам выявлял за собой слежку и мог, уйдя из-под контроля местных спецслужб, организовать встречу с агентом для приема секретной информации, позволяло мне предвосхищать некоторые действия иностранных разведчиков в Советском Союзе, вскрывать их замыслы и намерения.

Особенно это касалось резидентуры ЦРУ, действовавшей под прикрытием американского посольства в Москве.

Мы обратили внимание на то, что сотрудники ЦРУ проявляли особый интерес к вербовке научных работников, занимавшихся созданием новых типов вооружений и разработкой современных технологий военного назначения, таких как системы управления ракетами. Определенных результатов американцы добились. Я ужаснулся, узнав, насколько хорошо США были осведомлены о деятельности наших закрытых научно-исследовательских учреждений.

Со своей агентурой американские разведчики работали зачастую через тайники, максимально ограничивая личные встречи. При выходе на операции, чтобы запутать наружное наблюдение, они широко пользовались гримом, масками и париками. Разведчик-дипломат посольства США плотного телосложения выезжал, например, на встречи на автомашине в

женской одежде.

Незадолго до моего назначения начальником Второго главного управления ряд американских разведчиков были задержаны контрразведкой с поличным во время проведения шпионских операций. Большинство из них — Стомбауг, Сайтс, Аугустенборг — работали под дипломатическим прикрытием. Но были и разведчики-журналисты. Все они, естественно, были высланы из страны.

Одновременно были разоблачены и советские граждане, которым предъявили обвинения в измене Родине. В течение короткого времени было арестовано около 30 агентов ЦРУ и спецслужб других государств. Удалось предотвратить более 120 попыток передачи за рубеж секретной информации. Одним из агентов оказался ведущий инженер Министерства радиопромышленности Толкачев, передававший американцам сведения о системах управления ракетами и самолетами. На специально открытый для предателя банковский счет в США американцы переводили огромные суммы в долларах. Толкачев нанес советским вооруженным силам ущерб в миллиарды рублей, которые в то время были отнюдь не «деревянными».

О полученной от Толкачева информации из ЦРУ писали: «Ваши сведения являются бесценными. Их отсутствие было бы тяжелым ударом для нашего правительства». Предатель был приговорен к расстрелу.

Другой фигурой, на разоблачение которой было потрачено немало усилий, являлся руководящий работник Главного разведуправления Министерства обороны генерал-майор Поляков. Среди арестованных и понесших суровое наказание агентов оказался сотрудник Московского управления КГБ Воронцов, снабжавший американцев конфиденциальной информацией об оперативной работе КГБ по резидентуре ЦРУ в Москве. Институт США и Канады АН СССР лишился одного из своих научных сотрудников Поташева, оказавшегося шпионом.

Кроме того, был выявлен рад лиц из состава советской внешней разведки, завербованных иностранными спецслужбами. Большинство из них предстало перед судом.

Сейчас распространяются утверждения, что завербованные в свое время иностранными разведками действовали будто бы из идейных побуждений. Это не так. Диссиденты представляли ограниченный интерес для западных спецслужб. Их использовали, чтобы будоражить общественное мнение, создавать легальную оппозицию. Но как они могли влиять на процесс принятия решений в Советском Союзе? К какой секретной информации

имели доступ?

Возможно, кто-то из завербованных агентов, предложивших свои услуги западным странам добровольно, и имел политические мотивы. Но никогда, во всех известных мне случаях, они не были определяющими. В конечном счете в основе предательства лежали материальные интересы.

Выявлению и ликвидации иностранной агентурной сети в Советском Союзе во второй половине 80-х годов способствовали два фактора.

Во-первых, нежелание спецслужб держать разведчиков в Советском Союзе более двух лет из соображений безопасности и для предотвращения перевербовки. В результате большинство из них были не в состоянии установить широкую сеть контактов за столь короткое время даже при хорошем знании русского языка и отличной страноведческой подготовке. Наши контрразведчики, многие годы работая на своих участках, великолепно изучили повадки сотрудников резидентур при посольствах. Они знали, кто есть кто и кто чем занимается.

Во-вторых, представители иностранных спецслужб, особенно американцы, слишком строго придерживались инструкций. Даже самые умные указания без привязки к конкретным условиям, без учета неожиданных обстоятельств в итоге обречены на неудачу. Борьба разведки и контрразведки состоит из просчитывания возможных ходов друг друга, и мы делали это неплохо. Подчас складывалось впечатление, что американцы учили своих разведчиков по советским учебникам для спецслужб 20-летней давности. Но мы их тоже читали!

Если американцы отличались активным использованием разнообразных технических средств, то англичане выделялись умением создавать сложные агентурные комбинации, опыт которых они накопили еще до 1917 года. Они умели устанавливать перспективные контакты и выжидать многие годы, пока те не окажутся в интересующих хозяев местах. В 1971 году в ответ на высылку 105 советских дипломатов из Великобритании элита английских разведчиков-советологов была выдворена из нашей страны, после чего СИС стала действовать на территории нашей страны более осторожно.

Западногерманская БНД меньше, чем другие, использовала свои посольства для прикрытия разведывательной деятельности. Она предпочитала задействовать в этих целях торговые представительства и частные компании.

Второе главное управление КГБ также имело свои особенности. С профессиональной точки зрения механизм

противодействия шпионажу был отработан достаточно четко. Но резервы усовершенствования имелись. Явной слабостью было то, что политическая информация, поступавшая в ходе оперативной работы, использовалась недостаточно или вообще не использовалась. Мой опыт профессионального разведчика подсказывал, что такая практика является неоправданным расточительством. Поднять уровень информационно-аналитической работы во Втором главке, повысить интерес подчиненных к ней оказалось делом нужным, полезным и стоящим, причем без каких-либо дополнительных кадровых расширений. Это вскоре было с удовлетворением отмечено в самом Комитете и руководством страны, хотя и не всегда вызывало адекватные действия с его стороны. Так, в 1991 году мы информировали Горбачева о том, что администрация США пришла к следующим выводам: уступки по отношению к экстремистским и националистическим требованиям отдельных советских республик, отстранение политбюро от процесса принятия важных решений в области внутренней и внешней политики ведут к хаосу, развалу Советского Союза и падению президента. Информация не была принята к сведению, хотя дальнейшее развитие событий полностью подтвердило ее истинность.

Если говорить о том главном, что я постарался привнести в деятельность советской контрразведки, — так это активизация информационно-аналитической работы в интересах высшего руководства страны.

Глава 17
Профили председателей КГБ

Когда меня зачисляли в органы разведки, председателем КГБ был назначенный Н.СХрущевым в 1958 году Александр Николаевич Шелепин. В свое время он возглавлял ЦК ВЛКСМ, а затем вышел на ведущие роли в политической жизни страны. Несмотря на то что Шелепин занимал видные государственные посты до и после руководства Комитетом госбезопасности, он не приобрел особой популярности среди подчиненных.

Решения и приказы нового Председателя были твердыми и четкими, но, тем не менее, вскоре его саркастически Окрестили «железным Шуриком», противопоставив подлинному рыцарю революции Дзержинскому. Шелепин был в должности председателя КГБ лишь до 1961 года. Во время «дворцового переворота» в октябре 1964 года он претендовал на пост Первого секретаря ЦК КПСС. Решительный и автократичный, Шелепин настолько укрепил к тому времени свои властные позиции, что, может быть, именно поэтому большинство партийного руководства решило отдать предпочтение более мягкому и сговорчивому Л.И.Брежневу.

То, что Шелепин был прозван сотрудниками органов госбезопасности «железным Шуриком», связано в значительной степени с его решениями, которые существенно ухудшили условия прохождения воинской службы в Комитете. В отличие от Вооруженных Сил, КГБ утратил целый ряд своих ведомственных санаториев и домов отдыха. Настроения офицерам это, естественно, не улучшало.

После отставки Шелепина на эту должность был назначен его бывший заместитель в ЦК ВЛКСМ Владимир Ефимович Семичастный. Он больше вникал в задачи органов госбезопасности, но ему не хватало знания проблем и политического опыта. К тому же он был весьма непопулярен в среде интеллигенции в связи с высказываниями по поводу присуждения Пастернаку Нобелевской премии по литературе в 1958 году. Тогда Семичастный публично назвал Пастернака «эмигрантом в своей стране» и заявил, что «даже свиньи не ведут себя так в собственном хлеву». Хотя комсомольцы аплодировали высказываниям своего лидера, думаю, что симпатии большинства были на стороне Пастернака. Я считаю, что должностные лица могут думать и говорить за обеденным столом или в узком кругу

все что угодно. Но их официальные высказывания должны быть более корректными.

Семичастный сыграл отведенную ему роль в отставке Хрущева в 1964 году, но не был «заговорщиком». Никто не сомневался, что долго на посту председателя КГБ ему не продержаться. Брежнев не хотел оставаться в долгу у руководителя органов госбезопасности, поддержавшего его в октябре 1964 года и близкого к главному сопернику в борьбе за власть — Шелепину, и в мае 1967 года Семичастного отправили в родные места, на Украину, где он получил должность заместителя Председателя республиканского Совета Министров — явное понижение.

Причины отставки Семичастного гораздо легче понять, чем мотивы назначения председателем КГБ СССР Юрия Владимировича Андропова.

Андропов не относился к ближайшему окружению Брежнева. Это вообще была весьма своеобразная личность в советской политической элите. То, что он рано остался без родителей — отец был железнодорожником, мать — учительницей, — не было чем-то необычным. И дальнейший его жизненный путь не отличался от судеб многих простых советских людей. Кинотехник и телеграфист в своей родной станице Нагутская, что на Ставрополье. Профтехучилище в Рыбинске. Секретарь комсомольской организации на местной судоверфи. Важнейшим этапом его карьеры стала должность секретаря ЦК комсомола Карело-Финской республики в 1940 году (тогда 16-я республика в составе СССР). В этот период он познакомился с таким политическим деятелем, как Отто Куусинен, председателем республиканского Верховного Совета, известным деятелем Коминтерна и одним из основателей Коммунистической партии Финляндии. В годы войны Юрий Владимирович возглавлял партизанское движение в Карелии. После войны дружба с Куусиненом уберегла его от сталинских чисток, хотя попытки устранить его были.

Направление Андропова на работу в МИД замышлялось как «ссылка», однако, начав с должности советника посольства в Венгрии, он благодаря своему таланту и работоспособности стал послом. В этом ранге его и застали события 1956 года.

Иными словами, Андропов прошел непростой путь в политике, делая карьеру без чьей-либо помощи. Он ни на кого не опирался и ни к кому не приспосабливался. Андропов был на голову выше других руководителей, имел искренние социалистические убеждения, решимость осуществить в советском обществе назревшие реформы и дар предвидения. Я

испытывал к Юрию Владимировичу глубочайшее уважение. Думаю, что такое отношение к нему сложилось и до сих пор сохраняется у всех честных сотрудников Комитета и не только у них. У всех, кто помнит Андропова, память о нем светла.

Хотя Андропов пришел в КГБ из ЦК партии, уже через пару лет упорной работы он овладел всеми особенностями профессии и мог не только компетентно осуществлять общее руководство, но и разговаривать со специалистами на профессиональном языке. Его собственный политический престиж и репутация Комитета постепенно росли. Впервые со времен Сталина председателя КГБ СССР избрали в политбюро.

Особой заслугой Андропова было выдвижение разведки в число приоритетных направлений деятельности КГБ. Он лично курировал это направление, отдавая разведывательной работе всю душу. На партийный учет он встал в одном из наиболее сложных подразделений ПГУ — управлении нелегальной разведки. Андропов регулярно и очень внимательно заслушивал отчеты руководителей о вербовочной работе, добывании и анализе информации, стратегии и тактике работы, прогнозах мирового и регионального развития. Он как никто другой из руководителей КГБ умел слушать и слышать, видеть связи между явлениями и принимать необходимые решения.

Когда Первый главк КГБ в 1972 году был переведен в Ясенево, Андропов зарезервировал там для себя рабочий кабинет. Он непосредственно руководил разведывательной деятельностью по меньшей мере два дня в неделю.

Мне посчастливилось неоднократно встречаться с Андроповым на совещаниях, заседаниях узкого состава и наедине. Главное ощущение, которое оставалось после встреч с ним, — убеждение в глубоких познаниях собеседника и его неизменное спокойствие. Своим отеческим тоном он напоминал Шолохова. Обращаясь ко мне на «ты», председатель умел беседовать просто и доверительно.

Интересный эпизод произошел в 1980 году, когда, судя по всему, В.А.Крючков уже неофициально отрекомендовал меня Андропову как кандидата на пост заместителя начальника ПГУ. Вместе с ним мы прошли в кабинет председателя и уселись в креслах за столиком, примыкавшим к его большому рабочему столу. Андропов, назвав меня сынком, спросил, сколько мне лет и как идут дела. Я ответил и доложил о делах.

«Возраст у тебя зрелый, — сказал Андропов. — Пора двигаться дальше. Владимир Александрович рассказывал мне о тебе. Но решение о назначении тебя заместителем начальника Первого главного управления еще не принято. Так что принимать

поздравления рано».

Стало ясно, что Андропов поддерживает мою кандидатуру, но, будучи законопослушным, не хочет давать авансов, прежде чем этот вопрос не решится в установленном порядке, каковым в то время было утверждение кадровых назначений такого уровня в ЦК КПСС.

После этого председатель продолжал расспрашивать меня об обстановке в каждой из стран англо-скандинавского отдела ПГУ. Я рассказал ему, в частности, об одном иностранном дипломате, который из идейных побуждений сообщал нам закрытую информацию военно-стратегического характера, отказываясь от денежных вознаграждений. Более того, он сам предлагал нам материальную помощь, если в этом имелась необходимость.

Андропов заинтересовался мотивами сотрудничества с нами этого источника. Почему он пошел на такой шаг? Симпатию к Советскому Союзу можно показать ведь и более безопасным способом.

Я ответил, что основным мотивом иностранца скорее всего является ненависть к Соединенным Штатам, принесшим зло его стране. «Вот здесь, вероятно, и лежит истина, — сказал Андропов. — В этом вся суть. Идейная тяга к нам проистекает из неприятия американского образа жизни. Поэтому он и пошел на оказание нам помощи. Оберегайте его и исходите из реальной основы сотрудничества с ним».

К совету Андропова мы прислушались, и источник плодотворно сотрудничал с нами вплоть до своей смерти.

Описанный эпизод многое говорит о председателе. В отличие от других руководителей Советского Союза, он понимал, что симпатиям иностранцев к Советскому Союзу в отрыве от других факторов верить легкомысленно. Каждый раз следовало выявлять их личные интересы.

Андропов глубоко вникал в суть всех крупных операций по линии разведки. Если он верил в замысел и реальность ожидаемых результатов, то давал широкий простор для инициативы.

В то же время необходимо отдавать себе отчет в том, что Андропов как председатель КГБ СССР испытывал известную обособленность и отчужденность в высшем руководстве страны, особенно со стороны лиц из ближайшего окружения Л.И.Брежнева. Он был известен как убежденный сторонник социализма и не мыслил путей движения страны вперед по иному пути. Кто-то считал его слишком либеральным, а кто-то — чрезмерно консервативным. Полагаю, что он готов был пойти

дальше других в расширении личных свобод и демократии в нашем обществе.

КГБ находился под контролем и известным нажимом идеологического отдела ЦК, курировавшегося Сусловым. Это прежде всего касалось инакомыслия и борьбы с диссидентами. Другой человек на месте Андропова, не столь чистый и порядочный, мог бы наломать много дров. Неподкупный и аскетичный Андропов активно вступил в борьбу с коррупцией. Он не останавливался даже тогда, когда нити вели в высшие эшелоны власти — к министру внутренних дел Щелокову и окружению Генерального секретаря. Но ему многого не удавалось добиться, пока он сам не встал во главе партии и государства.

Два его первых заместителя в КГБ — Цвигун и Цинев — входили в ближайшее окружение Брежнева и наряду с выполнением своих непосредственных обязанностей присматривали за ним и не давали зайти слишком далеко. Но правда в конце концов восторжествовала.

Став в 1982 году Генеральным секретарем ЦК КПСС, Андропов поставил в одном из первых публичных выступлений два чрезвычайно важных вопроса: в каком обществе мы живем и какое общественное устройство нам нужно?

Среди профессионалов-политиков и ученых это высказывание Генерального секретаря вызвало сенсацию. Брежнев в течение ряда предшествующих лет убеждал страну, что мы живем не просто при социализме, а при «развитом социализме». Андропов же был уверен, что брежневский социализм, по сути дела, был общественным застоем, единственным выходом из которого являлись реформы. Лучше многих других руководителей страны он понимал, что за последние годы в сфере экономики было сделано мало продуктивного.

Критические взгляды Андропова на социально-экономическое положение нашей страны стали для меня очевидными за несколько лет до его выдвижения на высший пост в государстве. Как председатель Комитета в конце 70-х годов он принял для беседы нашего резидента в Швеции. На встрече присутствовал и я. Резидент, впервые попав на такой уровень, подготовился к отчету весьма тщательно, исписал целый блокнот различными выкладками и считал себя вооруженным до зубов. Как он мне сказал перед встречей, там было все — от основ шведского нейтралитета до самых последних деталей нашей разведывательной активности в Швеции.

Но Андропов повел себя неожиданно: «Полагаю, что о политической и агентурно-оперативной обстановке ты доложил

своему непосредственному начальству. Расскажи-ка мне лучше, что за страна Швеция. Я там никогда не бывал. Читал, что это государство с развитой экономикой. Некоторые утверждают даже, что Швеция является социалистической страной. Поэтому интересно было бы услышать о ее социальных достижениях».

После этого вступления Андропов задал множество конкретных вопросов: как живет обычный швед? Какая у него собственность помимо квартиры или дома? Как он становится собственником? Как он приобретает себе жилье? Каковы размеры заработной платы? Сколько стоит электричество и телефон? Как построена система здравоохранения? Чем поддерживается местная промышленность? Каковы права профсоюзов? Кто им противостоит и почему? Какие цели ставят перед собой социал-демократы? Как перераспределяется; национальный доход? Что остается частным предпринимателям? Каким образом бюджетные деньги возвращаются в промышленность? Какую роль играют во всем этом процессе банки? Почему так много шума вокруг профсоюзных фондов? Не собираются ли профсоюзы, стать финансовым центром, который путем инвестиций может стать владельцем промышленных предприятий?

Во время этой беседы Андропов произвел на меня сильное впечатление. Его голова работала, как компьютер. Вопросы и комментарии были точны и уместны, свидетельствовали о глубине знаний и. представлений.

Резидент проработал в Швеции к этому времени всего два года. До этого он находился в другом регионе. Поэтому мне тоже пришлось привести председателю ряд примеров из жизни Норвегии. Тем не менее он убедительно показал, что находившиеся у власти шведские социал-демократы умело направляли через бюджет налоговые доходы от крупного капитала на нужды здравоохранения, образования, социальной защиты и т. д.

Было очевидно, что Андропов изучал вопрос о том, не может ли опыт Швеции пригодиться в нашей стране. Решающей для него была перспектива: могут ли трудящиеся в рамках такой системы добиться еще большего и двигаться дальше в направлении подлинного социализма.

После двухчасовой беседы с Андроповым у меня сложилось впечатление, что шведская модель социализма, несмотря на всю свою привлекательность, показалась ему далеко не идеальной. Он признал, что уровень жизни у шведов в среднем выше, чем в Советском Союзе, что жилья, дач, автомобилей и катеров на душу населения у них больше и что в рестораны они ходят чаще. Но возможности обеспечения социальной справедливости в Швеции в

целом явно показались ему ограниченными.

И в ходе других бесед Андропова, в которых я принимал участие, например с министром госбезопасности ГДР Мильке, главное место занимало не столько обсуждение соглашений о взаимодействии, сколько вопросы большой политики.

Андропов пользовался большим уважением не только среди сотрудников КГБ, но и в политических и общественных кругах. Он решительно боролся с теми сотрудниками органов госбезопасности, которые пытались использовать служебное положение для достижения личных благ, и снискал себе репутацию бескорыстного и принципиального руководителя. После смерти Брежнева в 1982 году мало кто был против избрания Андропова Генеральным секретарем КПСС, хотя выдвижение на этот пост председателя КГБ не имело прецедента. Не по нраву этот выбор был лишь тем, кто любой ценой хотел сохранить за собой должности и привилегии. Все недолгое время руководства государством Ю.В.Андропов посвятил подготовке реформ, укреплению в обществе законности, повышению производительности труда в экономике и борьбе с коррупцией. Если бы ему суждено было прожить дольше, организованная преступность в стране не процветала бы сегодня.

Однако он пришел слишком поздно и не щадил свое уже в значительной мере подорванное здоровье, работая ежедневно до 10 часов вечера. Заболевание почек и сахарный диабет усугублялись невероятными перегрузками в работе. Обращало на себя внимание то, что он двигался все с большим трудом, вставая из-за рабочего стола только для приветствия гостей и подчиненных. Когда-то крепкие мускулы начали сдавать. Все реже он наезжал к нам в Ясенево, что также тяготило его.

Однажды мы с Крючковым прибыли в его кабинет в Центре на доклад. Юрий Владимирович встретил нас со стаканом воды в руках, явно запивая очередное лекарство. «Как у вас дела в лесу?» — с нескрываемой тоской спросил он. — Как бы я хотел посидеть у пруда, среди зелени и цветов!» Он грустно посмотрел на стакан и вздохнул. Тогда я понял, насколько серьезно он болен.

Всем в КГБ были известны пунктуальность Андропова, его умение четко и по-деловому формулировать свои мысли устно и письменно. Даже почерк отражал особенности его характера: каллиграфический, твердый, как по линейке. Но сухарем он не был. Напротив, Андропов проявлял способности, непривычные для руководителя специальных служб. Хотя в театр ему удавалось вырваться нечасто, он увлеченно перечитывал все идущие на сцене пьесы и вообще очень много читал. Он писал стихи,

лирические и политические. Некоторые из них публиковались под псевдонимами, например от имени моряка, обращавшегося к Мао Цзэдуну во время обострения конфликта с Китаем.

Юрий Владимирович Андропов, несмотря на циркулировавшие поначалу слухи о том, что он является фигурой переходной, пробыл председателем КГБ СССР 15 лет и с профессиональной и человеческой точки зрения был лучшим из всех руководителей, при которых мне пришлось работать за 34 года службы. Поэтому позволю себе сделать отступление, которое, возможно, не имеет прямого отношения к делу и даже несколько сентиментально. Но это воспоминание дорого мне.

Последний раз я проводил свой отпуск в Крыму в 1990 году. Я жил в нашем санатории в Ливадии, неподалеку от Ялты. Там я встретился с начальником местного Девятого отдела УКГБ по Крымской области, который занимался обеспечением охраны прибывающих на отдых высших должностных лиц государства и иностранных делегаций. Его звали Лев Николаевич Толстой, и он на самом деле был одним из прямых потомков великого писателя. Мы решили проехаться по местам, где особенно любил бывать Андропов.

Вместе с Толстым и женой Валентиной прямо с пляжа мы поехали в горы, где в последний раз побывал Андропов. Толстой рассказал, что Андропов, пройдясь немного пешком, присел на скамейку передохнуть. Неожиданно он сказал, что чувствует сильный озноб.

Его состояние ухудшалось на глазах. Теплая одежда не помогала. Андропова срочно отправили самолетом в Москву и поместили в больницу. Из нее он уже не вышел.

Я сидел на той самой мраморной скамейке и вспоминал «Ю.В.», как его всегда называл Крючков. Мне вспомнился комплимент «Ю.В.», самый дорогой из всех, которых я удостоился за время работы в разведке. Когда Андропов лежал в больнице, мне позвонил Юрий Плеханов, начальник «Девятки» (управления правительственной охраны), и рассказал, что только что Юрия Владимировича посетили председатель КГБ Чебриков и начальник разведки Крючков. Среди других вопросов Андропова был и такой: кого назначили первым заместителем начальника ПГУ? Ему назвали мое имя. «Грушко я хорошо знаю и помню, — сказал Андропов. — Это правильное назначение».

Ю.В.Андропова на посту председателя КГБ СССР сменил Виталий Васильевич Федорчук, до этого руководитель украинского республиканского Комитета. Это назначение для всех сотрудников КГБ было неожиданным. Поговаривали о том,

что после перехода Андропова вместо скончавшегося М.А.Суслова на должность секретаря ЦК КПСС по идеологии на кандидатуре В.В.Федорчука настоял первый заместитель председателя КГБ Г.К.Цинев.

Федорчук запомнился мне как законопослушный и достойный человек, сильная и серьезная личность. Но ряд направлений деятельности Комитета, в том числе разведку, он знал недостаточно, не мог правильно оценить их значение и специфику. Разведчики даже ворчали, что наступило «смутное время». Карьера Федорчука была связана с военной контрразведкой. Одно время он возглавлял Управление особых отделов Группы советских войск в Германии. В этой области он был профессионалом высокого класса.

Он пробыл Председателем всего несколько месяцев. После смерти Брежнева и избрания Андропова Генеральным секретарем ЦК КПСС в конце 1982 года во главе органов госбезопасности был поставлен человек, которого Андропов знал лучше и видел в деле, — бывший первый заместитель председателя Виктор Михайлович Чебриков. Федорчука, обладавшего сильной волей и отличавшегося дисциплинированностью, перевели на должность министра внутренних дел. Навести порядок в этом министерстве после смещения замешанного в коррупции Щелокова было необходимо. Виталий Васильевич Федорчук, хотя и не без некоторых перегибов, с этой задачей справился.

С В.М.Чебриковым я познакомился ближе во время официального визита в Монголию. Он произвел на меня очень хорошее впечатление. Во время войны Чебриков воевал на фронте, получил боевые ранения. Личный состав органов госбезопасности относился к нему с уважением.

Чебриков, несомненно, был ближе к Андропову по стилю работы, чем Федорчук. Пожалуй, Чебрикову не хватало масштабности и инициативности Андропова. Но он отстаивал те же принципы, что и «Ю.В.» В годы перестройки, когда КГБ также должен был уточнить свой профиль в духе происходивших перемен, он несколько растерялся. Руководство Комитета пыталось балансировать и отчасти отстранилось от происходящих перемен, стараясь остаться в роли нейтральных наблюдателей, что, разумеется, сделать было нелегко.

Тем временем Горбачев обратил внимание на начальника Первого главного управления Владимира Крючкова, обладавшего обширными знаниями и опытом. Новый Генеральный секретарь пошел на необычный шаг, включив Крючкова в состав официальной советской делегации, выезжавшей в США на встречу

на высшем уровне. Признание важности роли разведки и деловых качеств ее руководителя было одним из позитивных признаков взятого курса на обновление. Со временем, как я уже говорил, стало ясно, что Горбачев намерен выдвинуть Крючкова в высшее руководство страны.

Владимир Александрович Крючков родился в 1924 году в рабочей семье и провел детство и юность в Сталинграде. Начал трудиться в годы войны на одном из оборонных предприятий славного города. Юноша рано включился в общественную и политическую работу. Вскоре его избрали секретарем одного из райкомов комсомола Сталинграда. Одновременно он учился на вечернем отделении местного университета и получил высшее юридическое образование. Некоторое время после войны Крючков работал в органах прокуратуры Сталинграда. В конце 40-х годов его зачислили на учебу в Высшую дипломатическую школу, где среди других дисциплин он изучал венгерский язык.

В 1955 году Крючкова направили на работу в советское посольство в Будапеште. Здесь он впервые встретился с Андроповым, который был послом в Венгрии. С тех пор вплоть до кончины Андропова они были рядом. Крючков рассказывал мне, что близкими друзьями они с Андроповым никогда не были, но в деловых вопросах понимали друг друга с полуслова. Думаю, что для их политической карьеры оказалось важным то, что оба прошли через события в Венгрии в 1956 году.

После возвращения Андропова из Венгрии в Москву и избрания его секретарем ЦК завершился и срок загранкомандировки Крючкова. Он перешел из системы МИД в аппарат ЦК КПСС, став через некоторое время помощником Андропова и его ближайшим сотрудником. Когда Андропова в 1967 году назначили председателем КГБ, Крючков последовал за ним, заняв ответственную должность начальника секретариата Комитета, через который проходили все важнейшие документы.

В 1971 году Ю.В.Андропов назначил В.А.Крючкова заместителем начальника Первого главного управления. Вскоре у меня появилась возможность познакомиться с ним в ходе вышеописанной продолжительной беседы, на которой обсуждались, вопросы отношений Норвегии с Общим рынком.

В 1975 году Крючков сменил Федора Мортина на посту начальника советской внешней разведки. Владимир Александрович много доброго сделал в разведке и для разведки. Он повысил ее эффективность и влияние, усилил требовательность к кадрам, уровень творчества и сосредоточил внимание сотрудников на решении главных задач. Он умел

слушать подчиненных и делать правильные выводы.

Не секрет, что после прихода Крючкова некоторые руководящие работники разведки, руководствуясь собственными амбициями, ревниво отнеслись к этому. Но работоспособность и такт Крючкова, его умение быстро и глубоко вникать в суть проблем, феноменальная память очень скоро снискали ему уважение профессионалов. Новый начальник расширил практику отчетности руководителей и сам чрезвычайно тщательно готовился к совещаниям. Такие встречи помогали ближе познакомиться с начальниками отделов и резидентами, уточнить круг приоритетных разведывательных задач и пути их решения. Несомненно, они имели большую оперативную ценность и воспитательное значение. Сам факт систематической и конкретной отчетности побуждал подразделения работать с полным напряжением сил. Совещания не были чем-то новым в практике разведки, но Крючков довел их почти до совершенства. На просчетах одних учились все.

Высокие требования предъявлялись к дисциплине сотрудников. Одновременно большое внимание уделялось сплочению коллектива, своевременному служебному росту и поощрению оперативных работников.

Сам Крючков отличался необычайной пунктуальностью и организованностью, работал как часы. Каждое утро он просыпался ровно в 6.20 и в течение часа делал зарядку по программе, которую разработал сам. Ровно в 9.00 он был на рабочем месте. Напряженный рабочий день обыкновенно заканчивался в 9-10 часов вечера. Он работал и по субботам, а воскресный выходной можно было назвать таковым лишь условно, потому что Крючков постоянно находился на связи и был доступен в любое время дня и ночи. Для личного состава разведки вообще характерен высокий уровень готовности, собранности, мобильности и подтянутости, поскольку тот или иной руководящий или обычный работник может потребоваться в любую минуту.

Насколько это было возможно, начальник разведки обедал в общей столовой вместе со своими первыми заместителями ровно в половине второго. Это позволяло попутно поговорить о текущих делах. Если он выезжал в Центр или принимал кого-то, то неизменно звонил и предупреждал нас, чтобы не ждали. Раз в неделю, как правило в субботу вечером, он любил ходить в баню там же, в Ясенево. Иногда мы составляли ему компанию.

Сильной чертой Крючкова было стремление общаться не только с подчиненными ему руководящими работниками, но и с другими офицерами, независимо от звания, занимавшимися

интересными оперативными делами. Многим из них он помог сделать карьеру. Ко всем без исключения он обращался только на «вы», держался ровно и стремился никого не приближать к себе. С 1972 года и по сегодняшний день, хотя мы многое прошли и пережили вместе, я ни разу не слышал от Крючкова «ты».

Он ни с кем в разведке не поддерживал близких личных отношений. Хотя наши дачи находились рядом, мы никогда не бывали друг у друга. Может быть, это было связано с постоянным перенапряжением на работе и желанием просто-напросто отдохнуть и побыть без посторонних в кругу семьи. Крючков не ходил на юбилеи и частные празднования служебных назначений и награждений, но не забывал поздравить виновника торжества. Он придавал большое значение тому, чтобы быть ровным во взаимоотношениях и не допускать слухов о наличии «любимчиков» и связанных с этим обид. «Когда выйдем на пенсию, будем встречаться с вами в неформальной обстановке», — сказал он одному из приглашавших его на банкет.

Семья самоотверженно поддерживала Крючкова в его тяжелой работе. Когда Владимир Александрович после августовских событий 1991 года был арестован, его супруга Екатерина Петровна смело выступила по телевидению, заявив, что служение Отечеству всегда было для него главным и она даже в мыслях не может допустить каких-либо своекорыстных или противозаконных действий с его стороны.

Она была совершенно права. Так же как и Андропов, к тому же имея высшее юридическое образование, Крючков был убежденным сторонником соблюдения правовых норм властями и гражданами страны. Это проявилось и во время драматических событий августа 1991 года.

В течение 20 с лишним лет нашего знакомства я не уставал удивляться огромной силе интеллекта Крючкова, его качествам лидера, способности находить общий язык с подчиненными, широте кругозора и глубине знаний. Хорошо зная механизм принятия решений в нашей стране, он добился резкого повышения оперативности обработки и доведения до соответствующих инстанций нужной информации.

После всех отставок в августе 1991 года в прессе пытались бросить тень на Крючкова, утверждая, что якобы по его инициативе информация наверх шла «приукрашенной». Такая критика не имеет под собой никаких оснований. То, что он лично уделял много внимания отработке документов, это верно. Он умел сам и требовал от других четко и недвусмысленно излагать факты, давать их глубокий анализ, делать прогнозы и вносить предложения. Ни разу мне не приходилось сталкиваться со

случаями направления тенденциозной или приглаженной информации. Напротив, когда в стране стала нарастать критика политики Горбачева, а ряд лиц из его окружения продолжали заниматься славословием, мы сообщали Президенту неприкрытую правду.

О феноменальной памяти Крючкова ходили легенды. Всем, кому приходилось работать с ним, довелось убедиться в этом его редком качестве. Он помнил людей и их высказывания. Он мог полностью запомнить продолжительную беседу на венгерском языке наедине с Кадаром и через некоторое время детально воспроизвести ее на русском со всеми малейшими нюансами. Это не могло не вызывать глубокого почтения у «асов пера» из разведки. Бывали случаи, когда заместители Крючкова и руководители подразделений докладывали ему наиболее деликатные секретные документы лично, минуя секретариат. Иногда он оставлял такие документы на некоторое время у себя. Но работа с закрытыми материалами накладывает большую ответственность, за их сохранность требуется периодически отчитываться, независимо от того, на каком уровне это происходит. К счастью, Крючков, ознакомившись с бумагами, всегда все помнил и без труда безошибочно мог в огромной пачке находившихся на докладе или в работе бумаг отыскать требуемое. Хорошее качество для руководителя.

Престиж Крючкова рос, и еще в разведке, в 1986 году, его избрали в ЦК партии. Год спустя статус начальника ПГУ был повышен до заместителя председателя КГБ. В самом начале 1988 года Крючкову присвоили воинское звание генерала армии. А в октябре 1988 года он стал председателем КГБ и вскоре был избран членом Политбюро ЦК КПСС. Чебриков перешел на работу в ЦК КПСС.

Таким образом, Крючков вошел в состав высшего руководства страны, которое встало перед фактом нарастания в обществе кризисных явлений. О его роли в августовских событиях 1991 года я расскажу позже, сейчас же несколько слов о В. Бакатине. Если Андропов, Чебриков и Крючков укрепляли КГБ и повышали его эффективность в защите государственных интересов страны, то Бакатин фактически сразу взял линию на его разрушение.

Я познакомился с Бакатиным в бытность его министром внутренних дел и должен признать, что ко мне он отнесся уважительно и корректно. Однако, по утверждению руководящих работников МВД, к подчинённым ему профессионалам, которые в течение многих лет добросовестно выполняли свой долг, он позволял себе относиться по-другому, допускал унизительные и несправедливые оскорбления, обвинения в консерватизме и

заскорузлости и, наконец, подсиживания и угрозы, чистки и протекционизм. Стиль руководства не всегда имеет определяющее значение для результата работы. Авторитарные руководители тоже могут добиться успеха. Просто он, играя в политику, плохо выполнял свои обязанности.

Особенно отчетливо отсутствие государственного ума и подхода проявилось тогда, когда Бакатин по своей инициативе, без согласования с законодательными органами Советского Союза, вывел из союзно-республиканского ведения органы внутренних дел Прибалтийских республик, переподчинив их местным властям, лишив тем самым Центр возможности оперативно управлять этими важными органами. То же самое он предпринял в отношении Закавказских республик, хотя и более завуалированно. Нет необходимости говорить о том, что сотрудники органов внутренних дел решительно протестовали против таких действий. Бакатин оправдывал свои решения веяниями демократизации, но тут даже Горбачев пришел в ярость и лишил Бакатина его поста, правда оставив ему место в Президентском совете.

В августе 1991 года в результате известных событий его назначили на пост председателя КГБ СССР, на котором он пробыл вплоть до роспуска Союза, то есть менее четырех месяцев. В своей книге «Избавление от КГБ» он не скрывает, что своей главной целью считал разрушение сложившейся системы органов госбезопасности.

Главное, что сделал Бакатин на посту председателя КГБ, так это необоснованное расчленение Комитета на ряд самостоятельных ведомств, что привело к снижению эффективности их работы. Бесчисленные реорганизации вытолкнули из рядов органов безопасности массу талантливых контрразведчиков и разведчиков. В развале системы взаимодействия и координации работы спецслужб, складывавшейся десятилетиями, Бакатин преуспел.

Одним из наиболее одиозных шагов за короткое время его председательства была выдача, со ссылкой на горбачевское «новое мышление», современной техники съема информации в посольстве США американским властям. Формально он «прикрылся», написав Горбачеву записку на этот счет и получив столь же формальную резолюцию согласовать выдачу с Министерством иностранных дел СССР, где в тот период заправлял очень похожий на него по своему стилю работы Б. Панкин. Санкции на передачу такой важной информации Бакатин не имел, да и никто, строго говоря, не вправе был дать ее, даже Президент.

Последовавшие затем жалкие оправдания Бакатина, что якобы наши системы устарели, не соответствуют действительности. Мне доподлинно известно, что эти системы съема информации были выдающимся достижением наших ученых и американские специалисты не в состоянии были их обнаружить и разгадать принципы функционирования. Ссылки на козни КГБ по отношению к благородным американцам также не выдерживают никакой критики. Я лично видел множество изощренных технических средств американских спецслужб, с огромным трудом обнаруженных и извлеченных из зданий советского посольства в Вашингтоне и представительства СССР при ООН в Нью-Йорке. Мы демонстрировали эти устройства народным депутатам СССР, для чего специально приглашали их в КГБ. Подчеркивавшийся Бакатиным расчет на ответные шаги с американской стороны в духе «нового политического мышления» трудно объяснить простой наивностью. Американцы были вне себя от радости, получив подобный подарок. Разумеется, делать что-то в ответ они не собирались и никогда бы на это не пошли.

Поведение Бакатина многими сотрудниками Комитета, независимо от того, каких политических взглядов они придерживались, было расценено как прямое предательство.

В знак протеста против назначения Бакатина, его волюнтаристских и предательских шагов подали рапорты об отставке заместитель председателя, начальник разведки Л.Шебаршин и ряд других руководящих работников. Степень профанации основ оперативной работы и решения кадровых вопросов при Бакатине Шебаршин убедительно показал на ряде примеров в своей книге. Помимо неверного решения принципиальных вопросов профессионалам претил стиль руководства Бакатина, который напоминал отношение фельдфебеля к несмышленым молодым солдатам.

Бакатин ничего не понял и не хотел понимать в отлаженной десятилетиями системе государственной безопасности в стране. Все его кратковременное пребывание на посту руководителя Комитета несло на себе отпечаток ненависти к органам безопасности и их сотрудникам.

КГБ СССР действительно нуждался в реформах и совершенствовании своей деятельности. Многое требовало изменений, и немало было уже сделано. Но одержимые манией «уничтожить монстра» добивались иных целей и во многом добились своего, за что теперь обществу приходится дорого расплачиваться.

Глава 18
Горбачев

Избрание М.С.Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС вместо скончавшегося в 1985 году К.У.Черненко было шагом, который я горячо приветствовал. Такие же чувства испытывали и другие мои коллеги. С выдвижением на первые роли относительно молодого, энергичного политика ожидалось наступление в обществе назревших перемен.

Расширение гласности было, на мой взгляд, необходимым нашему государству, поскольку в нем в свое время были допущены грубые злоупотребления и попрание основополагающих прав человека. Остается лишь сожалеть, что большая открытость не утвердилась в обществе много раньше. При Хрущеве наблюдались сдвиги в этом направлении, но во времена Брежнева наступил застой. В области соблюдения прав человека произошел даже некоторый откат назад.

Будет уместным напомнить, однако, что атмосферу страха, господствующую в обществе в сталинские времена, ни в коей мере нельзя сравнивать с обстановкой в Советском Союзе после его смерти. Важным явлением после XX съезда КПСС стала борьба с произволом государственного аппарата и ущемлением законных интересов граждан. Диссидентов осуждали в редких случаях и не за инакомыслие, а за конкретные нарушения действовавших законов, хотя, конечно, случались явные перегибы и скрытые натяжки. Заметны были резкое сокращение методов насилия и отказ от практики массовых нарушений прав человека. Конечно, можно думать что угодно о законодательных нормах 50-80-х годов, например о статье Уголовного кодекса об антисоветской деятельности. Любые законы отражают состояние общества в определенный период, но основополагающим моментом для предотвращения в нем хаоса и бесправия должно являться неукоснительное соблюдение законодательства всеми, независимо от того, нравится оно кому или нет. Постоянное совершенствование нормотворчества и укрепление законопослушания всегда лучше гибельного для любого общества правового беспредела.

Когда Горбачев пришел к власти, мало у кого были сомнения в том, что стране недоставало демократии, свободы слова и уважения; прав человека. Самой большой трагедией было то, что у нас не существовало здоровой практики обновления высшего

руководства. Первые лица вместе со своими «командами» оставляли свои посты только по причине смерти, и лишь Хрущев стал исключением. Если бы советский народ действительна избирал своих руководителей путем свободных и прямых выборов в условиях конкуренции между кандидатами, наше общество сегодня было бы иным. Выдвижение Горбачевым на первый план принципа гласности было встречено с воодушевлением.

Было также ясно, что страна нуждалась в экономических реформах, повышении производительности труда. Ускорение экономического развития на основе научно-технического прогресса, провозглашенное новым Генсеком, было верным лозунгом, к сожалению, так и оставшимся на бумаге и заболтанным в речах и средствах массовой информации.

Никто поначалу не мог и подумать, что приход в Кремль Горбачева приведет к подрыву социализма и развалу Советского Союза. Однако уже через год-два стало очевидно, что дело идет именно к этому, независимо от того, какими первоначально были намерения Генерального секретаря и Президента СССР. Так называемые экономические реформы резко расслоили общество, привели к появлению спор дикого капитализма, сосредоточению в руках немногих астрономических сумм за счет труда большинства честных тружеников. Теперь нашему государству действительно потребуются громадные усилия для создания цивилизованного общества и здоровой экономики.

В конце 80-х годов мировая сверхдержава уже была поражена болезнью сепаратизма и национализма, что вылилось в кровавые конфликты. Как известно, все это, а также двойственная политика Горбачева привели к разрушению Советского Союза, образованию ряда независимых ослабленных республик, переживающих внутренние дезинтеграционные процессы и не умеющих, а главное — не желающих сотрудничать друг с другом. Вольным или невольным архитектором этого губительного развития является Михаил Сергеевич Горбачев.

Когда у меня появились определенные сомнения в подлинной роли и способностях Горбачева, я связался с одним из старых друзей в Ставропольском крае и поинтересовался, чем запомнилась землякам деятельность бывшего секретаря крайкома партии и что они думают о нем как о Генеральном секретаре. Тот рассказал, что политическая карьера Горбачева на местном уровне отличалась массовыми шумными кампаниями, призванными решить наболевшие проблемы, но не приносившими общественной пользы. Постепенно интерес к ним терялся, а проблемы по-прежнему оставались.

Горбачев умел пространно говорить на общие темы в сфере

политики и экономики. Инициативы на основе «нового мышления» в сфере внешней политики были глобальными и броскими, но в реальном мире игра не должна вестись в одни ворота. Мы же сами забивали себе голы один за другим с ретивостью, достойной лучшего применения.

В конкретных делах Горбачев редко имел четкое представление о том, что нужно предпринимать. «Процесс пошел» — вот что было главным для него, а достижение поставленных целей с точностью до наоборот — пустяком. Почти все инициативы, за исключением расширения гласности, окончились полным фиаско.

Прямо критиковать первого руководителя страны в то время было еще чревато серьезными последствиями. Вас могли легко поставить на место. Тем не менее я считал, что нельзя молча смотреть на происходящее, и в своих выступлениях перед коллективом контрразведчиков в 1990 году счел возможным остановиться на ряде ошибок, допущенных, на мой взгляд, в осуществлении политики перестройки. Несмотря на это, а может быть, именно поэтому значительным большинством я был избран делегатом съезда КПСС, а на нем — членом ЦК партии.

В качестве одного из примеров мною приводилась начатая в 1987 году антиалкогольная кампания. Цель ее была верной. Пьянство действительно стало бичом общества, причиной преступлений, злоупотреблений, низкой производительности труда и семейных трагедий. Кто стал бы возражать против того, чтобы наши сограждане появлялись на работе трезвыми и не били своих жен?

Но как Горбачев «решил» эту проблему?

Сложилось впечатление, что он рассчитывал положить конец пьянству по мановению волшебной палочки, с такого-то часа такого-то числа. Кампания свелась к тому, что закрывались пивоваренные заводы, вырубались виноградники, сократилось число торговых точек и повысились цены на алкогольные напитки, с тем чтобы сделать их максимально недоступными. Привычка послушно исполнять указания руководства укоренилась у советских людей, поэтому для показухи большинство безропотно подчинилось. Но как было искоренить двойную мораль и отучить народ от дурных привычек? Активно пропагандировались безалкогольные свадьбы, праздники, которые выдавались за новые обычаи и показывались по телевидению. Очень популярной была идея создания районов трезвенности. Все, казалось, бы, хорошо! Победные реляции с мест, благодарные письма в печати, честь и хвала руководству.

А на деле? Стали ли труженики появляться на своих

рабочиместах одухотворенными, готовыми к новым свершениям и возвращаться домой с букетами цветов для жен вместо опостылевшей бутылки водки? Если бы!

Еще со времен «сухого закона» в США практика показала, что решение проблемы алкоголизма административным наскоком, к глубокому сожалению, ни к чему, кроме криминализации производства и торговли спиртными напитками, не ведет. Не принес результатов и полный запрет алкоголя в Советском Союзе в 20-е годы, вместо которого Сталин ввел государственную монополию на торговлю спиртными напитками. Большой опыт использования государством в этих целях винной монополии имелся также в Скандинавских странах.

Горбачеву и другим, кто стоял у истоков антиалкогольной кампании 80-х годов, следовало бы в первую очередь изучить имевшийся опыт и не повторять чужих ошибок. В действительности же мы получили целый букет проблем: астрономический скачок теневых доходов и накопление первоначального частного капитала, бурный рост коррупции, исчезновение из продажи сахара в целях самогоноварения, уничтожение производства марочных вин и качественного пива, отравление сограждан суррогатами и распространение наркомании, многочасовое стояние в очередях «традиционалистов» вместе с бушующими алкоголиками, взлет бытовой преступности, сокращение реального уровня жизни в и без того не процветающих семьях пьющих, усиление центробежных тенденций в винодельческих республиках — на Украине, в Молдавии и Закавказье. Короче, результаты оказались прямо противоположными ожидаемым, а казна недосчиталась огромных бюджетных сумм, возместить которые оказалось нечем.

Пример благих намерений, которыми вымощена дорога в ад, я привел для того, чтобы показать, что в реальной жизни не бывает простых решений. Все должно продумываться, взвешиваться и просчитываться. Поспешность, красивые слова, в которых желаемое выдается за действительное, шанса на успех не имеют.

В распаде Советского Союза как великой многонациональной державы я виню не только местных сепаратистов, но и политику Горбачева. У нас, в КГБ, имелись сведения о «популярности» Горбачева среди различных групп и слоев населения. Доверие к нему как к руководителю страны катастрофически падало. Неприукрашенная информация на этот счет Президенту поступала от нас регулярно. В 1991 году он уже пользовался поддержкой всего от 4 до 10 процентов населения в разных регионах.

Было ясно, что Прибалтийские республики, например, намерены поставить вопрос о выходе из Советского Союза в том случае, если большинство их населения в установленном законом порядке выскажется за это. Предстоял своего рода «бракоразводный» процесс с разрешением определенных имущественных и иных вопросов, вытекающих из продолжительной совместной жизни. Тот способ, которым развод в конечном счете произошел, никак не назовешь справедливым.

Советский Союз как таковой и отдельные республики, входившие в него, прежде всего Российская Федерация, вложили в Прибалтику огромные ресурсы. Раздела или компенсации собственности после провозглашения независимости Латвии, Литвы и Эстонии не произошло. Напротив, появились территориальные претензии к России, которые представляют собой «мину замедленного действия». А ведь всего этого можно было избежать, своевременно обсудив все вопросы. Сепаратисты диктовали условия, которые принимались, по сути, безоговорочно и в нарушение существовавших законодательных процедур.

Поощрение руководством страны ее распада имело самые негативные последствия. Советский Союз, нравился он кому-то или нет, имел интегрированную экономику. Развитие и размещение производительных сил, межхозяйственные связи складывались и отлаживались десятилетиями, а порой и столетиями. Взаимозависимость была насущной экономической реальностью. Националисты и сепаратисты повсеместно, включая и Россию, утверждали, что именно их республика якобы проигрывала от такой интеграции и могла бы намного успешнее существовать в одиночку. В действительности наибольшую выгоду от перераспределения национального дохода в рамках Советского Союза получали окраинные республики, прежде всего в Средней Азии, Закавказье и Прибалтике. Но Россия как объединяющее звено, на мой взгляд, не оставалась внакладе, если говорить о серьезных и долгосрочных геополитических интересах. Утверждения о том, что Москва грабила «имперские окраины» или, наоборот, «кормила дармоедов», настолько примитивны, что не заслуживают комментариев. Миллионы людей, которые пришли на референдум 17 марта 1991 г., напрочь отвергли такие домыслы и выразили желание жить в обновленном Союзе. Этот факт никто не может отрицать!

Или взять военно-стратегические проблемы. Оборона Советского Союза строилась исходя из потребностей защиты всей его территории. Разумеется, приграничные районы имели особое значение. Прибалтика составляла один из флангов страны, где наряду с другими располагались и стратегические объекты, так

как все наши бывшие западные территории ранее подвергались агрессии. Все это требовало самого серьезного обсуждения и решения.

Как в Уставе Организации Объединенных Наций, так и в документах СБСЕ определены критерии самостоятельности и суверенности государств. Во всех послевоенных соглашениях основополагающим считался принцип нерушимости границ. Если требовался пересмотр этого главного принципа, почему не был созван соответствующий международный, форум? Почему не были задействованы даже внутрисоюзные процедуры для урегулирования всего комплекса непростых вопросов до или после известных событий августа 1991 года?

Спешка и непродуманность царили в переговорах по «переподписанию» союзного договора до августа 1991 года. После августа Горбачев был готов пойти на все и с легкостью соглашался на любые требования, особенно со стороны Прибалтийских республик. Главное — удержаться у власти. Предоставление независимости было осуществлено без урегулирования ключевых проблем и без разграничения полномочий. Что бы ни говорили нынешние сторонники Горбачева, его решения были противозаконными, антидемократичными и несправедливыми. Именно он, первый Президент СССР, который выступал за демократические методы в процессе принятия политических решений, вел себя авторитарно, когда речь заходила о прочности его личной власти.

Выиграла ли Россия от развала Советского Союза? С самого начала было ясно, что нет. Большинство бывших советских республик тоже ощутили на себе утрату преимуществ экономической интеграции. Существовали ли у республик СССР объективные интересы для политического обособления? У меня нет оснований для таких предположений. Договориться с республиками было вполне возможно. Политическая атмосфера в 1990–1991 годах позволяла добиться согласия, но, к сожалению, крикливая настойчивость сепаратистов нашла благодатную почву в безграничной уступчивости центра.

Поведение союзного руководства оказалось безответственным, а победа республик — пирровой, поскольку экономическая ситуация во всех без исключения регионах ухудшилась, хозяйственные связи нарушились, не говоря уже о бедственном, а порой и трагическом положении национальных меньшинств, прежде всего русских.

Было ли это бегством от коммунизма? Думаю, что нет. Пересмотр главы 6 Конституции СССР о руководящей и направляющей роли коммунистической партии в Москве и

столицах союзных республик прошел безболезненно. Такие же, как и я, члены компартии не имели ничего против свободной конкуренции с другими общественно-политическими течениями в борьбе за более справедливую политику с точки зрения интересов трудящихся. Другое дело, что руководство КПСС к политическому плюрализму в стране было абсолютно не готово.

Если брать международное окружение, то у нас имелись надежные данные о том, что США и НАТО очень рассчитывали на ослабление Советского Союза. Но столь быстрый коллапс главного противника явился даже для них неожиданным подарком. Больше всего наши оппоненты опасались возрождения великой социалистической державы в новом, демократическом качестве.

Главной целью внешней политики любого государства является защита своих национальных интересов. Важнейшей задачей разведывательных органов страны были и всегда будут ориентирование высшего политического руководства о возможностях достижения этой цели и максимальное содействие ему с использованием специфических средств.

Когда меня в 1989 году назначили заместителем председателя и начальником Второго главного управления КГБ, ответственного за контршпионаж, в мои обязанности было включено, в частности, предотвращение утечки информации, составляющей государственную тайну. Каналы утечки такой информации из республик Прибалтики, в том числе через зарубежных «консультантов» народных фронтов, были установлены. Об этом доложили Горбачеву. Частично факты были преданы огласке через средства массовой информации. Наряду с доказанными случаями имелся целый ряд серьезных оперативных сигналов, требовавших дальнейшей работы. Как бывший разведчик я не мог не почувствовать «по почерку» особого интереса ЦРУ к приглашениям в ознакомительные поездки за американский счет целых групп советских народных депутатов и представителей региональных элит. Их обрабатывали и деликатно, и не очень. Попытки оказать влияние на происходившее в Советском Союзе явно прослеживались в действиях западных специальных служб. Может быть, Горбачев, Яковлев или Шеварднадзе и не были прямыми агентами влияния американцев, но ставку на них в Вашингтоне определенно делали. Американцы, конечно, приложили руку к расколу Советского Союза. Это подтвердится сведениями из архивов американских спецслужб, если когда-нибудь они будут рассекречены. Но нам и в самом начале 90-х годов их цели были

ясны. Они походили на планы в отношении Югославии. Содействовать росту местных националистических настроений вплоть до выдвижения требований о «самоопределении» и помогать им в международном признании новых государственных образований, не учитывая критериев ООН или Европейского совещания по безопасности и сотрудничеству. В Советском Союзе американцы поддерживали любое устремление к сепаратизму под прикрытием лозунга демократизации.

Промахи Горбачева наиболее отчетливо проявились, пожалуй, в области внешней политики. В вопросах разоружения, вопреки мнению наших экспертов, он шел на неоправданные уступки. Стремление к разрядке напряженности и уменьшению уровня военного противостояния встречало широкую поддержку в нашем обществе и среди профессионалов спецслужб. Однако от вопросов симметрии и сбалансированности уровней нельзя отмахнуться. Переговоры об ограничении стратегических вооружений и разоружении требовали особенно тщательного подхода по многим причинам. Именно здесь Горбачев продемонстрировал свое понимание «нового мышления» на практике. Он исходил из того, что все стороны будут проявлять гибкость, открытость и миролюбие. На деле же конструктивные предложения с советской стороны жестко блокировались Западом, в результате чего «компромиссы» раз за разом оказывались односторонними, не в нашу пользу. В Советском Союзе внешнеполитическая линия Горбачева в начале 90-х годов стала вызывать растущую критику.

Наиболее одиозным было поведение Горбачева в так называемом «германском вопросе», который, как известно всем международникам, составлял суть послевоенного урегулирования.

Основные принципы устройства мира были заложены еще во время второй мировой войны. Союзники по антигитлеровской коалиции решили, что их вооруженные силы будут оставаться на германской территории и после победы для исключения новой агрессии с ее стороны. В 1945 году Германия была поделена на оккупационные зоны между США, Великобританией, Францией и Советским Союзом. Именно державы-победительницы должны были решать, что будет происходить на территории поверженного «третьего рейха».

Многочисленные инициативы урегулирования германского вопроса за прошедшие десятилетия привели лишь к частичным результатам: признавался факт существования двух немецких государств и особый международный статус Западного Берлина. Стремление нации к объединению должно было сопоставляться с

интересами международного сообщества с целью поддержания геополитической стабильности.

В этой связи естественным было полагать, что процесс объединения двух немецких государств через 45 лет после окончания войны будет тщательно контролироваться союзниками, особенно в плане ограничения вооружений и иностранного присутствия.

С советской стороны проект такого варианта был разработан Валентином Михайловичем Фалиным, ведущим экспертом по германским делам, ставшим при Горбачеве секретарем ЦК КПСС по международным вопросам. Фалин работал ранее, в третьем, европейском отделе МИД, а затем, во второй половине 70-х годов, был советским послом в Бонне.

К встрече Горбачева с канцлером ФРГ Колем Фалин подготовил основные моменты переговорных позиций. Во-первых, объединение не должно было стать «аншлюсом», то есть поглощением одного германского государства другим. Ясно, какого и кем! Речь могла идти только о равноправном союзе. Во-вторых, предусматривалось, что объединенная Германия не будет являться членом НАТО, во всяком случае не должна входить в военную организацию этого блока. Все соглашения о выводе иностранных войск из Германии, экономических аспектах, правах и обязанностях должны были подписываться участниками формулы «4 + 2», то есть державами-победительницами — СССР, США, Англией, Францией — и двумя германскими государствами. В любом случае должно было быть исключено обладание Германией или размещение на ее территории ядерного оружия. В этих рамках никто не собирался ущемлять прав Берлина и Бонна на самостоятельный поиск развязок своих взаимоотношений.

Разведывательные данные давали основание полагать, что США, Великобритания и Франция были готовы одобрить в той или иной форме подобный план. Оба германских государства, в свою очередь, намеревались поддержать его. Но что сделал Горбачев во время визита Гельмута Коля на Северный Кавказ? Не имея полномочий от конституционных органов Советского Союза, он отложил предложения экспертов в сторону и фактически «сдал» ГДР даром. Он заявил, что немцы могут сами решать свое будущее без вмешательства извне. Коль не поверил собственным ушам и попросил переводчика подтвердить правильность сказанного!

На этом дело не кончилось. Горбачев, еще не имея концепции окончательного урегулирования, обещал вывести все советские войска из ГДР до 31 августа 1994 г. В одностороннем порядке!

Это было шокирующее решение. Присутствие советских войск в Восточной Германии не имело никакого отношения к проблеме объединения или волеизъявлению немцев. Части Советской Армии находились там согласно решениям Ялтинской и Потсдамской конференций. Если наши подразделения должны были выводиться, то на каком основании оставались в Германии американские и английские войска?

Чиновники внешнеполитических ведомств западных стран просто смеялись над нами, теми, кто был вынужден выполнять решения Президента СССР. Было стыдно выслушивать упреки наших соотечественников и лицезреть награждение Горбачева Нобелевской премией мира, присуждение ему звания «лучшего немца года».

Недовольство политикой Горбачева в стране нарастало. Органы госбезопасности в Центре и на местах регистрировали резкое падение доверия к лидеру. Спонтанные, непродуманные реформы, допускавшие частную инициативу в сфере торговли и производстве без должного законодательного регулирования, привели к массированным нарушениям правил налогообложения. Начали преобладать спекулятивные сделки, ранее запрещавшиеся законом. Полки государственных магазинов опустели. Цены поехали (отнюдь не в сторону понижения). Любой контроль над качеством товаров и оборотами был утрачен. Допущенный расчет наличными подорвал банковскую систему. Кооперативы забирали государственную продукцию и манипулировали ею, искусственно усиливая дефицит и повышая цены. Государственный бюджет оказался дырявым. Средств на здравоохранение, просвещение, науку и другие общественные нужды стало катастрофически не хватать. Для выхода из положения был запущен печатный станок, что породило инфляцию и рост импорта потребительских товаров.

Все эти и другие факты повлекли за собой еще большее недовольство Горбачевым со стороны производителей и потребителей, директоров заводов и профсоюзных руководителей, министров и депутатов.

В армии тоже нарастали проблемы., В условиях инфляции, которая усилилась в 1990 году, офицеры постоянно теряли реальные доходы. Но, самое главное, они не чувствовали достойной оценки своего служения Родине руководством страны. Вооруженные силы при попустительстве Главнокомандующего подвергались издевательствам и насмешкам в средствах массовой информации. Сокращение вооружений требует подчас больших денег, чем их содержание. О выделении бюджетных средств на эти цели Горбачев не думал, экспертные оценки оставались без

внимания. Вывод Группы войск с территории поверженного в годы второй мировой войны противника явился сильным ударом по стране с точки зрения геополитики. Наши военные считали, что уход из ГДР будет равнозначен уничтожению одной из самых мощных — Западной группы советских войск. Для сравнения: когда Филиппины потребовали от американцев убрать две их военные базы с островов, Вашингтон без особого труда добился многолетней переходной процедуры. Горбачев пошел на вывод войск с молниеносной быстротой, не заботясь о дальнейшей судьбе военнослужащих, многим из которых пришлось вместе с семьями зимовать в палатках в чистом поле.

О причинах таких действий Горбачева и сегодня можно только догадываться. Лично я считаю, что он наивно рассчитывал на получение баснословных кредитов на Западе в ответ на односторонние действия. Яковлев и Шеварднадзе активно разыгрывали этот мотив. Но, пойдя на серьезнейшие уступки, Советский Союз реально ничего от Запада взамен не получил.

Бытует мнение, что Горбачев, лишившись к 1991 году доверия народа, якобы пользовался по-прежнему поддержкой Коммунистической партии, избравшей его Генеральным секретарем.

Ничего подобного! В первой половине 1991 года я лично дважды участвовал в заседаниях пленумов ЦК и имел возможность почувствовать настроения. В адрес Горбачева и его политики публично высказывалась нелицеприятная критика, не говоря уже о кулуарных разговорах. Отмечалось, что инициированные им реформы не принесли ожидаемых результатов и замыслы Генерального секретаря не очень понятны. Несколько членов ЦК с мест, независимо друг от друга, назвали в беседах со мной Горбачева «глухарем», что в комментариях не нуждается.

Волна критики на последнем пленуме ЦК КПСС была настолько сильной, что Горбачев вынужден был взять слово и заявить о своей готовности уйти в отставку. После этого он демонстративно покинул зал. Большинство членов ЦК не возражали против отставки, но политбюро сочло, что «лошадей на переправе не меняют», и Генсека уговорили отозвать свое заявление об отставке.

Горбачев остался на своем посту. Но пассивное сопротивление ему на местах продолжалось. Члены партии задавались вопросом: к чему ведет дело Генеральный секретарь? Было похоже, что он, отбросив отечественные реалии, увлекся разработкой программ в духе европейской социал-демократии.

Плюрализм мнений в демократическом государстве — вещь хорошая. Но когда сегодня Генеральный секретарь жарко отстаивает социалистический выбор и необходимость сохранения единой страны, а завтра внезапно начинает заигрывать с так называемой «межрегиональной» группой депутатов-либералов, явно проповедовавшей далеко не социалистические идеалы, было трудно понять, куда он ведет страну. Горбачева критиковали и слева, и справа. Его положение было незавидным, и по-человечески ему можно было посочувствовать. Однако бесконечными маневрами и непоследовательностью были недовольны все.

Что касается меня лично, я выступал за изменение программы партии в сторону более современной экономической политики, уважения прав личности и терпимости к политическому плюрализму. Да и большинство критиков Горбачева было не против назревших реформ, а против непродуманности и непредсказуемости конкретных шагов руководства. Нереально из одного состояния моментально перейти в другое, разом перечеркнув все происшедшее после Октябрьской революции, и рассчитывать на быстрый успех, уповая на иностранные займы.

На фоне общего недовольства политикой Горбачева, распространившегося во всех слоях общества, активизировалась оппозиция. Под лозунгами «Горбачева — в отставку!» на Манежной площади, в центре Москвы, собирались десятки тысяч людей. Боязнь утраты власти стала еще сильнее довлеть над Горбачевым. В сложившейся ситуации он лихорадочно искал путей сближения с оппозицией. Явное влияние в этих поисках на него оказывал ближайший советник, бывший член политбюро Александр Яковлев, перешедший в стан «демократов». Здесь будет уместно подчеркнуть, что к подлинной демократии подавляющее большинство оппозиционеров, как подтвердили последующие события, не имели никакого отношения. Они руководствовались исключительно конъюнктурными соображениями и преуспели в достижении своих целей. Горбачев же видел для себя главную опасность в политических успехах Ельцина. Принимая меня по случаю назначения на должность первого заместителя председателя КГБ, после обычных поздравлений он произнес запомнившуюся мне фразу: «Ну что же, не будем делать из Ельцина Иисуса Христа». Глаза его при этом заблестели.

В отношении Президента к КГБ также происходили странные вещи. Поначалу у меня складывалось впечатление, что Горбачев хорошо понимает роль и значение органов госбезопасности в

обеспечении интересов страны. Генеральный секретарь Коммунистической партии, ставший впоследствии Президентом Советского Союза, получал от КГБ обширную и объективную информацию. Перечень приоритетных тем был весьма длинным: от прогнозов развития внутриполитической ситуации в стране, предпосылок нарушения нормальных межхозяйственных связей и возникновения межнациональных конфликтов до анализа планов и замыслов Запада по отношению к нашей стране. Информационная служба разведки была традиционно сильна, а в Комитете дополнительно создано и укомплектовано блестящими специалистами мощное Аналитическое управление.

Горбачев проявлял очень большой интерес к информации Комитета госбезопасности, запрашивая все новые и новые данные. Информированность ведомства, лично Владимира Александровича Крючкова и его мнение Президент высоко ценил. Находясь у председателя КГБ на докладах и совещаниях, я был свидетелем того, что Горбачев звонил ему по спецсвязи чуть ли не ежечасно. Но на деле он мало прислушивался к информации и не делал из нее должных выводов. Сотрудники госбезопасности вынуждены были даже пойти на необычный шаг, настояв на отправлении ему принятого на офицерском собрании открытого письма с требованием более адекватно реагировать на крайне тревожные сигналы.

Убежден в том, что если архивы КГБ когда-нибудь будут полностью открыты и вся направлявшаяся Горбачеву информация (а не только та, которую выгодно показывать нынешним властям) будет предана гласности, то станет ясно, что она была объективной и неприукрашенной. Целый ряд материалов основывался на секретных документах Запада и должен был служить серьезным предостережением.

Однажды в отсутствие Крючкова мне довелось лично информировать Горбачева о развитии ситуации на Украине. Я доложил ему о конкретных проявлениях националистических и сепаратистских настроений, игнорирование которых могло привести к требованиям о выходе Украины из Союза. Горбачев показался мне встревоженным и заявил, что «нужно что-то предпринимать». Но что последовало за этим? От принятия каких-либо решений он, по сути дела, устранился, попытавшись целиком переложить урегулирование вопросов общегосударственной важности на плечи КГБ, что выходило за рамки наших полномочий и возможностей. Комитет был готов выполнить свою часть задач, однако в рамках действий всего государственного и общественного механизма.

Горбачев отказывался от любых выступлений по вопросам

государственной безопасности, игнорировал приглашения на встречи с чекистским коллективом. Для сравнения: американский президент ежегодно встречается с руководством своих специальных служб, заботится о повышении их престижа и эффективности работы, поддерживает обоснованные материальные запросы. С Горбачевым же дело доходило до абсурда, трагикомических ситуаций.

Перед крупными международными мероприятиями в любой стране обращаются за сведениями и советом к разведке. Причины такой практики очевидны и не требуют пояснения. В июле 1991 года Горбачев должен был встретиться с руководителями «большой семерки» промышленно развитых стран в Лондоне. В сообщениях средств массовой информации витали спекуляции о возможном выделении Советскому Союзу займа в 24 миллиарда долларов. У нас были точные сведения, что это блеф и сознательная дезинформация. Много раз я задавал Крючкову вопрос о том, с чем же едет наш Президент в Лондон. Председатель с горечью отвечал мне, что ему это неизвестно! Вопрос даже не рассматривался на Совете безопасности. Мы поинтересовались в Министерстве обороны. Д.Т. Язов также не был осведомлен ни о чем, за исключением сведений разведки о подготовке к встрече и ожиданиях на Западе. Такими сведениями из-за рубежа располагал и КГБ. А вот о том, что происходит в «собственном доме», нас всех держали в неведении. О содержании своих международных переговоров, в отличие от других руководителей КПСС, Горбачев, Яковлев и Шеварднадзе перестали информировать членов политбюро и секретарей ЦК партии еще в 1989 году. «Подготовка» к лондонской встрече «семерки» летом 1991 года стала наиболее характерным примером.

Что в действительности происходило в Лондоне, мы узнали, получив подробнейшую информацию от нашей агентуры на Западе. Но можно ли было в такой ситуации говорить о нормальном государственном руководстве в Советском Союзе?

Порочная практика непродуманных действий и чрезмерных уступок, «сольных» ходов и закулисных интриг сложилась в МИД при Шеварднадзе, который не только не согласовывал, как было принято ранее, внешнеполитические вопросы на межведомственном уровне, но и отодвинул на второстепенные роли опытных профессионалов в самом министерстве. Однако главную ответственность за ослабление международных позиций страны в то время несет первое лицо в стране — Горбачев. По поводу его роли продолжают спорить, но, думается, он войдет или уже вошел в историю как фигура, ввергнувшая все советские

народы в трагедию.

Глава 19
Чрезвычайное положение — так называемый «Путч»

В середине августа 1991 года средства массовой информации во всем мире известили о «путче», происшедшем в Советском Союзе. «Хунта» из восьми человек якобы попыталась отнять власть у Президента и других законных органов страны путем введения чрезвычайного положения. Такая оценка происшедшего абсолютно предвзята и неверна. Она распространялась политическими противниками вынужденных инициаторов принятых мер.

Кто же «захватил власть»? Те, кто в августе 1991 года уже ею обладал. Государственный комитет по чрезвычайному положению состоял из ключевых фигур, представлявших законную власть. В него входили вице-президент страны Г.И.Янаев, премьер-министр В.С.Павлов, министр внутренних дел Б.Н.Пуго, министр обороны Д.Т.Язов, председатель КГБ В.А.Крючков, первый заместитель председателя Совета обороны О.Д.Бакланов, руководители организаций аграриев и промышленников В.А.Стародубцев и А.И.Тизяков. Активную поддержку им оказывали руководитель аппарата Президента В.И.Болдин, главнокомандующий сухопутными войсками генерал армии В.И.Варенников и советник Президента СССР маршал С.Ф.Ахромеев. «Путч» сводился, таким образом, к попытке правительства Советского Союза восстановить управляемость страной в соответствии с ее законами, предотвратить развал, кровопролитие и экономический хаос.

Было ли введение чрезвычайного положения необходимым? Лично у меня на этот счет есть сомнения, но лавинообразное нарастание кризисных явлений в 1991 году делает понятным, почему все же вечером 18 августа такое решение было принято.

Объективно ситуация давно уже была экстраординарной. В месяцы, предшествовавшие августу, дестабилизация обстановки отнюдь не началась, а лишь углубилась. Экономический кризис поставил на грань выживания целый ряд регионов, производств и большинство простых людей. Этнические и национальные конфликты стремительно и безнаказанно развивались, требуя все больших человеческих жертв. Появились тысячи убитых. Указы Президента оставались пустым звуком и откровенно саботировались. Шла самая настоящая война союзных и республиканских законов. Разве все это можно было считать

нормальным?!

Еще в сентябре 1990 года Верховный Совет Союза ССР принял закон о чрезвычайном положении, который создавал правовую базу для необходимых в таких случаях вынужденных мер. Вскоре после этого Министерству внутренних дел, Министерству обороны, Комитету госбезопасности и другим ведомствам Президентом было поручено проработать по своим линиям действия, которые могли потребоваться на случай введения чрезвычайного положения. Именно Горбачев задолго до августа давал такие поручения. По его указанию проводились соответствующие координационные совещания. В этом не было ничего необычного, хотя, разумеется, и приятного мало. Рассматривая различные сценарии развития ситуации в стране, было бы безответственным не принимать во внимание худшие из них. Сам Горбачев, по моим сведениям, неоднократно был в 1991 году на грани введения чрезвычайного положения, но в самый последний момент передумывал.

Такое поведение вообще было характерным для Горбачева. Путь любого политика не усыпан розами, но Михаил Сергеевич чрезвычайно не любил брать на себя ответственность за непопулярные и спорные решения. Например, после известных событий в Закавказье и Прибалтике, в силу ряда причин повлекших за собой человеческие жертвы, он сделал вид, что ничего не знал, и публично обещал разобраться. В августе 1991 года манера Президента не вмешиваться в решение жизненно важных для страны вопросов, оставаться как бы в стороне от них проявилась ярче всего.

Наиболее критическим, пожалуй, в тот момент было состояние национального вопроса. Дело было даже не в том, что некоторые из республик выступали за независимость и самоопределение, а в том, что начали преобладать безответственные и односторонние шаги к отрыву от Союза без урегулирования всего комплекса взаимоотношений между республиками и Центром. Это было чревато катастрофическими последствиями для всей интегрированной советской экономики и судеб миллионов людей. На 90 процентов все обсуждения о целесообразности принятия чрезвычайных мер сводились именно к экономике.

Начало «ново-огаревского процесса» подготовки нового союзного договора, на мой взгляд, было ходом Горбачева в борьбе за сохранение хоть какой-нибудь власти. К этому времени он уже не пользовался доверием ни в партии, ни в Верховном Совете СССР, ни в республиках, ни в народе. Он панически боялся Ельцина, который заметно укреплял свое положение.

Лишившись поддержки практически повсюду, Горбачев попытался обратить свой взор на руководителей республик, согласовать с ними размытый союзный договор и сделать их гарантами своего пребывания на посту Президента неясно какого образования. Свои шаги на переговорах в Ново-Огарево с 11 из 15 республик Горбачев, как обычно, ни с кем не согласовывал, не обсуждал в единственном конституционном органе, полномочном принимать решения о государственном устройстве, — Верховном Совете СССР, до последнего момента держал проекты в секрете, явно вознамерившись поставить общество перед свершившимся фактом. Союзный договор в новом варианте неминуемо должен был повлечь за собой распад СССР.

Подписание договора намечалось на 20 августа, но вместо тщательной проработки его в установленном Конституцией порядке Горбачев предпочел взять отпуск и уехать отдыхать в Форос. Все остальное руководство Советского Союза было в недоумении: как относиться к происходящему? Можно ли было позволить в спешке, келейно, вопреки ясно выраженной на референдуме воле народа развалить Советский Союз?

Отношения между руководителями ряда республик Советского Союза и центральными властями были напряженными. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что КГБ не во всем безоговорочно и беспрекословно выступал на стороне Центра. Комитет являлся союзно-республиканским ведомством, в котором прекрасно понимали интересы и проблемы советских республик. Приведу для примера отношения между КГБ и Российской Федерацией. После принятия Верховным Советом РСФСР решения о верховенстве российских законов над союзным законодательством в нашем, тогда еще едином, государстве появилась весьма сложная, почти неразрешимая юридическая проблема.

Еще в январе 1991 года В.А.Крючков пригласил меня к себе для того, чтобы познакомиться, по его словам, с «весьма интересным собеседником». Им оказался Юрий Владимирович Скоков, являвшийся в то время первым заместителем Председателя Совета Министров России. Крючков представил нас друг другу и порекомендовал договориться о регулярных контактах. Из беседы я понял, что у Скокова были соответствующие полномочия от Председателя Верховного Совета Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина. Когда Скоков ушел, я поинтересовался у Крючкова, какими будут мои задачи. «Оставляю их на ваше со Скоковым усмотрение, — ответил председатель КГБ. — Цель состоит в обмене мнениями

для лучшего взаимопонимания. Контакт рассматривайте как рабочий, а меня информируйте лишь тогда, когда сочтете необходимым».

Мы встречались со Скоковым два-три раза в месяц, обычно вечером. Скоков произвел на меня впечатление достойного и озабоченного судьбами государства человека, хорошо разбиравшегося в вопросах внутренней и внешней политики, не говоря уже об экономике. Вскоре у нас сложились хорошие отношения, позволявшие отлично понимать друг друга. Это не только помогало нам обоим лучше представлять развитие обстановки в стране, но и имело практическое значение. Когда Российская Федерация начала проводить более самостоятельную, чем ранее, линию в области внешней торговли, я предложил Скокову снабжать российское руководство информацией о возможностях и надежности западных партнеров. Соответствующие поручения были даны Первому главному (разведка) и Шестому (экономическому) управлениям КГБ СССР. Полагаю, что это было важным шагом, поскольку своего, республиканского Комитета у России, в отличие от других союзных республик, не было.

Наше взаимодействие продолжало укрепляться. Так, Скоков информировал меня о предстоящих поездках Ельцина и других российских руководителей в Кузбасс, Коми АССР и другие регионы. В соответствующие органы на местах сразу были отданы распоряжения о заблаговременной подготовке для приезжающих информационных материалов о насущных социально-экономических и политических проблемах соответствующих автономных республик, краев и областей России, а также об обеспечении безопасности и надежной связи в ходе поездок. Во время визитов Ельцина за рубеж, например в Чехословакию, ему также предоставлялась необходимая информация, в том числе и по линии разведки.

После избрания Ельцина Президентом России с его участием впервые было проведено совещание руководителей российских органов госбезопасности. В нем, в частности, приняли участие Руцкой, Силаев, Попов, Бурбулис. С докладами выступили Ельцин и Крючков. Атмосфера совещания была конструктивной, и все участники остались довольны. Иными словами, у руководства Комитета госбезопасности были достаточно хорошие отношения с руководством России. Ввиду продолжавшегося обострения обстановки в стране председатель КГБ Крючков и министр обороны Язов приняли 5 августа 1991 г. решение создать совместную группу экспертов и поручить ей проанализировать возможные последствия на случай введения в отдельных

местностях страны чрезвычайного положения. В эту группу вошли наши ведущие аналитики: бывший начальник секретариата КГБ СССР генерал-майор Владимир Жижин и мой помощник полковник Алексей Егоров, а от Министерства обороны — командующий воздушно-десантными войсками генерал-лейтенант Павел Грачев. Через два дня они четко доложили согласованные оценки. Суть их сводилась к тому, что ситуация в стране действительно критическая, выходящая из-под контроля, и от государственных инстанций требовалось принятие решительных мер в соответствии с законодательством для недопущения полного хаоса. С другой стороны, эксперты подчеркивали настоятельную необходимость тщательной подготовки таких шагов, поскольку поспешные действия, будучи неверно истолкованными, могли спровоцировать акции гражданского неповиновения с непредсказуемыми последствиями. С мнением экспертов согласились.

Тем не менее буквально через 10 дней этой же группе было поручено на основе ранее принятых, но не выполненных нормативных документов Верховного Совета, Президента и правительства СССР сделать выборку первоочередных мер на тот случай, если высшее руководство страны сочтет все же необходимым ввести чрезвычайное положение. Такой перечень, предусматривавший в первую очередь восстановление конституционной законности и правопорядка, воспрепятствование губительной экономической дезинтеграции, прекращение кровопролитных межнациональных конфликтов, борьбу с преступностью, сохранение единства государства и обеспечение жизненных прав и интересов граждан, был подготовлен.

В субботу, 17 августа, когда я уже собирался отправиться с работы на дачу, мне позвонил Крючков и предложил принять участие в ужине с главой правительства Павловым в недавно построенной представительской резиденции КГБ. Я понял, что встреча будет важной. В резиденции, куда мы вскоре прибыли, я встретил также Язова, Бакланова, Варенникова, Шенина и Болдина. Главным образом обсуждался вопрос о том, кому ехать к Горбачеву для информирования его о критическом состоянии дел в государстве. Павлов настаивал на немедленной поездке в Форос, поскольку он как глава правительства не намеревался далее один нести ответственность за грозящую катастрофу. Во время беседы Крючкова вызвали к телефону. Звонил Горбачев. Из всей обстановки на встрече явствовало, что ее участники рассчитывали на его понимание и поддержку.

Целью поездки было убедить Горбачева отказаться от

бездействия. На следующий день к нему отправились Бакланов, Шенин, Варенников и Болдин. До вечера 18 августа у меня не было никакой информации о результатах поездки в Форос. Впоследствии мне сказали, а теперь в результате всех судебных разбирательств этот факт можно считать установленным, что Горбачев, принимая делегацию своих приближенных из Москвы, был расстроен, плохо себя чувствовал, нервничал и попросту не знал, что делать. Никаких «ультиматумов» ему не предъявлялось. Президент самоустранился от любых решений, заявив, что руководство страны может предпринимать что угодно, но без него. Возвращаться в Москву вместе с делегацией он отказался. Было ясно, что он решил отсидеться и посмотреть, как будут развиваться события, чтобы затем публично высказать свое отношение к ним, приняв наиболее выгодный для себя вариант.

Примерно в 10 часов вечера в воскресенье, 18 августа, раздался телефонный звонок от Крючкова. Он сообщил, что находится в Кремле, и попросил меня подъехать туда за материалами о первоочередных мерах в случае возможного чрезвычайного положения. Очень поздно, около 2 часов ночи, когда мы возвращались на машине председателя на Лубянку, он сообщил мне о только что принятом решении о введении чрезвычайного положения и создании соответствующего Государственного комитета во главе с вице-президентом Янаевым. Я решил не ехать домой, а переночевать на работе. Так все это началось.

В 6 часов утра 19 августа мне стало известно, что в Москву вводятся войска для усиления охраны жизненно важных объектов и недопущения хаоса. Сейчас очевидно, что это было крупной ошибкой. Многие люди, не успевшие разобраться в ситуации, посчитали присутствие в столице вооруженных сил посягательством на свои демократические права. Не прочитав еще программных документов Государственного комитета, не поняв, что единственной целью введения войск было предотвращение массовых беспорядков, грабежей и насилия, часть горожан выступила с протестом против самого факта присутствия танков на улицах Москвы.

В то же время первый день чрезвычайного положения прошел относительно спокойно. Надо подчеркнуть, что он сразу убедительно показал отсутствие у ГКЧП каких-либо репрессивных намерений. Ни один конституционный орган не был упразднен, ни одно должностное лицо не смещено со своего поста. Напротив, введение чрезвычайного положения в отдельных местностях Советского Союза было одобрено Кабинетом министров СССР, а Председатель Верховного Совета страны А.И. Лукьянов назначил

проведение через несколько дней внеочередной сессии парламента для обсуждения складывающейся ситуации и документов ГКЧП.

Утром 19 августа Крючков провел совещание руководства КГБ СССР и проинформировал подчиненных о введении чрезвычайного положения. Он подчеркнул, что главной задачей являлось недопущение полного разрыва народнохозяйственных связей между советскими республиками и предотвращение экономического коллапса. Особое внимание придавалось срочным задачам по уборке урожая и подготовке к зиме. Необходимо было также немедленно положить конец межнациональным конфликтам. Крючков несколько раз останавливался на том, что при осуществлении мероприятий следует избегать насилия и кровопролития. Гибель трех москвичей вечером следующего дня на одной из улиц Москвы он воспринял очень тяжело.

На совещании в Комитете госбезопасности Крючков упомянул также, что в органы на местах направлена директива о мерах в поддержку чрезвычайного положения. Никто из присутствовавших на совещании генералов возражений или вопросов не имел.

Очень важным моментом во всем этом деле было то, что Верховный Совет СССР в самое ближайшее время должен был собраться и в соответствии с Конституцией страны определить свое отношение к применению Закона о чрезвычайном положении.

Самоизолировавшийся Горбачев не думал ни о Конституции, ни о Законе. Единственное, чем он был озабочен, так это тактикой борьбы за личную власть с Ельциным.

Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин, со своей стороны, воспользовался предоставленным ему шансом. Мне достоверно известно, что ГКЧП планировал в первую очередь встретиться с Ельциным для координации действий по чрезвычайному положению. Однако, вернувшись из поездки в среднеазиатские республики вечером 18 августа, он предпочел на следующее утро не разговаривать с ГКЧП, а поспешил в так называемый Белый дом (в то время — здание Верховного Совета России на Краснопресненской набережной, а после расстрела в октябре 1993 года — резиденция российского правительства). Ельцину удалось собрать вокруг себя довольно много людей, в том числе оппозиционно настроенную молодежь. Президент России обратился к населению с призывом о проведении бессрочной общенациональной забастовки против действий ГКЧП. Но никаких забастовок в стране не было. Большинство

населения не имело ничего против попытки руководства страны предотвратить надвигавшуюся катастрофу.

Ельцину удалось созвать сессию Верховного Совета Российской Федерации быстрее, чем собрался союзный парламент. На сессии были приняты документы с осуждением чрезвычайного положения. Кроме того, Ельцину удалось привлечь на свою сторону командующего воздушно-десантными силами Грачева, которому были обещаны высокий пост и звание генерала армии. В район Белого дома по просьбе Ельцина был послан танковый батальон для усиления охраны этого важного объекта. Никаких других задач у батальона не было.

Тем временем в Москве продолжали усиленно распространяться панические слухи о якобы готовившемся штурме Белого дома, несмотря на ясные заверения Крючкова в телефонных разговорах с руководством Российской Федерации, что об этом не может быть и речи.

Примерно в 10 часов вечера 20 августа мне по этому же вопросу позвонил Юрий Скоков. Я заявил ему, что никаких акций не планируется. Сразу после этого я доложил о разговоре Крючкову, который подтвердил, что в городе совершаются провокации с целью подтолкнуть войска к жестким действиям, однако принято решение никаких ответных силовых мер не принимать. В искренности его слов у меня не было ни малейших сомнений. Вскоре после нашего разговора председатель КГБ прямо в своем кабинете лег спать.

Из Белого дома мне сообщили, что опровержение слухов о его штурме, сделанное мною, доведено до Ельцина.

Еще 20 августа Крючков сказал мне, что по согласованию с Ельциным он намеревается выступить в Верховном Совете России с изложением целей чрезвычайного положения. Аналитическому управлению КГБ СССР было поручено подготовить проект такого выступления. Однако утром 21 августа, после известных событий на улицах Москвы, внезапно появились планы поездки в Форос для доклада о ситуации Президенту Советского Союза и возвращения Горбачева в столицу. Это решение и особенно выбор момента для поездки были для меня не совсем понятными.

За несколько минут до своего выезда в аэропорт Крючков вызвал меня и назначил в его отсутствие временно исполняющим обязанности председателя. В тот же день Министерство обороны начало вывод войск из Москвы. Фактически решение о введении чрезвычайного положения было отменено.

Вечером я поехал на дачу и узнал из программы новостей, что Горбачев вернулся в Москву, а члены ГКЧП арестованы.

Утром 22 августа мне позвонили в служебную машину по

телефону специальной связи и сказали, что со мной будет говорить Горбачев. Президент возложил на меня обязанности временно исполняющего функции руководителя Комитета и добавил: «Попрошу вас проследить, чтобы сотрудники не натворили глупостей». Он явно предостерегал КГБ от непродуманных действий с целью сохранения режима чрезвычайного положения. Я ответил, что сделаю все возможное. Немедленно по прибытии на работу я созвал коллегию для обсуждения ситуации. В соответствии с ее решением во все органы госбезопасности в Центре и на местах были направлены шифртелеграммы о том, что предшествующие директивы о поддержке чрезвычайного положения утратили силу.

Таким образом, введение чрезвычайного положения в стране оказалось, с одной стороны, запоздалым и нерешительным шагом, а с другой — излишне спонтанной, непродуманной акцией, чуть ли не жестом отчаяния.

Глава 20
От сумы и тюрьмы не зарекайся

Вскоре после заседания коллегии КГБ СССР, 22 августа, мне позвонил заместитель председателя Комитета, начальник Первого главного управления Леонид Владимирович Шебаршин и сказал, что только что был в Кремле у Горбачева. Президент назначил его исполняющим обязанности председателя КГБ СССР, от чего Шебаршин был явно не в восторге. Коллегия в составе примерно 20 человек собралась вновь.

А 23 августа из Кремля сообщили, что председателем назначается В.В.Бакатин. Тут же он прибыл на Лубянку и познакомился с коллегией. Буквально через несколько дней подавляющее большинство прежнего руководства оказалось в отставке или запасе.

Суббота, 24 августа. Все на рабочих местах. Звонит Бакатин и спрашивает, где сейчас находится Бакланов. Догадываюсь, что причина интереса — в «ядерном чемоданчике». Выясняю, что О.Д.Бакланов находится в следственном изоляторе «Матросской тишины». Сообщаю об этом Бакатину.

Раздается еще один звонок. На проводе мой старый знакомый, заместитель Генерального прокурора СССР В.Кравцев. Вместе с ним мы выезжали в командировку в Киргизию год назад во время возникших там беспорядков. В его задачу входило расследование массовых убийств, совершенных в результате межэтнического конфликта. Мне же было поручено убедить Первого секретаря республиканского ЦК КПСС пригласить оппозицию за стол переговоров, а не ограничиваться навешиванием на оппонентов клейма бандитов. В определенной степени нам обоим это удалось, хотя с большим трудом, и заняло примерно две недели.

Теперь Кравцев приглашает меня к себе в качестве свидетеля по событиям последних дней. Говорю ему, что в данный момент очень занят на работе, и предлагаю, если есть возможность, подъехать ко мне. Этот вариант не подходит, и мы договариваемся встретиться в прокуратуре по окончании рабочего дня.

«Расскажите все, что знаете», — просит Кравцев. Сообщаю ему о своих действиях и фактах, которые были мне известны. На беседе присутствует еще один человек, который, как выяснилось впоследствии, введен в состав следственной группы «по мою

душу». Он делает подробные пометки по ходу моей беседы с Кравцевым.

В завершение полуторачасовой беседы Кравцев заявляет: «Виктор Федорович, я вынужден задержать вас». Интересуюсь, на каком основании. Следует традиционный ответ, что следствие покажет и в случае моей невиновности меня тут же освободят и принесут извинения. Обращаю внимание Кравцева на то, что страдаю сахарным диабетом. Сегодня утром был у врача, который выявил обострение болезни и настаивал на госпитализации. Он заверяет, что я буду находиться под медицинским присмотром. Звоню на работу своему помощнику, сообщаю о задержании и прошу привезти мне лекарства, без которых не могу обходиться.

Выйдя из кабинета Кравцева, вижу несколько крепких парней в штатском. Нет сомнения в том, что это группа задержания. Так оно и есть. Кравцев отбирает у меня удостоверения члена ЦК КПСС и первого заместителя председателя КГБ СССР. Обыскивают. Оружия не обнаруживают — я его никогда не ношу. Наручников, правда, не надевают, но сажают в машину и везут в «Матросскую тишину».

Арест был самым страшным ударом за всю мою жизнь. С молодых лет я верой и правдой служил Отечеству не щадя сил. Никогда в жизни не нарушал советских законов и учил законопослушанию своих подчиненных. Тяжелым и честным трудом добился вершины карьеры в своей профессии.

И вдруг нахожусь в тюрьме, бессильный и беспомощный, не зная, в чем меня обвиняют и что мне грозит. Не вижу за собой никакой вины. В то же время отдаю себе отчет в том, что решение о моем аресте принято на самом высоком уровне, то есть Горбачевым, и ожидать можно чего угодно. Клевета и очернение всего, что хоть как-то связано с чрезвычайным положением, нескончаемым потоком льются по радио в стенах тюремной камеры с 6 утра до 10 вечера. Это действует на нервы. Вещают о том, будто бы у ГКЧП были списки с сотнями и даже тысячами имен лиц, подлежавших репрессиям. Выступают конкретные люди, которые рассказывают, как они защищали Белый дом. Спрашивается, от чего? Никакого штурма не было, и он не планировался. «Мы остановили танки», — с гордостью заявляют «защитники». Спрашивается, где? На Садовом кольце, недалеко от Белого дома. Полная ложь и откровенная чушь. Кажется, все это происходит не в Москве и не со иной, а в кошмарном сне. В камере я нахожусь не один. Сокамерники замечают, что, если хотя бы тысячная часть из того, что говорится по радио, — правда, мне грозит расстрел.

Впоследствии действительно выясняется, что следствие

ведется по статье 64 Уголовного кодекса, предусматривающей высшую меру наказания за измену Родине. Кощунственнее обвинения не придумаешь! В ходе допросов убеждаюсь, с какой легкостью следователи жонглируют законами. Я люблю и ценю жизнь, но у меня появляются мысли о самоубийстве. Унижение непереносимо! Болезнь обостряется, но врача приглашать не хочется. Зачем, если тебе все равно суждено умереть? Маршал Ахромеев и министр внутренних дел Пуго уже добровольно ушли из жизни. Видимо, охрана замечает мое настроение. Каждый раз, когда я прикрываю глаза полотенцем, чтобы уберечь их от постоянно горящего в камере света, охранники просят убрать его. Сокамерники сообщают мне, что им угрожают дополнительными сроками, если они не углядят за мной и что-нибудь случится.

Отгоняю в сторону мрачные мысли и предчувствия и решаю бороться, чтобы доказать свою невиновность.

В первый же день, сразу после обыска и ареста, меня помещают в камеру, где уже находятся четыре человека. Все они намного моложе меня. И я благодарен судьбе за то, что меня не посадили в одиночку. Любое общение дает хоть какую-то отдушину.

Представляюсь. Реакция сокамерников похожа на сцену из гоголевской комедии. С генералом в камере никому из присутствующих встречаться еще не доводилось. Я, со своей стороны, до решения суда не вправе и не склонен рассматривать их в качестве преступников. Житейский, но, в общем-то, правильный подход. Соседи не знают, как себя вести. Но с самого начала избирают уважительное обращение ко мне по имени-отчеству и категорически возражают против моего участия в уборке камеры. Это они будут делать сами. Постепенно, отвечая на их вопросы, я рассказываю понемножку о деятельности органов госбезопасности. Сокамерники время от времени молча показывают на потолок, давая понять, что камера прослушивается. Подслушиванием меня не удивишь, я знаю, что можно, а чего нельзя рассказывать. Беспокойство напрасное, но заботу ценю.

Один из сокамерников, молодой азербайджанец, проявляет особую настойчивость в том, чтобы выговориться в беседах со мной. Он так плохо говорит по-русски, что порой мне трудно его понять. Ему грозит смертная казнь за убийство нескольких советских солдат. Он горячо уверяет, что не имел злого умысла. По его словам, он потерял управление автомашиной и нечаянно совершил наезд. Ему не верят и обвиняют в террористических действиях. Судебное решение принято, но адвокаты опротестовали его, и именно поэтому азербайджанец переведен

из Ростовской области в Москву. В течение двух дней он беспрерывно рассказывает мне о происшедшем и не может выговориться. Не зная подлинного положения вещей, чувствую в его голосе и вижу в глазах не страх, а боль, он страдает, а не боится. Он готов принять любое наказание, вплоть до 20 лет заключения, за непреднамеренные действия, повлекшие за собой смерть людей, но отвергает версию умышленного убийства и борется за свою честь и жизнь.

Поскольку некоторые средства массовой информации со злорадством оповестили общественность, что арестованные по «делу о ГКЧП» сидят вместе с убийцами и другими особо опасными преступниками, азербайджанца через несколько дней переводят в другую камеру. До того как родственники смогли передать мне кое-какую одежду, он настоял, чтобы я пользовался в тюрьме его чисто национальной крестьянской рубашкой, а при прощании бедняга буквально умоляет принять ее в подарок. Отказать ему я не могу. «Если меня расстреляют, у вас останется память обо мне», — говорит азербайджанец.

Другой сосед по камере — бывший директор государственного предприятия по производству фруктовых соков. Ему примерно 40 лет. Его обвиняют в махинациях с рецептурой напитков, за счет которых он якобы положил большие деньги в свой карман Я не следователь. Исхожу из того, что, если человек совершил правонарушение, он обязательно должен понести наказание. Без этого не может быть правового государства. Но вину должно доказать обвинение и подтвердить суд, а до этого подозреваемый пользуется презумпцией невиновности. Хозяйственник уже имел судимость и рассказывает мне о своем деле и о порядках в местах отбывания наказания. Через пару дней его тоже переводят в другую камеру. Нас остается трое.

Втроем мы около полугода обитаем в камере площадью 12 квадратных метров.

Одного из сокамерников зовут Владимиром. Он годится мне в сыновья. В его подчинении находилась автобаза, занимавшаяся доставкой продуктов питания в магазины. Владимир не делится со мной сутью предъявленных ему обвинений, но можно догадаться, что речь идет о подмене товарно-транспортных накладных. Сам он утверждает, что его подставили директора магазинов, которые дали ложные показания. Ему угрожает лишение свободы сроком в 10 лет. Он женат, имеет дочь, но отношения с семьей испортились. Его не навещают и не передают посылок. Не оставил его в беде лишь отец, который пытается поддержать сына морально и хоть как-то материально. Не могу судить, совершил ли Владимир преступление или стал жертвой

оговора. Он весьма начитанный человек и неплохой собеседник, наделен некоторыми способностями к рисованию. В камере он нарисовал три моих портрета, которые я храню теперь у себя дома. Один из них публикуется в этой книге.

Другой сосед — Александр, тоже молодой человек, одногодок моего младшего сына. О его деле писали в газетах. Александр работал грузчиком в международном аэропорту «Шереметьево-2». В одном из помещений аэропорта он обратил внимание на мешок, который оставался невостребованным довольно продолжительное время. Вскрыв его, Александр обнаружил американские доллары на сумму примерно в миллион. Присвоив эти деньги, грузчик повел шикарный образ жизни, завтракая и обедая в лучших ресторанах столицы. В конце концов в администрацию аэропорта все же поступило требование банка на передачу денег, присланных из-за рубежа. Похититель был выявлен и арестован.

В течение пяти месяцев эти двое, за исключением следователей и адвокатов, остаются моими компаньонами. Во время прогулок во дворике тюрьмы не позволено общаться ни с кем.

Следственный изолятор, естественно, не предполагает комфорта. О постоянном освещении я уже говорил. Стены — рифленые, чтобы на них нельзя было писать. «Удобства» — в самой камере. Уборка — своими силами. Душ раз в неделю — событие. Подъем и спуск с шестого этажа без лифта — большая нагрузка для страдающих сердечными и иными заболеваниями, вроде меня. Питание тоже составляет большую проблему и для здоровых, и особенно для больных. Картошка, макароны, время от времени кусочки рыбы. Чувствую, что подступает диабетический криз.

Однако месяца через полтора положение несколько улучшается. Врачи, видимо из чувства профессиональной этики и нежелания политического скандала, настаивают на улучшении питания. Нам дают рацион охранников тюрьмы. Семья также получает разрешение на передачи — до 10 килограммов продуктов в месяц. Спасибо Валентине, которая не дала мне погибнуть. А как перебивалась в это время она, оставшаяся без кормильца, каких-либо накоплений и пенсии, известно лишь ей самой и нашим детям. Семь тысяч рублей, откладывавшихся на старость в сберкассе, были в один момент поглощены галлопирующей инфляцией и известной реформой цен, происшедшей 1 января 1992 г. Существование продолжалось лишь за счет комиссионной продажи нажитого.

Но вернемся к первым дням заключения. 28 августа 1991 г.,

через четыре дня после моего задержания, по радио было передано сообщение о том, что Президент СССР отстранил меня от должности первого заместителя председателя КГБ СССР. Начались допросы. Следователь прокуратуры задает второстепенные, малозначащие вопросы. Через несколько дней мне предъявляется документ прокуратуры о том, что я подозреваюсь в участии в заговоре с целью захвата власти в стране. Я подписываюсь в том, что ознакомился с бумагой.

Тем временем Валентина пытается подобрать адвоката. Раньше у меня таких знакомых не было. Не было нужды. Жена знакомится с Александром Викторовичем Клигманом. Он приезжает ко мне, и мы проводим первые беседы. Он становится моим другом. И сегодня, спустя несколько лет после моего освобождения, Клигман остается моим адвокатом и товарищем. По иронии судьбы позже этот профессионал высокого уровня, никогда не состоявший в КПСС и возглавляющий сегодня ассоциацию адвокатов России, насчитывающую 17 тысяч человек, защищал вместе с другими беспартийными юристами запрещенную Коммунистическую партию на известном процессе в Конституционном Суде. На стороне обвинения выступали бывшие члены партии с многолетним стажем.

Клигман быстро вникает в суть дела и понимает, что мною не совершено никакого преступления. Следовательно, мое задержание и пребывание в тюрьме незаконно. Он пишет в прокуратуру письмо за письмом с требованиями моего немедленного освобождения.

Российская прокуратура тем временем назначает нового следователя по моему «делу». Это совсем еще молодой человек, работавший ранее в военной прокуратуре Курской области. Фамилия — Гагров. На первом своем допросе в присутствии адвоката он выдвигает мне прежнее обвинение в участии в некоем заговоре вместе с Янаевым, Язовым, Пуго, Крючковым и другими членами Госкомитета по чрезвычайному положению.

Отвечаю, что мне ничего не известно ни о каком «заговоре».

После этого следуют, мягко говоря, неумные вопросы. Разговаривал ли я когда-либо с заместителем министра обороны Ачаловым? (Ачалова не арестовали, поскольку в качестве депутата Верховного Совета России он пользовался иммунитетом. Два года спустя, после событий октября 1993 года, когда Ачалов занял сторону парламентариев, он был лишен свободы.) Звонил ли я ему по телефону? «Конечно, — отвечаю я. — А в чем дело?»

Следователь делает очень строгое лицо и в соответствующем тоне выстреливает «убийственный», на его взгляд, вопрос, который призван загнать меня в угол: «А как вы узнали номер его

телефона?» Он вожделенно ждет ответа, рассчитывая, видимо, получить неопровержимую улику.

«Товарищ следователь, — говорю я, — вы были когда-нибудь в центральном аппарате КГБ?» Он отрицательно качает головой. «В этом случае дам вам хороший совет. Поезжайте туда и зайдите в мой бывший кабинет. Посмотрите на телефонный пульт. Вы увидите прямые линии, которые управляются одной кнопкой, и ряд защищенных линий специальной связи, по которым в любое время можно связаться и поговорить с кем угодно. Если хотите, попросите связистов соединить вас с Вашингтоном или Токио. Вместо того чтобы задавать мне подобные вопросы, лучше опросили бы начальников подразделений КГБ, которые я курировал, отдавал ли я им какие-либо незаконные распоряжения. Можете попросить также встречу со Скоковым, чтобы выяснить характер моих отношений с российским правительством».

«А кто такой Скоков?» — вопрошает восходящая звезда сыска. «Скоков, сугубо для вашего сведения, — первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации». «Как мне его найти?» — настаивает Гагров. «В Белом доме», — ввиду обстоятельств не могу дать более конкретного ответа.

После этого следователь не вызывает на допросы две-три недели. Надеюсь, занялся поисковой работой. Но нет! На новом допросе он лишь повторяет обвинение и продолжает спрашивать, знаю ли я такого-то и такого-то, не задавая вопросов по существу. Смешно, если бы это не было так грустно. Но я не виню Гагрова. Он, бедняга, получил в производство безнадежное дело и пытается делать вид, что предпринимает какие-то шаги. Подчас у меня складывается впечатление, что ему самому в душе стыдно за ту роль, которую он вынужден разыгрывать передо мной.

Ответственность за этот фарс лежит совсем на других людях, но Гагрову я тоже говорю, что отказываюсь отвечать на вопросы до предъявления мне конкретного обвинения в нарушении законов страны. Требую свидания с женой и детьми. Где-то через месяц после ареста мне разрешают свидание с Валентиной и старшим сыном Александром.

Эта первая встреча в неволе тяжела для всех нас. Впервые они видят мужа и отца, которого всегда любили и уважали, в таких обстоятельствах.

Тем временем адвокат А.В. Клигман продолжает бороться за мою свободу, честь и достоинство. Он отвергает попытки обвинения по статье 64 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей наказание за нанесение ущерба

обороноспособности, безопасности и территориальной целостности страны.

Одновременно адвокат обращает внимание следствия на ухудшающееся состояние моего здоровья.

Осенью 1991 года Верховный Совет России принимает Декларацию о защите прав человека, в которой, в частности, содержится положение о том, что любой подследственный может в судебном порядке требовать подтверждения обоснованности решения прокуратуры о лишении его свободы в качестве меры пресечения. Действие Декларации — с момента принятия.

Клигман незамедлительно пишет в Верховный Суд России требование передать вопрос о правомерности моего заключения в судебные органы. Председатель российского Верховного Суда Лебедев дает поручение рассмотреть этот вопрос в моем присутствии с участием адвоката и представителя обвинения. Клигман прибывает на место в назначенное время, но ждет напрасно: меня держат в камере и в суд не ведут, а работники прокуратуры вызов попросту игнорируют.

Этот эпизод происходит 27 сентября 1991 г. Чтобы привлечь внимание общественности к «демократической» практике в новом «правовом государстве», Клигман дает интервью журналисту газеты «Известия» Валерию Рудневу. Вместе с высказываниями Председателя Верховного Суда России Лебедева и Генерального прокурора республики Степанкова оно публикуется 2 октября.

Лебедев отмечает, что протест Клигмана основывается не только на принятом на днях документе Верховного Совета России, но и на принципах Международного пакта о гражданских правах и политических свободах, который был ратифицирован Советским Союзом еще в 1973 году, а следовательно, обязателен для России.

Журналист задает вопрос: что произойдет, если Верховный Суд России сочтет арест Грушко прокуратурой необоснованным? Это будет означать, что арестованного немедленно нужно будет освободить прямо в зале суда, говорит Лебедев.

Степанков, в свою очередь, отвечает «Известиям» по телефону, что все аресты обоснованны, что документы Верховного Совета должны изучить эксперты, что суд не должен принимать поспешных решений, что прокуратура и суд делают «общее дело» и что, если арестованный будет освобожден из-под стражи в зале суда, он будет вновь задержан прокуратурой сразу после выхода из этого зала.

Вскоре после этого назначается новое судебное разбирательство по вопросу о законности лишения меня свободы. На этот раз на него является помимо моего адвоката следователь

прокуратуры. Меня же вновь, вопреки закону, в суд не пускают.

Ну, а что же Степанков? Тогдашний Генеральный прокурор России посещает меня в тюрьме дважды: до и после вышеуказанных, несостоявшихся судебных разбирательств. Навещает он и других заключенных по этому «делу», чтобы отчитаться о том, что с ними «все в порядке и контроль — на уровне».

Проку от этих визитов никакого. Материалом он не владеет. Конкретных обвинений предъявить не может, но это не удивительно, ведь их нет. Толковых вопросов тоже не задает. Делает какие-то пометки. Единственное, что мне пытаются вменить, это какие-то необычные, «конспиративные» отношения и «преступные контакты» с обвиняемым Крючковым. Иными словами, мое правонарушение состоит в том, что у меня были нормальные рабочие отношения со своим непосредственным начальником. Амбиций и гонора вам, г-н Степанков, не занимать. Но, в отличие от вас, я уверен в порядочности своего руководителя, коллег в других советских ведомствах и большинства подчиненных.

Чувствуя себя все хуже из-за болезни, обращаю на это внимание Степанкова на нашей последней встрече. Если меня не поместят в больницу немедленно, это плохо кончится для меня и будет иметь весьма неприятные последствия для него.

Где-то месяца через полтора начинаю понимать масштабы затеянной инсценировки. У кого-то наверху чешутся руки затеять дополнительные аресты, но это продемонстрировало бы всему свету откровенный произвол. Используются другие репрессивные методы. Мой бывший помощник Алексей Егоров, принимавший участие в работе аналитической группы по изучению последствий введения чрезвычайного положения (и рекомендовавший воздержаться от этого шага), понижен в должности. Убрали практически всех членов коллегии Комитета и наиболее перспективных руководителей. Многие генералы и старшие офицеры уходят сами в знак протеста против третирования, невежества и фанфаронства нового босса госбезопасности — Бакатина.

Тех же, кто арестован, пытаются обвинить до суда, создать соответствующую общественную атмосферу, а затем уже подвести под все это «правовую базу».

Тюрьма полнится слухами. Мне известно, что многие из арестованных по «делу ГКЧП» страдают серьезными болезнями. Ко мне также вынужден наведываться эндокринолог из-за резкого обострения сахарного диабета. Он настоятельно требует срочной госпитализации. 23 октября прибывает судебно-медицинская

комиссия во главе с врачом, назначенным судебными инстанциями. Она производит осмотр в присутствии адвоката и следователя и делает тот же вывод: необходима немедленная госпитализация на 12–14 дней в отделение эндокринологии. После этого в течение месяца ничего в моем положении не меняется, за исключением того, что чувствую я себя все хуже и хуже.

Наконец получаю сообщение о том, что признано необходимым мое направление на стационарное лечение. Начальник следственного изолятора, человек достаточно интеллигентный и деликатный, объясняет, что организация специализированного обследования и лечения хронических больных требует времени и подготовки с точки зрения охраны. Спрашивает, согласен ли я лечь в тюремный госпиталь. Зная, что необходимых специалистов, оборудования и лекарств там нет, отвечаю отказом.

Опять медленно, однообразно и мучительно течет время. Усиливается физическая боль и апатия. 23 декабря в камеру вбегает врач и сообщает, что электрокардиограмма, сделанная днем раньше, свидетельствует о критическом состоянии моего здоровья.

«Что у меня?» — спрашиваю.

«Думаю, что это не смертельно», — успокаивает он, делает инъекцию и обещает направить на следующий день в больницу.

Говорю, что ранее наблюдался и лечился в госпитале КГБ. Думаю, там можно обеспечить охрану, если в этом действительно есть необходимость. «Палата, кстати, находится всего на третьем этаже, — добавляю я, — так что, если я выпрыгну из окна, возможно, останусь в живых».

24 декабря меня доставляют в этот госпиталь, где врачи тут же устанавливают, что я перенес инфаркт миокарда, спровоцированный и усугубленный диабетической декомпенсацией. Стационарное лечение, настоятельно рекомендованное врачами еще два месяца назад, вместо 14 дней затягивается на 8 месяцев. Усиленная охрана моей персоны в госпитале КГБ продолжается. Десятки охранников с оружием работают в несколько смен и ночуют в телевизионной комнате на этаже. Двое круглосуточно сидят в моей палате с автоматами. Сдаю ли я анализы, делают ли мне процедуры — мои стражи в белых халатах, но с неизменными автоматами всегда со мной.

Однако 10 января происходит нечто необычное. Суббота, вечер. Ко мне приехал для обычных консультаций мой адвокат Александр Викторович Клигман. Он сидит у постели. Неожиданно входит начальник следственного изолятора «Матросской

тишины» Пинчук.

«У меня для вас хорошие новости», — говорит он и зачитывает документ прокуратуры, смысл которого сводится к тому, что обвинение с меня не снимается, но следствие ввиду состояния моего здоровья приостанавливается, снимается охрана и устраняются ограничения моей свободы. Это равносильно освобождению из тюрьмы. Он не требует даже подписки о невыезде, как обычно делается в таких случаях.

Что же случилось? Что побудило начальника следственного изолятора лично прибыть ко мне в больницу в субботу вечером? Единственное объяснение, которое я нахожу, состоит в том, что органы следствия и прокуратуры, а также охрана не захотели брать на себя ответственность за мою возможную смерть, которая могла бы иметь медицинские, юридические и политические последствия.

Серьезная болезнь помогла органам прокуратуры выйти из следственного тупика. То, что они подорвали здоровье невиновного человека, свидетельствует об отсутствии в стране элементарного уважения к собственным законам и правам граждан.

Скажу больше, чтобы предостеречь современников: фактически после событий августа 1991 года власти на время безнаказанно вернулись к произволу 30-х годов.

После расстрела российского парламента в октябре 1993 года избранная Государственная Дума России предоставила амнистию всем арестованным по «делу ГКЧП», заявив о нашей юридической и политической невиновности. Согласие на амнистию, которое расценивается политическими оппонентами как косвенное признание вины, — это не более чем шаг к свободе, жест облегчения себе, родным и близким и знак готовности побороться с оппонентами в установлении правды в мало-мальски равных условиях. Сидя в тюрьме, правды не добьешься.

Решительнее всех выступил бывший заместитель министра обороны СССР, герой Великой Отечественной войны Валентин Иванович Варенников, один из тех, кто принимал участие в Параде Победы в 1945 году. Варенников отказался от «амнистии» и выдвинул контробвинения. В августе 1994 года суд вынужден был подтвердить, что обвинение против него лишено оснований. Тем самым лопнуло все «дело о ГКЧП».

Но вернемся к январю 1992 года. Начальник следственного изолятора подходит ко мне, подзывает главного из группы охраны и объявляет: «С данного момента охрана с Виктора Федоровича снимается».

Все охранники отдают честь. Для них я вновь стал генерал-

полковником. После этого Пинчук поздравляет меня с освобождением и шутливо выражает надежду, что больше мы не увидимся. Ничего против этого не имею, хотя и не чувствую враждебности лично к нему. Прошу подключить мне телефон. Это делается довольно быстро. Звоню Валентине и, к ее большой радости, сообщаю, что я снова свободный человек, которого можно навещать когда угодно. Она тут. же приезжает ко мне.

На следующий день приезжают дети и внуки. Большое событие. Несмотря на предостережения врачей, чувствую себя намного лучше.

А потом наступают будни. Лечение инфаркта и сахарного диабета. Подлечив сердце, врачи налегают на диабет. Переводят с таблеток на инъекции. Учат меня делать их самому — по две каждое утро. Постепенно становится лучше. По весне отпускают на выходные домой.

Наступает новое облегчение. Мне восстанавливают зарплату. Законного решения о моей отставке не было. Находясь в тюрьме, я без каких-либо оснований был лишен возможности поддерживать материально семью, что меня очень тяготило. Приезжают кадровики и предлагают уволиться в отставку по возрасту.

Мне 62 года. Возраст солидный, но для генерал-полковника далеко не предельный. Служат сегодня генералы и постарше. Звоню в управление кадров Комитета и предлагаю выйти в отставку по болезни, которую я получил благодаря известным обстоятельствам. Рапорт принят.

Июль 1992 года. Лежать в госпитале поднадоело. Прошу меня выписать. По существующим правилам пациентам, перенесшим инфаркт, положено 24-дневное пребывание вместе с женой в ведомственном санатории. Едем с Валентиной туда. Нужно расхаживаться. Но у меня не хватает сил на большее, чем лежать или с трудом добираться до ближайшей скамьи в парке. Кардиологи не удовлетворены моим состоянием и опасаются рецидива. Он не заставляет себя ждать, но, к счастью, легче первого. Третий инфаркт застает меня дома. Не могу двигаться, как будто нахожусь в смирительной рубашке. Такое чувство, что все кончено.

Скорая доставляет меня в реанимацию. Шесть суток между жизнью и смертью. К моему удивлению, переживаю и это. Месяц спустя еду домой. Могу поднимать пару килограммов. Возобновляю свои прогулки в Филевском парке. Двести метров в один заход. Цель — дойти до реки, которая протекает вдоль парка. Но там крутой склон и трудно идти назад.

Здесь, на этой скамейке в Филевском парке, я задумал

написать эти воспоминания, здесь я их и заканчиваю.

notes

Примечания

1

«Этот мальчик — не еврей!»

2

В отличие от В. Барковского, организатор покушения на Л.Троцкого П.Судоплатов опубликовал в 1994 году воспоминания, в которых много выдумок и преувеличений.